
Мария Ботева
Фотографирование
осени

Αίλουρος

М а р и я   Б о т е в а

Фотографирование осени

Собрание прозы

Ailuros Publishing
New York
2013

Maria Boteva
Taking Pictures Of Autumn

Ailuros Publishing
New York
USA

Подписано в печать 2 мая 2013 г.

Фотография на обложке: Мария Ботева.
Фотопортрет Марии Ботевой: Светлана Ботева.
Редакторы: Илья Кукулин, Елена Сунцова.

Прочитать и купить книги издательства «Айлурос» можно на его официальном сайте: **www.elenasuntsova.com**

ISBN 978-1-938781-11-7

Это всё
для радости.
М. Бочева

Илья Кукулин

Как фотография становится театром

> — Вот несёшь ты на себе одну абсолютно счастливую деревню, — сказал Михеев.
>
> — Несу, — сказала земля.
>
> — Но ведь и в ней есть что сделать лучше, гораздо лучше, это ты знаешь, но когда совсем лучше, то один свет и ничего больше, и слепнем мы от света, и, как слепые, впотьмах Бог знает что делаем.
>
> — Поговори со мной о моих недостатках, — сказала земля. — Поговори об этом.
>
> *Борис Вахтин, «Одна абсолютно счастливая деревня», 1965*

Эта книга начинается с истории о том, как к автору приходит дух игры по фамилии Адрианова-Перетц… нет, извините, Перехват-Залихватская… нет, ладно, сами разберётесь, не могу сказать точно — и вся действительность превращается в театр, который нужно назвать точным именем. Тут же появляются слова, которые притворяются, что выбирают наилучшее имя для театра (ну, не «Молния» же, в конце-то концов!), но точного имени у театра, чей дух постоянно меняет имя, и который сам — постоянное изменение, быть не может. Поэтому под видом поиска названия для театра слова разыгрывают на воображаемой сцене прошлое и будущее героини:

> Вот возможные названия для театра, записала их в строчку:
>
> Мама, Гагарин, собаки, снег, зима, глагол, любовь, Ирландия, шалаш, дети, мужчины, табурет, отдельный список писателей и мультфильмов, библиотекари, камни, река, фотоплёнка, свистеть и слушать, треск и ломание, лапоть на чужой ноге, открытие для себя, лайки, поход, Арктика, велосипед, Чукотка, знания, цепи на колёса, красота, интернет, диатез, половицы, фотографии…

Фотографии здесь уже названы, фотоплёнка — тоже. После «Театра Износ-Рукавицкой» в этой книге есть несколько произведений, важнейшие мотивы которых — фотография как

особый объект и работа профессионального фотографа. Героиня хочет воплотиться, как в волшебном театре, во всех тех, кого она различает в мире и сохраняет с помощью своего фотоаппарата:

> …я часто думаю, что наверняка смогла бы стать теми, кого фотографирую, всеми этими чиновниками, недовольными горожанами, плохими дорогами, богатыми урожаями, интересными людьми, актёрами на сцене, водителями автобусов, снеговиками на железной дороге, деревьями.

Открывающее книгу произведение создано последним, но задаёт рамку для понимания того, что было написано Ботевой раньше. Фотографии в ней оказываются частью театра. То, что прежде уже стало остановленными моментами повседневности, оказывается погружено в вихрь превращений — возможно, он-то в финале книги и назван «весной». Но всё то, неназываемое вслух, что скрывала память — все эти призраки прошлого становятся невидимой частью нового театра, витают между жестами актёров, маячат у них за спинами.

В прозе Ботевой заложен глубинный внутренний конфликт, который автор не скрывает, а подчёркивает, и кажется, даже с удовольствием. Она постоянно описывает бытовые, повторяющиеся, каждодневные практики: зима, бессонница, поездки в плацкартных поездах, семейные конфликты, болезни, хождение по магазинам, разговоры ни о чем… Постоянный жест Ботевой — создать дурашливо-старательные описания таких практик, довести их тривиальность до абсурда, вывернуть их смысл наизнанку. Но у героини в прозе Ботевой всегда есть возможность показать и скрытую поэтичность этих бытовых операций, их пронизанность нездешним светом. Любая ситуация, которую Ботева описывает, находится в невидимом силовом поле между двумя возможностями: быть доведённой до идиотизма и войти в ряд волшебных поэтических превращений. Соответственно, и фигура автора колеблется от откровенно пародийного персонажа, почти клоунской маски — до бесприютного наблюдателя-странника.

Эти два полюса, видимо, проще всего сочетаются в остранённых, сдвинутых образах — они-то у Ботевой и ассоциируются с фотографиями.

В этой книге почти нет традиционных рассказов. Если определять строго, рассказ традиционной формы (но очень

чётко выдержанной!) здесь всего один — «Где правда». Основную часть книги составляют произведения, которые можно назвать серийными композициями — циклы коротких, обычно бессюжетных, но парадоксальных по духу описаний-фрагментов, в которых и происходит доведение до абсурда, поэтизация или то и другое одновременно. В современной русской литературе такими сериями работают Андрей Сен-Сеньков, Денис Осокин, Дмитрий Данилов, Дина Гатина и некоторые другие. А впервые такой жанр получил известность, кажется, благодаря давним переводам на русский язык циклов Хулио Кортасара «Жизнь хронопов и фамов» и Карела Чапека — «Побасёнки будущего».

Теперь представлю автора этой книги — пусть и с запозданием.

Мария Ботева — лауреат престижных премий (молодёжная премия «Триумф», шорт-лист премии «Дебют» (2005) и Национальной детской литературной премии «Заветная мечта»). Она пишет стихи, пьесы, «детскую» и «взрослую» прозу, на протяжении многих лет публиковалась как журналист, регулярно выступает на театральных фестивалях. Перед вами — третья книга Ботевой. До этого были изданы сборник произведений для детей и книга стихов. Пока не собраны пьесы; кроме того, только в журнале «Новый мир» была опубликована большая прозаическая работа Ботевой — поэма в прозе «Что касается счастья (ехать умирать)». В эту книгу вошли рассказы и прозаические серийные композиции.

По манере письма Ботева ближе всего к современному литературному движению, которое Александр Уланов в начале 2000-х назвал «интенсивная проза»[*], с его языковыми экспериментами, иронией, абсурдом, смешением «прозаического» и «поэтического». Традиционный литературовед сказал бы, что эта проза подчёркнуто субъективна, но это было бы неточно: «субъективность» предполагает, что уже существует некоторый субъект, некоторое «я», которое стремится к тому, чтобы быть во что бы то ни стало выраженным в тексте, а тут всё наоборот: чтобы сконструировать и одухотворить это самое «я», текст во многом и пишется.

---

[*] Уланов А. Личная буква «у» в слове «вечер» // Ex libris НГ (Газета). 2001. 19 июля (полный вариант: http://library.ferghana.ru/ulanov2.htm)

С другой стороны, очень большую роль в прозе Ботевой играют темы, словно бы взятые из новейшей социальной журналистики — в диапазоне от последних страниц провинциальных газет до «Большого города». Тихие провинциальные города Кировской области, которые Ботева в случае необходимости снабжает буйной исторической мифологией («Невидимый город Луза»), призрачная жизнь умирающих деревень («Варжа, где-то на Варже» — впрочем, там описан уже юг Вологодской области), опыт паломниц в современных православных монастырях («Устрой обо мне вещь»), работа команды волонтёров, разыскивающих в лесах тела советских, а заодно и немецких солдат, убитых во время Великой Отечественной войны («Огонь и огонь, и нельзя остыть»)... Ботева много лет занималась социальной журналистикой, но писала не только о таких «позитивных», как сегодня принято говорить, сюжетах — был у неё, например, большой и очень страшный репортаж, как в уральской деревне за действительно дурной поступок двух подростков местные мужики подвергли одного из них суду Линча, приезжала милиция, был суд, на котором вся деревня поддерживала обвиняемых... В «физиологических» очерках Ботевой ничего подобного нет. К тому же они глубоко литературны по своим сюжетам. Например, героиня «Огонь и огонь, и нельзя остыть» ищет в болоте «братьев-солдат». Это — прямая отсылка к хрестоматийному стихотворению Александра Твардовского:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте
<...>
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
<...>
В память воина-брата,
Что погиб за неё.

Стихотворение Твардовского и в СССР, и в постсоветское время использовалось в ура-патриотической пропаганде, однако прочитать историю участия единственной девушки в поисковой команде «братовьёв» в таком ключе не получается. Главные герои «Огня...» рассказывают друг другу «Слово о красных солдатах», где «красный» — вовсе не отсылка к совет-

ской идеологии, с помощью которой официальная пропаганда объясняла мужество погибших солдат.

> *Красные мы солдаты, красная наша душа, смозолилась этой войной, бились мы, бились, красная стала трава, красное солнце, небо, красные стоны раненых, ранены голоса, красная стала вода под землёй, красная стала земля, пресная стала земля, тишина.*

Это — почти то же значение слова «красный», что и в «Красном смехе» Леонида Андреева.

> Я узнал его, этот красный смех. Я искал и нашёл его, этот красный смех. Теперь я понял, что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольётся по всей земле, этот красный смех!

Деятельность волонтёров, ищущих тела погибших, в современных российских медиа ассоциируется с представлением о Великой Отечественной войне как о главном героическом деянии XX века: волонтёры — те, кто восстанавливает память о советских героях. Ботева придумывает свой собственный миф о «братовьях» и единственной сестре, и скрыто противопоставляет его официальному государственному пафосу. Благодаря этому мифу и неожиданным литературным аллюзиям (даже само название цикла «Огонь и огонь, и нельзя остыть» подозрительно напоминает название новеллы Хулио Кортасара «Все огни — огонь») образ волонтёров перестаёт легитимировать ностальгию по советской идеологии, а воспоминание о погибших лишается героических ассоциаций и переводится в модус деятельного сострадания. «…Мы-то знаем: то, что без нас — оно бедное и босое», — говорит мимоходом героиня другого произведения. Персонажи Ботевой занимаются преимущественно тем, что спасают всё бедное и босое. Но ещё и мёртвое, и безвестно сгинувшее. Мёртвые солдаты — те, кому нужно помочь, кто без «нас» не справится.

Собственно, и фотографирование для героини Ботевой имеет такой же смысл *спасения потерянного*:

> …то что на фотографии никогда ни один раз больше не повторится иногда и к лучшему. Но когда ты смотришь на них, в их неподвижности, видишь то есть вспоминаешь то что было

кроме этого вечного мига. Например фотография где тебя несёт на руках твой отец вот и всё что есть на фотографии оба мокрые у реки, это прекрасный летний солнечный день вот и всё что на фотографии но нет того, никто не знает что только что тебя только что достали из воды спасли этот самый отец своими руками вытащил из реки откуда на дне яма взялась непонятно. Можно только догадываться что могла произойти беда катастрофа по мокрым волосам. И ты смотришь на фотографию и боишься как тогда боишься смерти. На фотографии только мокрые волосы вот что я хочу сказать. Надо рассказывать истории так же чтобы было о чём рассказать, то есть можно даже больше чем нужно чтобы было больше сказано чем сказано, какое-то предложение которое относится к этой истории но можно сказать что и к другой истории но об этом другие не узнают но могут догадаться: что-то в этом есть. Вот почему эти рассказы называются фотографии.

Можно было бы объяснить это «собирательство всего безвестно сгинувшего и всех безвестно сгинувших» тем фактом, что автор — женщина, а для женской прозы это — характерный мотив. Но такая интерпретация была бы односторонней. С тем, что привычно описывается как «женское», в современной русской литературе ситуация — не менее парадоксальная, чем с готовой «субъективностью», о которой речь уже шла выше. В прозе Ботевой образ «женского» самосознания и поведения никогда не дан готовым, всегда создаётся заново. Но в любом случае женщина или девочка в её прозе — всегда носитель активного и этически оценивающего начала, и эта активность героини не является поводом ни для гордости (вот, мол, какая я эмансипированная), ни для жалоб (мужиков нормальных нет, все повывелись, вот самой и приходится…) — а задана как рамочное условие существования. Особенно выразительными — впрочем, и парадоксальными — эта непредсказуемость героини и её умение брать на себя этическую ответственность становятся в рассказе «Где правда», где только решение девочки-подростка объявить себя невменяемой дурёхой, а своим спасителем — хулигана-истерика с замашками начинающего сексуального маньяка, приводит к тому, что истерику удаётся хоть как-то адаптироваться к социуму.

Понять особенности сюжетов Ботевой можно не только и не столько из гендерной принадлежности её рассказчиц или героинь, сколько из стоящей за её творчеством литературной традиции, которую Ботева оригинально претворяет. Сама она в

числе любимых писателей называет Джерома Сэлинджера, Ричарда Бротигана и Юрия Коваля, и переклички с ними со всеми в её прозе, конечно, есть. Героиня «Где правда», например, парадоксально сочетает в себе черты Холдена Колфилда и женских персонажей Людмилы Петрушевской (например, главной героини рассказа «Свой круг»). Но за всеми влияниями и источниками, рискну предположить, стоит один автор, для понимания Ботевой принципиальный — это Андрей Платонов. Ботева продолжает Платонова не буквально и не прямо, но и идея спасения забытого, слабого и потерянного как важнейшей задачи человека, и ощущение странности языка, и сочетание иронии и стилизованного простодушия — всё это в русской литературе восходит в значительной степени именно к Платонову.

Кроме того, Ботева — одна из немногих в современной литературе продолжателей и собирателей традиций русской фантасмагории 1960-х. Среди повлиявших на неё писателей Ботева называет Юрия Коваля, который из этой фантасмагории и сам вырос, и вырастил свой роман «Суер-Выер», писавшийся с середины 1950-х до середины 1990-х. Я бы добавил Бориса Вахтина, эпиграф из которого взят к этой статье и, что совсем уж удивительно на первый взгляд, Василия Аксёнова. Вот Ботева:

> Думайте о белом, вспоминайте белое. Вспоминайте нас, скоро дом откроется, мы вернёмся, а вода уйдёт, и зима уйдёт.

А вот Аксёнов:

> Не забывай, не забывай, не забывай ярко-синего моря и всего, что связано с ним, не забывай ярко-чёрного рояля и всего, что связано с ним, не забывай ярко-белого Эльбруса и всего, что связано с ним, не забывай ярко-жёлтой яичницы и всего, что связано с ней, не забывай ярко-зелёного поля и всего, что связано с ним, не забывай ярко-красной, леденящей и пьянящей рябины и всего, что связано с ней, не забывай ничего голубого.
>
> («Золотая наша железка», 1973)

Задача, ради которой Ботева соединяет все эти традиции — совершенно новая. Из всех названных выше авторов её не ставил никто — кроме Бориса Вахтина, но его открытия до Ботевой не получили продолжения. Для описания этой задачи

нужно отступление, касающееся общих аспектов «интенсивной прозы».

В 2003 году в интернетном «Русском журнале» состоялась дискуссия о прозе Линор Горалик — одного из самых ярких представителей «интенсивной прозы». В дискуссии приняли участие Сергей Кузнецов, Олег Дарк и Дмитрий Кузьмин. Анализируя прозу Горалик, Кузьмин предположил, что современная русская литература стремится призвать читателя посочувствовать не бедному и несчастному персонажу, как в XIX веке, а такому, как он или она сам/а:

> …этически [классическая русская литературная] традиция построена на требовании сострадать «маленькому человеку» — не такому, как автор (нарратор, если угодно, — в данном случае неважно), не такому, как адресат текста. «Маленький человек» русской классики — «тот, кто меньше нас с вами». И так не только в «Шинели», откуда все вышли…, но и у Тургенева, и у Толстого, если отшелушить декларативное и наносное. Новейшая русская литература пытается понять, как возможно сострадать такому же, как ты сам (в т. ч. и отсюда — вытеснение эпического начала лирическим). И вот Горалик доводит этот сюжет до логического завершения, показывая, как, отчего и с какой стати человек, у которого всё хорошо, требует глубокого сострадания. <…> А потому вопрос стоит так: что через что выучивается — жалость (и любовь) к другому через жалость (и любовь) к себе или наоборот? Русская классика полагала, что наоборот. Кажется, что она погорячилась, не правда ли?

Эта проблематика «сочувствия к равному» действительно очень важна для «интенсивной прозы». Но Ботева пишет так, как если бы задавалась вопросом в ответ на интерпретацию Кузьмина: а как в этих условиях пересмотра этических принципов литературы писать о людях, не таких, как автор и её потенциальный читатель? О жителях провинциального города Луза, например? О паломницах в монастыре?

Ответ Ботевой состоит в том, что об этих других тоже нужно писать как о равных, а не с заранее заготовленной апологией. Слабое и беззащитное в мире — это прежде всего нечеловеческое: потерявшиеся слова, смыслы, мёртвые солдаты.

Рассказчица в её прозе всегда может затеряться среди тех, кого она описывает и фотографирует, потому что она — такая же, как её собеседники. Она — номад, кочевница, у неё

нет обжитого дома. Её поиск утраченного — работа не слишком заметная.

Таким изменением отношения к описываемой действительности Ботева резко смещает привычный для современных российских литературы и кино ракурс изображения деревень и маленьких провинциальных городов. Обычно их принято показывать как пространство социального конфликта и/или как место трагедии, где действуют социальные типы: полицейские-взяточники, чиновники, бедные бюджетники (ср. «маленького человека» русской литературы). У Ботевой жизнь в провинции, а заодно в столице и где угодно ещё — прежде всего возможность диалога и встречи с другим человеком, с которым будет интересно. Маленький город просто позволяет ей обойтись без пафоса и описывать любого человека как представителя неизвестной культуры. «Маленьких людей» в её прозе нет.

Впрочем, позиция беспризорной хранительницы для рассказчицы в прозе Ботевой — это всё же только одна из ролей. В любой момент она может вдруг посмотреть в лицо читателю и сменить облик так стремительно, что никто, вероятно, даже удивиться не успеет:

> Когда нас спрашивают, кто мы, то мы отвечаем дословно так: «Хрен с горы, седьмая скорость». Толку-то скрывать, всё равно когда-нибудь откроется.

Героиня многих серийных композиций Ботевой — трикстер, переводчица, та, кто соединяет людей. Когда не надо переводить, она говорит сама с собой на языке, понятном каждому.

> Плохо сплю, хорошо ем, не сплю, не ем, смотрю в окно, чищу крышу от снега, поливаю цветы по ночам или только чаем, но тогда в любое время, не могу найти таблицы Брадиса, чувства мои взъерошены, черничное варенье не помогает. Телевизор на каждом шагу врёт, компьютер стоит угрюмый, а тут ещё в интернете стало как-то грустно и незатейливо, на тумбочке у кровати лежит Рокуэлл Кент, Гренландия всё несбыточней, на втором, третьем, четвёртом, дальнем плане, неужели в наше время кого-то может смутить тумбочка у кровати? Бывшие работодатели не могут меня забыть и всё звонят и звонят, буквально каждый вторник.

И вот, пока я говорил, чтобы вы не очень скучали, за моей спиной, кажется, уже поставили все декорации, необходимые для описанных выше превращений. И я отхожу в сторону.

Дамы и господа, внимание!

Прозвенел третий звонок, занавес раздвигается, и слова готовы выйти перед вами на сцену.

Вот уже посреди тёмной сцены сверху упал ослепительный луч с кружащимися частичками пыли, пронизывающий мебель и висящие в воздухе старые фотографии, высветил узкое пространство, где можно встать и повернуться к публике... и вот, сначала едва заметно...

Театр Износ-Рукавицкой

Дневник

11.01.

Ночью ко мне пришла Виктория Нусс-Рукавицкая. Села на кровать со мной рядом. Я ждала, когда она заговорит. Она не говорила. Ждала, когда начну говорить я. Тупиковая ситуация. Тогда мы начали обмен мыслями. «Виктория», — подумала я. «А ты ждала Ираиду?» — подумала она в ответ. Нет, Ираиду я не ждала, я знала, что она в Белой Холунице или ещё где подальше. Отлёживается после инсульта, и не скоро ещё, не скоро доведётся её увидеть. Всё это прочитала в моих мыслях Виктория. «Ты бы хоть фамилию поменяла, что ли, местами. Ну, что это: Нусс-Рукавицкая. Рукавицкая-Нусс лучше, хоть не будет этого ср». «Пожалуй, — подумала она, — мне всё равно. Могу побыть и Рукавицкой-Нусс. А ты тогда не пиши: мой холод сгинь и рук не сдвинь». Мне как раз приснилось, что скоро я напишу стихотворение, которое будет начинаться этими словами! «Что нам, торговаться теперь?» — с тоской подумала я. «Нет, — услышала её мысль, — можешь ещё что-нибудь попросить». Что же мне просить? Пожалуй, вот. «Можешь вообще называться Виктория-Маргарита Нусс. Или Маргарита-Виктория Рукавицкая, например». «Могу. Конечно, могу», — как-то лениво подумала она. А я подумала, что, пожалуй, запутаюсь в этих именах и фамилиях. И ещё стихи теперь не напишу, первой строчки-то нету. Я отвернулась к стене, и она ушла.

11.01.

Потом она вернулась, Виктория-Маргарита, и подумала: «У тебя будет театр». «Знаю я», — подумала я и повернулась к ней. За несколько секунд, что прошли с нашего расставания, невозможная Маргарита Рукавицкая стала заметно выше и толще. «Что происходит?» — подумала я. «Откуда ты знаешь?» — подумала она. Я кивнула в сторону серванта. Сервант заполнен книгами. У него четыре полки, и на каждой книги. И внизу, за дверцами, две полки, там тоже книги. А на самом серванте стоит мой театр. Не совсем готовый, но занавес и освещение

уже есть. Осталось красиво оформить две стенки, приклеить крышку. И всё!

— Как он называется? — спросила вслух Виктория-Нусс-Маргарита. И пропала. Наступило утро.

12.01.

Я встала и почти сразу же начала делать мой театр. Он совсем небольшой, но работы хватает. Все внутренние стены театра, пол и потолок оклеены грязно-голубой непромокаемой тканью. Наружные стенки ещё не готовы. Только на двух сделана аппликация. Сегодня я пришивала жестянку к заднику и думала, дадут ли мне зарплату, а если дадут, то сколько? В это время Маргариты Рукавицкой не было. На жестянке просверлены дырочки, так что ни одна игла во время пришивания не пострадала. Как же мне назвать театр?

Как только я подумала, что не знаю, как назвать театр, в комнату вошла Рукавицкая-Нусс Виктория.

— Назови чьим-нибудь именем, — сказала она. Был день, и мы могли попросту разговаривать.

— Может быть, назвать театр именем Бротигана?

— Вряд ли ему бы понравился этот пафос. А про ловлю форели даже не думай, ещё неизвестно, какое название будет хуже.

Вот же! Я как раз собиралась подумать о ловле форели. Ладно. Может быть, театр восходящей луны? Но это что-то не то. Или театр имени существительного? Имени прилагательного? Имени глагола? Но глагол — не имя. Так даже лучше, вдруг ему обидно, что он не имя?

Позвонил телефон, и Виктория Рейснер ушла. Я собиралась за зарплатой и вдруг снова задумалась, как же мне назвать театр, и тут же появилась эта Маргарита Нос. «Она что, теперь каждый раз будет приходить, как только я подумаю о чём-нибудь?» — подумала я. «Практически», — подумала она и тут же удалилась.

12.01.

Когда я получала деньги, её не было, этой Маргариты или как там ещё. Но я почему-то всё равно оглядывалась, когда убирала их в карман. Потом я пошла искать магазины с медной проволокой (1,5 мм диаметр), красивыми дешёвыми платьями,

алкалиновыми батарейками (АА), чёрной и белой краской в баллончиках или уж бумагой, которую можно приклеить на лист (32х34 см) оцинкованной жести — когда имеешь дело с театром, никогда не знаешь, что тебе может понадобиться.

Потом поехала домой. В автобусе у водителя был такой сильный освежитель воздуха, что я сначала подумала, что за рулём женщина. Присмотрелась. В полумраке сидел и смотрел на улицу самый настоящий мужчина. Ладно. Салон автобуса весь был украшен мишурой и дождиком. На приборной доске у водителя были приклеены сувенирные игрушки, они были прилеплены к стеклу, свисали с потолка. Я насчитала пятнадцать змей, заек и котиков. В пластмассовом горшке стоял и кивал пластмассовой головой пластмассовый цветок. На зеркале были прилеплены бабочки из розовой ажурной ткани. О том, что я всё же еду в автобусе, напоминала маленькая пластмассовая женщина, голая и в волнующей позе. Она была приклеена на панельной доске ближе всего к рулю. Нет, ближе были всётаки три маленькие иконки. Такие маленькие, что мне пришлось вытянуть шею, чтобы убедиться: да, это они.

12.01.

...
:-)

12.01.

Дома теперь не знаешь, за что схватиться. Я долго не могла решить, чем заняться. На полу валялись обрывки бумаги, обрезки ткани, еловая хвоя. На серванте стоял недоделанный театр. А в холодильнике лежала свежемороженая скумбрия — она ждала соли. Приходилось делать сто дел одновременно. Наконец я села пить чай с солёной селёдкой. Одна солёная селёдка стоит столько же, сколько полторы свежемороженых скумбрии. Соль нисколько не стоит, соль из прошлых ещё времён. Почему-то только эти мысли приходили мне в голову, пока я пила чай с закрытыми глазами. А потом открыла. Невесёлая картина предстала взору. Грустно смотрела на меня обезглавленная скумбрия, хвоя горкой лежала на совке, две стенки театра жаждали клея и ткани. «Театр вносит в мою жизнь хаос, — подумала я, — неужели так будет всегда?».

И тут вошла она, эта немыслимая женщина Виктория-Соколова-Рукавицкая-да. Длинная синяя юбка в горох развевалась, красный пиджак так и бросался в глаза. Свет ста свечей струился из её глаз.

— Оставь свою скумбрию, встань и иди занимайся театром! — громко подумала она.

Право слово, в этот момент не было никого прекраснее её. Но как же она растолстела!

12.01.

Солнце давно зашло за горизонт, а я всё делала свой театр, и немыслимая Маргарита-джян стояла у меня над душой. Руки мои работали, а голова только и занималась тем, что думала над названием для театра. Премьера уже рядом, а названия нет. Вдруг мне вспомнилось, что Буратино назвал свой театр «Молния». Но это название не подходило. Для его театра подходило, а для моего — нет. Голова продолжала думать, картинки из жизни одна за другой проносились у меня перед мысленными глазами. Вот магазин «Детская обувь», в этом же здании магазин «Мир инструмента». Оба названия хороши своей неожиданностью. Не каждый, кто увидит табличку о детской обуви, догадается, что стоит перед театром. Это просто отличная идея! Но по глазам Виктории Нусс я поняла, что ей она не понравилась. Ну и ладно! Вот ещё! Буду я обращать внимание на какую-то там Викторию! Это вообще мой театр! Лучше бы я не доверяла своей голове, а полностью положилась на спинной мозг. Бывают моменты, когда нужно довериться ему, и только ему. Погасить мысли, забыть про голову, потому что она может надумать такого, за что потом станет стыдно или последует неминуемая расплата. Вот и сейчас: клей из тюбика немедленно выстрелил мне прямо в глаза, хорошо, что я успела как следует зажмуриться. На ощупь я пробралась в ванную и умылась. «Надо будет как-нибудь научиться думать не то, что думаешь», — подумала я. Маргарита и Виктория покинули меня, в комнате было пусто.

14.01.

...
:-(
...

17.01.

Пока Виктории-Эсмеральды не было, я искала названия для театра. Сначала у меня не было никакой системы. «Секс-наркотики-рок-н-ролл», — привычно подумала я. Это такое традиционное желание на новый год, его ещё нужно записать на бумажке, сжечь, бросить пепел в бокал с шампанским и выпить. Всё это — пока бьют кремлёвские куранты, отбивают первую минуту нового года. Рехнуться, конечно, но каждый год я пытаюсь проделать эту операцию. Каждый раз выдыхаюсь на слове «рок-н-ролл». Оно длинное и очень уж неудобное.

Но это название для театра не особенно подходило. Всё же я делаю театр для детей. Пожалуй, родители не захотят привести их ко мне на спектакль. Ладно, оставим это, действительно, не самые простые слова.

Тогда я решила, что нужна система, план. Для начала вспомнила всё, что люблю. Ну, почти, потому что всё вспомнить невозможно. Потом стала вспоминать свои желания и просто любимые слова. Потом отсекла ненужное. Но список всё равно получился не очень маленький, трудно будет выбрать одно название.

17.01.

Вот возможные названия для театра, записала их в строчку:

Мама, Гагарин, собаки, снег, зима, глагол, любовь, Ирландия, шалаш, дети, мужчины, табурет, отдельный список писателей и мультфильмов, библиотекари, камни, река, фотоплёнка, свистеть и слушать, треск и ломание, лапоть на чужой ноге, открытие для себя, лайки, поход, Арктика, велосипед, Чукотка, знания, цепи на колёса, красота, интернет, диатез, половицы, фотографии, озноб, компот, тащить и не отдавать, тетрадка с птицами, рукописи не горят, выражение глаз, сложная мазь, две тысячи, умные мужчины, байдарка, королева Элизабет, стило, кресло-качалка, маяк, книга Шпилёнка, дождь, сумерки, смех, гундосить, кураж, криво висящее зеркало, Берингов пролив, каникулы, чехлы для коньков, ловить и держать, победа, дрожание на ветру, горгаз, два капитана, Юрьевичи и некоторые Петровны.

Что-нибудь непременно забыла.

24.01.

С этой жизнью совсем забудешь о своих обязательствах. Я обещала Ираиде, что буду иногда думать о ней. Я уже и так написала про неё целый сценарий, правда, никто ещё не снял фильма, но всё равно — сценарий есть. Ираида есть. Театр — это ладно, но если так никто и не приступит к съёмкам фильма про Ираиду, мне придётся делать его самой. Подкоплю денег, куплю камеру. Вот какая актриса должна играть Ираиду, внимание, заинтересованные!

Она должна говорить в нос и выглядеть немного глупо, вообще забыть о том, что умеет читать, как забыла это сама Ираида после семейного стресса. Ей надо будет задавать время от времени детские вопросы вроде таких: «Почему солнце светит днём, а одуванчики распускаются только летом?». Вот такой должна быть актриса, которая мечтает сыграть Ираиду. И ещё одно условие. Молодость. То есть, отсутствие молодости. Да, согласна, молодость в душе — это хорошо. Но внешне она должна быть уже не очень молодой. Лет пятидесяти, невысокой, темноволосой. Такой, которая постоянно вспоминает своих детей, а вот дети о ней — нечасто. Такой, кто жил в бараке почти без дров и заталкивал в печку всякий мусор, жил без работы и денег. Такой, кто часто влюбляется не глядя, не обращая внимания, кто перед ней: монах, женатый мужчина или простой молодой дояр. А потом влюбляется в другого, а потом снова в другого.

Вот какая должна быть актриса, которая мечтает сыграть Ираиду. Но её трудно будет найти. Вряд ли она до конца дочитает все требования. Как только она увидит, что должна разучиться читать, так сразу и разучится. Тяжело мне придётся, смогу ли найти? Ну, всё равно ещё надо подкопить денег на камеру.

24.01.

С детскими писателями были мы в городе Выборге. Очень хорошее место для малочисленных и многочисленных сборищ. И меня взяли в Выборг, с некоторого времени я тоже стала детским писателем, мне сказали, что это весело.

И, правда, весело. Как-то все мы сидели в воротах парка Монрепо, глухих деревянных воротах, говорили о чём-то, играли в покер. Вдруг все детские писатели загалдели, зашумели,

пошли покурить. И даже Оля Николаевна пошла курить, и даже Аня, хоть она всегда была против курения в общем и сигарет по отдельности. Что могло всех так возбудить? Может быть, петарда. Наверняка петарда. Мне кажется, ничего так не возбуждает детского писателя, как петарда, которая взорвалась рядом с воротами парка Монрепо в Выборге. При этом детский писатель сидит в этих воротах, такое условие. Так вот, у всех возникло желание покурить, даже у тех, кто совсем не курит. И только Янка вышла на улицу из ворот, поёжилась и отправилась обратно. Она не слышала петарды, а если и слышала, то не обратила внимания. Я тоже высунула на улицу свой нос и хотела было отправиться обратно, как вдруг увидела, что Оля Николаевна тихой сапой пошла куда-то в сторону болот. Я догнала её, и мы пошли вместе.

Долго шли мы гатями, молча и не глядя лишний раз по сторонам, резиновые сапоги скользили по брёвнам. И вот перед нами высокое деревянное сооружение, продуваемое всеми ветрами, какие только бывают в выборгских болотах. Большая крыша стоит на высоких столбах. Для чего нужна эта крыша? Я хотела спросить у Оли Николаевны, но по её лицу поняла, что она намерена молчать.

И вдруг произошло вот что. Со всех сторон, со всех болот начали слетаться летучие мыши. Они сразу же цеплялись к потолку губами и не могли больше пошевелиться. Специальный человек на высокой лестнице двигал этих мышей, уплотнял их ряды.

Когда мы вернулись, все детские писатели были уже в воротах парка Монрепо и продолжали деликатные беседы за игрой в покер. Никто так и не узнал о жилье летучих мышей на одном из выборгских болот.

Пожалуй, в этой истории нет названия для моего театра.

24.01.

Работа над театром на какое-то время застопорилась. Сразу после того, как Виктория-Лизавета Кривовицкая пропала, мне позвонили по телефону и предложили вспомнить мятежную юность. Что же, от таких предложений не отказываются. Я пошла.

В этом подвальном месте собралось много лиц, которые собирались в другом подвальном месте лет пятнадцать назад. Но лица эти выглядели уже не так молодо и румяно. Время не

щадит никого, это надо крепко помнить, тогда невольно появится снисходительность не только к себе, но и к другим. Музыка была та же, что и пятнадцать лет назад, но люди почему-то вели себя скромнее, никто не тряс хаером, не бренчал браслетами, не снимал с себя футболки. Но перед внутренним взором проносились и проносились картины прошлого. Вдруг меня узнал один из давних друзей.

— Поехали в другое место, — сказал он мне.

И мы оказались в каком-то закрытом тайном клубе прямо под боком у городской администрации. На стене в рамочке висел устав закрытого клуба. Он провозглашал, что мы живём в свободной стране, несмотря на то, что государство думает иначе. По уставу на стене всем посетителям разрешалось пить и предаваться милым безумствам, но знать меру. Говорить о чём угодно, но при этом жалеть собеседников. Носить какую угодно одежду, но не забывать заголяться. И всё в таком духе.

Мы сразу же предались милым безумствам и радостям. Это было самое подходящее место для таких вещей. Через некоторое время я поняла, что пора домой.

— Тебя подвезти? — спросил меня друг, глядя через просвет милых безумств. Но я поехала на автобусе. Можно было идти пешком, если бы не пурга. Воистину, время не щадит никого. Ещё три года назад, когда у меня была закрытая со всех сторон полярная куртка, я бы без колебаний прошла в такую пургу весь город туда и обратно. Но — увы!— теперь не время для подобных экспериментов. По дороге я почему-то вспомнила свою тетрадку с птицами на обложке. Накануне мне подарили её, и давно бы уже мне следовало обновить презент, а я всё не обновляла и не обновляла. Где-то на перекрёстке улицы и проспекта мелькнула было Маргарита Рукавицкая, но, услышав мои мысли о тетрадке, тут же пропала.

31.01

Плохо сплю, хорошо ем, не сплю, не ем, смотрю в окно, чищу крышу от снега, поливаю цветы по ночам или только чаем, но тогда в любое время, не могу найти таблицы Брадиса, чувства мои взъерошены, черничное варенье не помогает. Телевизор на каждом шагу врёт, компьютер стоит угрюмый, а тут ещё в интернете стало как-то грустно и незатейливо, на тумбочке у кровати лежит Рокуэлл Кент, Гренландия всё несбыточней, на втором, третьем, четвёртом, дальнем плане, неуже-

ли в наше время кого-то может смутить тумбочка у кровати? Бывшие работодатели не могут меня забыть и всё звонят и звонят, буквально каждый вторник. Всё это — следствие того хаоса, который внёс в мою жизнь театр. Может быть, назвать его Пытливым умом? Это ничего не даст, но внесёт хоть какой-то смысл.

31.01. — 1.02.

Ролл-Филадельфия вернулась почти что на рассвете, как только день начал прибывать на пять минут против трёх. Она забралась ко мне под одеяло и сказала простуженным голосом: «Я замёрзла». Пришлось подвинуться и вжаться в стену, от чего мышцы мои похолодели. Через пять минут, ровно в тот момент, когда взошло солнце, я подумала, что всё это довольно странно, и такой совместный сон в одной кровати в нынешней ситуации может быть опасен, но вслух ничего не сказала. Однако Виктория услышала мою мысль и тут же покрылась колючками и звонкими горькими ручейками. Я стала думать о Гренландии и Северном полюсе. Маргарита успокоилась и уснула, но эхо её мыслей о самоцензуре какое-то время ещё жужжало над одеялом. Постепенно дыхание Размозжаевой-Нусс потактово совпало с моим, тело её уменьшилось в размерах, так что я совсем забыла о ней и тоже уснула. Так незаметно к нам возвращается память детства и беззаботности, забываются все обидные слова, которые когда-то были сказаны в наш адрес, мы вспоминаем все свои потерянные варежки, немногочисленные победные шахматные партии. Может быть, назвать театр эндшпилем? Или, пуще того, линейным матом?

1.02.

Виктория-Маргарита учила меня правильным названиям театра, проводила тесты и словарные диктанты, в которых требовала безошибочного написания и безупречного произношения названий театров. На арифметике требовала сложить один театр с другим, от одного отнять и прибавить к тому, разделить между всеми какую-нибудь грустную участь. Но у неё мало что получалось, я была плохой ученицей, а она — никудышным учителем. Мы бились над этими названиями несколько дней. Так незаметно и весело прошло время, я уже два раза сыграла премьерный спектакль (раз в неделю), а названия всё

не было. Однако, как ни странно, с этой толстухой мне было веселее, и однажды я подумала об этом. В тот же миг Маргарита улыбнулась самой светлой улыбкой, на которую только была способна, внутренне высветилась и покраснела. «А она падка на лесть», — неосторожно подумала я. «И ты тоже», — подумала Виктория-Виктория. Это была правда, но каждый из нас находится во власти своих предрассудков, вот и я в другой день обязательно бы порвала с Марией-Мирабелой, но не в этот. У меня было прекрасное настроение, я плюнула на все свои предрассудки и наварила полную кастрюлю компота. Мы вышли на улицу и стали угощать прекраснейшим напитком обычных прохожих, которые ни в чём не виноваты. И вдруг в голове у меня сама собой появилась мысль: «Кажется, обществом не очень одобряется такое обращение с компотом. Как бы чего не вышло». После этого Валентина-Гони снова покинула меня, потому что и у неё тоже есть свои предрассудки. Мне же остался компот, а что касается предрассудков, то тут за них я ручаться не могу.

4.02

Вдруг в голову мне пришла блестящая мысль! Такое не очень часто случается, поэтому всегда надо относиться к таким явлениям внимательно. Иногда даже настороженно. Где же, где эта невозможная Виктория Нусс, почему бы ей не услышать эту великолепную идею, не увлечься ею, не начать воплощать в жизнь? Гораздо лучшего мнения была я о Шарлотте-Эмилии-Энн!

«Что ещё за идея?» — услышала я ленивую мысль Маргариты Раздергайло. Ага!

— Предлагаю пойти цеплять мужиков, — сказала я вслух. Дома был только маленький пёс, мы могли свободно общаться и даже осторожно махать руками.

— А куда? — спросила на всё готовая пупыресса и прямо на глазах начала менять кожу.

— Есть тут одно местечко, — туманно ответила я, но она была так увлечена сменой кожи, что не заметила этой туманности.

Местечко, конечно, было не одно, но я повела её в самое лучшее. Пешеходный переход через Луганскую улицу — самый сенокос! Не раз стояла я на остановке рядом с этим переходом, смотрела на светофор, слушала, как он вскрикивает на зелёный

сигнал стаей умирающих птиц. Слушать это невыносимо, но надо же как-то тренировать волю и вырабатывать терпимость к условиям жизни. Почему не на Луганской?

И вот мы на месте. Прямо у светофора. Зелёный свет то потухнет, то зажжётся вновь. Птицы то шумят, то молчат. В ста метрах от нас магазин, куда я езжу фотографировать сосиски для рекламы в газете. Кругом снега и запахи бензина. И ни одного мужика! Только женщины идут с пустыми сумками в магазин, и с полными — обратно. Только женщины, снег и орущий светофор.

Вдруг услышали мы и мужские голоса. Трое молодцев не самого привлекательного вида переходили дорогу не по светофору, а вольно, но неумолимо приближались к нам. Румяницкая Виктория-Маргарита как-то вся собралась, похорошела и даже как будто постройнела. Мы смогли разобрать, о чём они говорят.

— Тогда, может, посчитаемся, кто сколько выпил? — говорил один.

— У нас бутылка на машину упала. Я хотел посмотреть, что там. Маме говорю: «Мама, подними меня! Я хочу посмотреть!». А мама: «Вырастешь — посмотришь!» — говорил второй.

— Посчитаем, кто сколько выпил, с учётом опохмела утром! — закончил свою мысль первый и укоризненно посмотрел на третьего спутника. Тот мрачно сплюнул.

«Мимо», — подумала я, потому что ну видно же сразу мелочность.

«Ха!» — в ответ мне подумала Виктория, и к ней тут же прицепился тот, который хотел посмотреть на крышу у машины. Я постояла ещё немного, послушала крики умирающих птиц и пошла домой.

7.02.

— Ты что же, записываешь всё, что мы делаем? — спросила меня Жанна-Марго.

— Нет, конечно же нет, — ответила я, — кое-где я ставлю многоточия или смайлы.

10.02.

...

12.02.

Никак не выходил у меня из головы этот забор. Нужно было побыстрее добраться от моего дома к дому культуры. Козьими тропами прошла я мимо ям и увидела школу 45 и пятиэтажный дом. Рядом с домом перекладина для хлопания ковров. Под перекладиной тропинка. Наступил февраль, и тропу заметает снегом, трудно по ней ходить. В прошлом году ещё можно было как-то ползком, ползком — рядом со школой, но только не сейчас.

Летом всем школам выделили по миллиону электронных денег, и велели поставить вокруг себя забор. Что же, все они получили электронные миллионы, провели электронные торги, наняли электронных рабочих. Так же поступили и в школе 45, электронный миллион можно было потратить только на электронный забор. Там тоже наняли электронных рабочих и приступили к делу. Рабочие походили-походили вокруг школы, нарисовали электронный план забора, утвердили его с электронным директором. Не забыли калитки: главную и запасные, со стороны хоккейной коробки. К осени электронный забор был готов. Электронными руками сработали его электронные рабочие. Получили свой электронный миллион и куда-то спустили, но это уж не наше дело. Настало время проститься со словом «электронный», оно порядком надоело за эти два абзаца (двадцать две строки). Стоит только добавить, что каждый раз в этом феврале я забываю о заборе, иду себе и останавливаюсь только тогда, когда упираюсь лбом в этот их электронный миллионный забор. Конечно, я бы могла назвать театр каким-нибудь электронным словом, но театр-то совсем не электронный, значит, это название не подходит, надо придумывать что-то другое.

12.02

«Хватит размышлять о заборах, лучше я тебе тоже покажу одно местечко», — услышала я мысль Люси Иванов-Разумник. Мы оделись, вышли из дому, не торопясь дошли до остановки, сели в общественный транспорт и поехали через весь город. Проехали мы и мимо хлебозавода, и мимо мясокомбината, пересекли улицу МОПРа, улицу Труда и много других славных, узких, широких, грустных заснеженных улиц. Видели мы и ЦУМ, и гостиницу, и пару памятников Кирову Сергею, и цирк с

прудом и уточками, и железнодорожную больницу, и многое другое на противоположной, чётной стороне проспекта. Видели даже вокзал. И его проехали. Наконец вышли. Тут Виктория Кроши-Сало повела меня через дорогу. Мы прошли мимо каменного пятиэтажного дома, мимо крыльца, с которого уборщица выливает воду в сугроб, и снег леденеет тут чёрной дырой, прошли недалеко, только лишь до двухэтажного сарая с балконом. Зашли за него. Встали под деревянный балкон. Под ногами у нас лежал мусор, но не кучами, а так — потихонечку. Вот что удалось увидеть: порванный резиновый мяч и спитые чайные пакетики (4 шт.), пустые пластиковые бутылки (0,5 л.) и обёртку из-под сливочного масла. Пожалуй, это всё. Маргарита засунула руку в щель сарая и достала папиросы, набитые трубочным табаком, предложила мне. Я не стала, не признаю трубочного табаку. Она начала курить, и я наконец-то нашла время посмотреть вперёд. Какие дали открылись мне, трудно передать одним словом. И несколькими, пожалуй, не легче. Они немного напоминали панораму Вятки с высокого городского берега, но сколько-то туманнее. Было похоже на вид с высоких известняковых скал на реке Немде, но как будто бы ты не держишься за скалу, а висишь в воздухе, за секунду до окончательного падения. Немного виделось красот, но стоило приглядеться, как их становилось больше. Присмотрелась и увидела, что вся долина, вся даль блестит мокрым валуном. А между валунами виднеется перламутровость: жемчуга, соболя и трофеи музыкальных полков. «Полков или полок?». «Полков». Лёгкий ветерок, почти весенний, обдувал спины, снег лежал под ногами, а впереди мы видели Шир с поправкой на Слободской. «Бог есть», — думала я, глядя на красоты и даль. «Конечно же», — всё пыхала и пыхала своим трубочным табаком Зиновьева-Летс Маргарита.

— Скажите, сегодня суббота, что ли? — спросил кто-то престарелым голосом. Рядом с нами топталась в снегу и мусоре пожилая женщина.

— Суббота, конечно, суббота, — ответила я.

— Как же это? Правда, что ли?

— Правда, конечно, правда, — подтвердила и Маргарита-Виктория.

— А то я пришла к садику на внучку посмотреть, а окна тёмные, думаю, суббота, что ли? Как это я ошиблась?

— Бывает, — сказали мы с Кунштюк-Федосьевой в один голос, — это ничаво, — и улыбнулись как могли широко.

Я перевела взгляд с женщины в неоглядную даль. И увидела детский сад, оштукатуренный и крашеный белой краской. Замой немного грустно смотреть на пустой детский сад. Надо постараться больше так не делать.

13.02.

Вешать объявления на деревья пока ещё не запрещено, вот и прицеплены всюду таблички: «Уборка снега, чистка крыш» и «Бесплатная помощь наркозависимым, алкоголезависимым». Снег с крыши я скидываю сама, и бесплатная помощь мне тоже не нужна, у меня другая зависимость. Который день Маргарита-Виктория носит меня на закорках, и я рассказываю ей на ухо свои истории, мысли и сны, а она становится всё быстрее, выше, сильнее. Конечно, мысли можно было бы и не рассказывать, но раз уж пошла такая пьянка, то почему бы и не рассказать? Не вижу причин для остановки. К тому же я заподозревала, что моя Мери Поппинс-Досвиданье слышит не все мои мысли. К примеру, она как-то совсем не думает о театре, не подхватывает мои идеи названий. Частенько её мысли забираются куда-то за угол дома, скоро она покинет меня. «Я сделала, что смогла, всё выслушала», — подумала сегодня Мать-Тереза Живи, — «дальше придётся самой». «Хорошо. Угадай мою мысль», — подумала я и спросила голосом:

— Знаешь, что я думаю обо всём этом? Обо всей этой действительности?

Мы как раз шли мимо стройки какого-то нового торгового центра, по дорогам ехали камазы, гружёные углём, кругом нас топталась и продолжалась жизнь, голуби кидались под ноги, бледное солнце сидело на сером небе, поднимался ветер.

— Что-нибудь музыкальное? — спросила Чайковская-Спивак.

Точно, музыкальное! Это правда, каждое утро, только открою глаза, я думала одно и то же, каждый раз одно и то же. Не знаю, кто в этом виноват: я сама или окружающая действительность, но каждое утро начиналось одной и той же фразой.

— Только родина, только хардкор! — произнесла я её в лицо невозможной Виктории-Маргарите Рукавицкой-Нусс. Мысль её побежала куда-то за угол дома, а сама она прямо на глазах стала уменьшаться, уменьшаться, и вот я слезла с её спины. На прощание Виктория протянула мне руку.

«Я заберу все твои имена себе на память», — подумала я. «Забира-ай!» — донеслась её мысль из-за угла. Маргарита-Виктория пропала в людском переменчивом море. Меня ждал театр и неизбежные неизвестные мысли о том, что делать дальше. Чем занимаются в таком случае? Театром, наверняка театром.

Потерянная глава

Эта глава была потеряна, но довольно быстро нашлась. Она просто закатилась под стол, и всё, что мне нужно было сделать — наклониться и поднять её с пола. Так я и поступила. Вот так дурацкое происшествие, нелепая случайность дали имя этой главе. Это всё, что нужно знать о ней.

Зима, чёрно-белый doc

*

Снега так много, счастье особого свойства, когда можно расплакаться от него, но это так глупо.. Подойдут и спросят: «Чего ревёшь?» — как объяснить? От снега? От света? От красоты?

Белый снег, тропинки из песка, закат отражается в окнах многоэтажек, розовое облако со светлой каймой, пробки, автобус подолгу стоит на одном месте, так что всё можно рассмотреть детально. Думаешь: видит ли это кто-то ещё? Видит ли кто-то, кроме тебя? Невозможно же, чтобы не видели. Невозможно. Успокаиваешься, едешь дальше, смотришь, думаешь: о снеге можно много написать, прямо сейчас взять ручку и начать — о снеге, о зиме, о белом. Но уже написана сказка, если бы не эта сказка о снеге, можно было бы написать о снеге. Но люди могут устать от этого, от снега, от белого, от света, дорожки из песка не всем нравятся так же сильно. С трудом сдерживаешься, чтобы не написать. Хорошо хотя бы думать о снеге постоянно, и вспоминать некоторые слова, держать их в голове, перекатывать во рту, пробовать на вкус: снег, свет, лес. Снег, свет, смех. Свет, свет, снег. Смех, снег, лес. И так далее, пока не доедешь до работы, а там уж будут другие слова. А когда устанешь от них, посмотреть в окно — а там снег, свет, снег.

На городских ёлках лежит снег, пока ещё январь, но придёт февраль, весь его пообдует с веток, посшибает, останутся они без снега, без наряда, как летом. Снова как летом. Недолго их счастье и белая красота.

На киосках провода с иллюминацией, их прикрыло снежными карнизами, и огни оказались внутри снега. Они продолжают бежать, светиться из-под белого — матово и нежно, берегут от яркости наши глаза.

Всё бережет нас этой зимой, всё жалеет. На улице так красиво, светло, так радостно, что начинаешь бояться, как бы это не потерять, внутрь, в живот, как будто пробирается мороз — и это счастье? Но вполне можно уйти в дом, отвернуться от окна, не видеть ничего белого, успокоиться. И снова посмотреть в окно, убедиться, что красота твоя никуда не делась, те же чёрные ветки под снегом, те же дорожки из песка, и морозно так же, как было утром, а может быть, ещё холоднее. Только что

было тревожно, только что был холод внутри, а теперь — хорошо, празднично. Правда, как зима не даёт забыть о себе, холодит щёки, так и у этой радости внутри как будто сидят иголки: ступишь не так, поскользнёшься, подумаешь о чём-то другом — и уколешься. Завозишься, забеспокоишься — и иголки будут колоть сильнее. Зима говорит: «Спокойствие, будьте спокойны, пока что я тут, с вами».

Пока она тут.

*

Мир же не пустой, в самом деле, даже если ничего нет у тебя и ходишь, как обалдуй, по городу, ищешь надпись: осторожно, сход снега, а её всё нет, а снег сходит и сходит, а больше и нет ничего, так вот, всё равно остаются слова какие-то. Они ходят и ходят по миру, босые, бедняжие, без тебя, может быть, не такие и бедные, но мы-то знаем: то, что без нас — оно бедное и босое. Давай теперь майся, ищи свои слова, они ходят уже внутри, в тебе, но их не поймать, ходит же по тебе кровь, сто раз в день ходит по тебе туда-туда-туда, обратного хода нет, она по другой дороге возвращается. Хотя почему же возвращается, она всё время уходит из дома, из того места, откуда появилась. Откуда она появилась, чего нарезает круги, чего так беспокоится? И не увидишь, пока внутри. Только поранься, травмируйся, порежь себе руку, допустим, и вот выходит, вытекает, капает, можно терять сознание, можно смотреть, можно собрать, но обратно вряд ли вернёшь её. И слова ходят по тебе, то ли с кровью, то ли сами по себе, туда-туда-туда, попробуй поймать, ходи, нарезай круги, ищи надписи на домах, на витринах, где получится. А вокруг мир пустой, не поймёшь даже, где сход снега, только и остаётся держаться старыми новостями, потому что старые новости лучше новых, к тому же можно повыбирать — старые плохие новости мы не помним, старые хорошие новости держим перед глазами, в случае чего хватаем и прикрываемся, как щитом. Но мир пуст, от кого же тебе прикрываться? Если мир пуст, от кого тебе прикрываться, с кем сражаться, от кого убегать и кого догонять? Некого. Даже надписей не осталось, никаких свидетельств, ничего, ничего, в некоторых местах — тихое эхо, недовольное, еле просыпается, если крикнешь, и то хлеб — говорят тебе твои слова, вдруг они говорят с тобой, про эхо: уже хорошо, мир, видишь, пока не совсем пустой.

*

Бедный Чебурашка совсем устал стоять в снегу, смотрит так жалобно, совсем пообтёрся, Гена играет ему на гармошке, а лучше не становится, становится теплее. Есть и у этой зимы недостатки, как ни старайся, как малого ни морозь, всё равно он смотрит куда-то, может, на снег, может, на того, кто выше его, может, на небо, а небо становится ярче. Каждый день ярче, синее, и солнце светит, и птицы какие-то запели, ну, как запели — о чём-то всё говорят. И Винни-Пух, и лягушка с осликом не ушли вовсе под снег, а остались тут ждать весны, маленькие гипсовые скульптуры. Мы не видели их всю зиму, а они ждали и думали: кто-то же нас найдёт, кто-то поймёт, что зима временно, зима отдельно от нас, сколько ни сыпь снега, мы стоим и напоминаем о лете, о весне. Найдите же нас.

Это они шёпотом говорят, без восклицательных, почти не слышно. За скрипом снега не слышишь. Бежишь от мороза быстрее в дом — и не видишь их. Смотришь вокруг — от снега слепит глаза, не замечаешь вообще ничего, ни булочных, ни банков, ни горок, ни каких-то кафе. Потом быстро темно.

И вот находишь их всех, случайно, однажды, старинных своих приятелей, а гнома не находишь, раньше где-то рядом был ещё гном, а теперь его нет, весь оказался под снегом, весь — с колпаком. Может, кто-то там есть ещё? Может, гном не один? Остаётся на это надеяться, потому что одному под снегом, должно быть, очень не просто. На это и надежда. Что же, придётся смириться, что зима кончится, надо же выбраться из-под снега тому, кто там оказался, он же не специально.

*

Всё ноги и ноги — ну, а чем же ещё ходить, разве можно только мыслями дотянуться в разные стороны, как в слове о полку, кто его помнит. Надо ли — никто и не спрашивает. Всё плечи и плечи, хорошо, что мёрзнут только они. И то в конце зимы так получилось. Так получилось, что это старая курточка, в той вообще ничего не мёрзнет, пойди догадайся, что там на улице — зима, не зима. И вдруг наденешь старьё, лезут перья из всех швов, пассажиры в автобусе отходят подальше, мало ли у кого аллергия, и на плечах уже ничего не осталось, всё. Не страшно, не замёрзнешь, на небе солнце, дым из труб.

На улице Романтиков замечены только собаки, которые проводят тебя лаем, кто-то вскочит на свою конуру, кто-то поставит лапы на забор. На улице А. Ахматовой всегда тихо, только с Пионерской заехала задним ходом «девятка» — развернуться. На Тополиной улице из калитки пятого дома выбежал пёс, поговорить — у маленькой девочки, хозяйки, не получилось остановить, а сам он сдержаться не смог. Ничего страшного, она его догнала, поймала за ошейник и увела (как ты надоел!). На улице имени деревни Жу́чки (не видно было названия, оставим на совести автора) много жучек без привязи. Сонные, они лежат на дороге, но просыпаются посмотреть на чужого человека, подбегают — кто погавкать, кто-то — повилять хвостом, трогать их не надо, ну уж. Запрудная тропинкой поднимается круто вверх, из Татарки выходишь куда-то. Выходишь, и ладно, всё. Опомнись от этого дня. Дальше снова твой город.

*

Ёлки любимые стоят у стадиона, почему их называют голубыми, когда они обычные зелёные ёлки? Ничего, никакого намёка. Вот они продержались весь январь с толстым снегом на ветках, потом в феврале стояли, теперь нет никакого снега, так, на одной, внизу, на толстых нижних ветках, большой слой. Но это чепуха, это ничего. Можно сказать, ничего нет. В январе снега было столько, дом можно построить, никто не строил, все ехали мимо, думали — вот, ёлки. Или не думали, потому что окна заледенели, не видно, что там делается, не проехать бы свою остановку.

И вот, пожалуйста, теперь ёлки стоят с изогнутыми верхушками, все. Каждая. Думаешь — ты-то чей крест несёшь? Откуда бы знать. Вот к одной, крайней, сгребли гору колотого снега с асфальта, он там лежит, навалился на дерево, какой молодец. Она его держит, и ещё верхушка наклонена, смотрит долу, не возражает, потому что всё равно бессловесная. Умели бы говорить, что бы узнали от них о себе: вы сидите ночью в тепле, снег на вас падает и тает, не остаётся лежать, вы можете ходить туда и обратно, мимо нас, даже ездить в машинах, можете слетать быстро на юг и вернуться, а мы стоим, склонили головы свои, свои верхушки, и чего вам ещё? Что скрипите и жалуетесь, просто нам непонятно. Нет, не ругаемся, но живите и радуйтесь, приходите к нам, не забывайте.

Говорящие ёлки у стадиона.

*

Расколотая зима, это расколотый год. Сначала была осень и разные планы на жизнь, выпал снег, и началась зима настоящая, всё как будто сбывалось, а надо было предвидеть, угадать, но разве ждёшь подвоха от тех, кого любишь? И зима закончилась через месяц. Пошёл дождь, асфальт заледенел, и на вокзале упала важная персона, поскользнулась, упала — и всё пошло кувырком, городские власти сказали: мы найдём крайнего, и нашли. Крайний сказал в телевизор: это моя вина. А важная персона прогуливалась по дорожкам в санатории. В санаториях. Это был ещё не раскол, так — трещина.

Дождь долго был, шёл и шёл, когда давно надо бы снега и снега. Всё равно дрова расходовать и уголь, так хотя бы ходить по чистому. То, что любишь, стало схлопываться, закрываться, скручиваться невозвратно, теперь уже не вернёшь. Всё проходит, и это тоже прошло, морозы ударили по живой воде, по раскрытым озимым, клубнике, яблоне, вишне, набухшим их почкам. Никто не ждал подвоха, зима раскололась, но потом эту рану, прореху занесло снегом, так красиво, даже не скажешь, что было плохо, что год расколот. Снег лёг, лёд встал, самое то для рыбалки. Ладно, живём дальше, достали фотоаппараты, ходят, снимают, говорят в телевизор: как прекрасно у нас в это время, приезжайте, смотрите. Теперь вся Европа узнает, как может быть красиво, их же занесло этой зимой, вот следующей соскучатся по настоящему снегу, приедут к нам, будет тут кладезь туризма.

И это расколотая зима, это расколотый год, потому что так нельзя, так не по правилам и не считово, всегда было постепенно, то есть осень незаметно переходила в зиму, зима становилась весной, потом само собой получалось лето, и, конечно, осень, всё как-то складывалось, друг за другом шло, никто не ссорился. А сейчас то, что ты любишь — скручивается, закрывается, исчезает, даже твои слова тебя не слушают, не спасают, спорят друг с другом, расколотая зима, ожидание, праздничный светлый день.

*

Невидимый город, да, это так, странно, что есть невидимые города. Пока живёшь у себя, пока никуда не едешь, кажется, все города невидимые, все они никуда не годятся, зачем, ко-

гда есть свой — вот он, у тебя под ногами, перед глазами, вот он, проходишь через него в день по два раза. Правда, из некоторых приходят письма и даже посылки, получается, они есть, они всё-таки есть, они где-нибудь существуют. И если человек уехал так далеко, что даже душой не задеть, не пишет — раньше-то письма приходили, их можно найти, перечитать, как раз зима заканчивается, самое лучшее занятие, пока ещё лежит снег, и холодно гулять вечерами. На конверте написано название города, возьми карту, найди его.

А этот город — он самый невидимый, и скоро его совсем не станет, жители уже разъезжаются, поезд уезжает каждую ночь, в 23:35. Никто не замечает маленький город, только политические карты и будущие депутаты — надо же им где-то собрать подписи для участия в выборах. А больше его ни для кого нет. В три часа дня по железной дороге проходит поезд, пассажиры смотрят из окон вниз, думают: что это за деревня? — но это не деревня. В это время тут пасмурно, и никто никогда не фотографировал поезд, кто же снимает в такую погоду? А если светит солнце, жители останавливаются и смотрят, — в самом деле, это красиво: сверкающий снег и поезд на фоне зелёного леса, он едет как будто сверху, железная дорога идёт выше, и город оказывается внизу — так лежит яблоко в чашке. Тут не до фотографий, так что и поезд тоже невидимка — может быть, его нет.

В городе негде работать, жители сидят дома и топят печи, кто-то рубит лес, продаёт дрова — и в воздухе пахнет дымом, а зимой ещё пахнет стихами, без этого тут не прожить. Горожане не унывают, они говорят: мы тоже уйдём, вместе с городом мы уйдём в историю, вместе с закрытым заводом, вместе со снегом, но пока ещё поживём, несколько зим, несколько лет. Люди ещё тут есть, но это правда — их сейчас уже видно всё хуже и хуже. Конечно, это просто потому что зима, а в воздухе повисла влага, лёгкий туман, дымка, и дым ещё над домами — это понятно. Но их всё меньше и меньше, и скоро мы совсем перестанем на них смотреть, забудем их видеть.

*

Белый снег, белое небо, белая колючая изморозь на ветках — это зима и повышенная влажность, нет же, это всё начинается и начинается весна, всё начинается, но её опять перебил снег. Смотреть на белое, думать о белом, запомнить белое — и

ничего плохого. Но белое, вспомним фотографирование, в негативе чёрное. Белое кому-то негатив. Вот, например, кто-то думает, что зима — всё белое — как больница. Или говорят — всё белое, холодное, мерзкое. Ну да, как же.

В это время всё настоящее — жизнь и прочее, всё живое. Хотя люди могут быть правы — живое, но больное.

Это борьба, вся жизнь зимой — борьба, ничего не даётся просто. Примеры. Чтобы выйти на улицу, надо одеться теплей. Кругом снег — поднимай выше ноги. Иди быстрее, не задерживайся на улице, особенно если ветер, неси к печке дрова и уголь — если живёшь за городом. Ну вот, к весне они закончились, надо бороться и дальше, и теперь, хоть и белое небо, хоть целый день пахнет дождём, и кажется, что ещё немного, и он пойдёт — а дрова всё равно нужны, топить ещё долго.

В январе в городе лопнули трубы, на работе и дома лопнули трубы, вода не течёт, приходится размораживать, ждать воды из-под крана. В марте в яму подошла вода — авария водопровода, в подвале под домом стоит вода, обычное дело в начале весны, мокрые стены, в квартире так пахнет, что впору сбежать подальше. Но кто же бросит в беде свой дом, да никто, разве только если надо в командировку. Что же, стены, пока, что же, стыньте. Думайте о белом, вспоминайте белое. Вспоминайте нас, скоро дом откроется, мы вернёмся, а вода уйдёт, и зима уйдёт.

*

Полосатый снег — это быстрый бег, ты бежишь за днём, он скрывается за мостом, загораются фонари. По сугробам собака скачет, не проваливается, и проталины не сломать, пробуешь хотя бы согреть, льдом по льду звенеть, потому что голос посажен ещё вчера, где-то носит с восьми утра.

Ну, беги, беги — с утра до полудня, дальше до вечера, потом возвращайся домой, говори с людьми. Все слова растеряны, смущены — это быстрый бег, в животе горячая пустота. Посмотри в окно — за окном метель — это быстрый снег, он заносит трещину на земле, он в неё гудит. За стеной соседи орут, под окном коты, за столом сидишь, кто-то позвонил — дома ли ты, на месте ли ты. На месте ли ты.

Это трескается земля, кружится голова, собираешь, ищешь свои слова — одно, два... Говоришь — земля, говоришь

— зима. Это трескается скорлупа зимы, это всё зима, не земля, продолжаем жить, это трескается зима.

Фотографии

Москва

Москва звенят колокола вилки тоже Москва это такие вилки были у нас когда я была маленькая может одна осталась до сих пор на них на ручках был нарисован кремль ну как нарисован, просто выпуклый кремль вот и всё мы ели вилкой говорили маме мне только вилку с Москвой, пока их было ещё много она говорила, это не Москва это кремль ну как же не Москва когда Москва кремль же там. Точнее не кремль а Спасская башня на которой часы показывают в новый год всё время Москва точно не помню сколько на вилке не разглядеть к тому же тогда ещё не знала часов. Недавно я ездила в Москву слышала как бьют эти часы красиво китайцы японцы покупают ушанки ходят слушают и другие туристы наши тоже это было в школьные каникулы этой весной там много всего можно посмотреть в столице и ехать не так уж долго.

Ножики

Там за гаражами там где мы играли в ножики там за гаражами. Где нам разбивали нос до крови там за гаражами, никто толком не умел но пацаны это те самые пацаны которые хотели одному из нас, то есть одного из нас ударить ткнуть ножиком этим самым ножиком в земле и могло быть заражение крови, что бы мы потом сказали маме это было давно, очень давно, совсем. Там за гаражами мы прыгали с крыши гаража в снег но была весна снег таял хоть и в тени медленнее, только всё равно таял и ноги как будто уходили внутрь, в нас, да точно внутрь, оттого мы выросли такими низкими так что не все даже верят что мы люди, я хочу сказать не видят в нас людей а только лишь малявок мексиканских зверей аксолотлей такие они есть. Там за гаражами вечером кому больше четырнадцати гоняли на мопедах на мотоцикл денег не было, оставались только мопеды там мы играли в ножики хоть не умели, а те на мопедах не хотели учить и это хорошо потому что тогда бы точно досталось ножом в земле, грязным в земле ножом, это было за гаражами никто бы не увидел вот почему там было довольно страшно, к тому же ты помнишь они взрос-

лели но и мы, хоть потихонечку росли хоть и с короткими ногами. И вот те кто старше они гоняли на мопедах и однажды поехали за нами, если бы не знали тот узкий пролаз между гаражами прямо к нашему дому то догнали бы точно. Тогда мы каждый день жгли костры и они горели.

Оружие

Однажды в одном детском лагере я работала в детском оздоровительном лагере туда приехали военные учить патриотическому воспитанию детей, приехали на военной машине среди них один полненький он начал показывать ребятам оружие рассказывать какое как стреляет, дальность пробиваемость и так далее всё. Они смотрели, слушали, трогали у меня росла тревога с каждым оружием нет они все были не заряжены и детям даже нравилось но садилось солнце, оно солнце красиво отражалось в реке, всё было красиво хорошо очень мило, спокойно, даже комаров тут не было, засуха весной снизилась численность, можно было потрогать винтовки автоматы пистолеты, ТТ, но живот скрутило я ушла, у меня ведь погиб в Афгане двоюродный дядя мне было два года на памятной стеле в городе его фамилия у меня такая же.

Лимоны

Сейчас эта моя подруга замужем а тогда она замужем не была когда с ней случилась эта история а теперь замужем, но денег у них всё равно нет, а тогда она разорилась на килограмм лимонов и купила их и съела теперь не ест, не может потому что тогда ей было это много она до сих пор не может забыть, не ест. А муж ест и даже не подозревает ничего что эти жертвы были из-за него, весь килограмм лимонов это жертва у алтаря их любви, потому что когда он однажды приехал к ней издалека она была готова на всё она соскучилась и согласна была буквально на всё, единственное у неё должны были начаться неспокойные дни, женское нездоровье словом месячные и она мужественно ела лимоны, один за другим, весь килограмм чтобы задержать эти дни так все спортсменки делают перед важными соревнованиями а она теперь так не делает никогда, теперь она замужем вот вам очередная жертва спорта.

Поезд

Недавно я ехала в поезде на верхней полке, мне всегда достаётся верхняя полка где-нибудь у туалета так и тут точно так же но я хочу сказать что все соседи у меня были женщины, соседки. А одну из них провожала мама потому что она была соседка была маленькая где-то пятнадцать лет, а одна соседка, другая, она была примерно на седьмом месяце, беременной досталась верхняя полка а девочке нижняя ещё одна нижняя у третьей соседки женщины, девочке покупали нижнюю специально. Но беременная пришла раньше и засунула свою сумку вниз, но она не вошла и торчала, и сиденье из-за этого приподнималось и беременную провожали муж и брат, они эту сумку и запихнули они все вышли прощаться на перрон. Тут и вошла девочка соседка и её мама, мама стала возмущаться говорить кучеряво устроились но что толку беременной нет а сама она не стала тащить сумку зато пошла сказала проводнице чтобы проследила чтобы сумку потом убрали сама ушла. Потом вернулась но вместе с беременной чтобы та подняла сумку но она не подняла мало того, потом девочка уступила своё нижнее место а сама забралась вверх, поезд уже ехал мама ушла и не видела этого.

Библиотека

Журналист такой же писатель который не должен врать я когда-то хотела стать журналистом работать в газете ещё лучше на телевидении, придумала две передачи обе ток-шоу но теперь передумала, потому что меня обманул журналист я им не верю. И сама так не буду однажды я шла по улице. Ко мне подошёл человек спросить дорогу говорит: как пройти в библиотеку я говорю я не знаю попробуйте обойти справа думала он боится луж. Была весна он сказал спасибо, и ушёл но совсем не в библиотеку а всё приставал к людям через неделю. Я увидела одну газету там было про безграмотность он написал никто не знает как даже пройти в библиотеку во-первых почему все должны это знать не обязаны, у всех дела а тут кто-то левый спрашивает библиотеку, это первое, а во-вторых я знаю а он врёт.

Фотографии

Все фотографии это такие вещи карточки на которых всё застыло и остановилось стоит на месте то что на фотографии никогда ни один раз больше не повторится иногда и к лучшему. Но когда ты смотришь на них, в их неподвижности, видишь то есть вспоминаешь то что было кроме этого вечного мига. Например фотография где тебя несёт на руках твой отец вот и всё что есть на фотографии оба мокрые у реки, это прекрасный летний солнечный день вот и всё что на фотографии но нет того, никто не знает что только что тебя только что достали из воды спасли этот самый отец своими руками вытащил из реки откуда на дне яма взялась непонятно. Можно только догадываться что могла произойти беда катастрофа по мокрым волосам. И ты смотришь на фотографию и боишься как тогда боишься смерти. На фотографии только мокрые волосы вот что я хочу сказать. Надо рассказывать истории также чтобы было о чём рассказать, то есть можно даже больше чем нужно чтобы, было больше сказано чем сказано, какое-то предложение которое относится к этой истории но можно сказать что и к другой истории но об этом другие не узнают но могут догадаться: что-то в этом есть. Вот почему эти рассказы называются фотографии.

Знакомства

Один факт есть один факт в моей биографии который скрывается от всех журналистов в том числе его скрываю я мои родные, мой парень хоть он парень не знаком с журналистами ну да это ничего не значит потому что мы с ним тоже не были знакомы а потом познакомились теперь рады. Я говорю о том что все сначала незнакомы а потом знакомятся и ещё неизвестно к чему это всё приведёт у кого к семье у кого к разлуке у кого к дороге дальней под конвоем, иногда думаешь уж лучше не знакомиться но что делать уже дело готово вот и всё.

Костры

Тогда мы жгли костры и они горели. Каждый день жгли костры и они каждый день горели. Мимо ехали поезда и все видели что горят костры все это видели. И все думали вот го-

рят костры, а это мы их жгли мимо нас ехали поезда было темно постепенно темнело и лица становились красными от костра от света, и от костра от жара, от костра было жарко ехали поезда мы уходили а огонь продолжал горел это сгорала сухая трава у железной дороги много такой сухой травы весной её жгут она горела, недавно я ехала в поезде за окном какие-то люди жгли костры иногда никто не жёг горела сухая трава люблю когда земля просыпается, ходишь босиком.

Эпилепсия

Что с нами со всеми будет страшно даже подумать не говоря уж пережить всё это каждое утро. Идёшь на работу едешь вернее на автобусе а в голове только и есть эта мысль, что дальше только такая бескрайняя пустота и бесконечность что страшно дышать особенно надо учитывать негативную политику сказывается на уме, тоже экология отсталая я недавно чуть не умерла во сне хорошо успела проснуться. Стала дышать так и ходили лёгкие вспотела. Мне приснился человек в припадке эпилепсии страшная болезнь не дай Бог я однажды видела спасала просовывала ручку между зубов даю совет: надо что ближе лежит между зубов хоть ложку хоть вилку хоть что-нибудь тогда язык не провалится в горло чтобы воздух ходил в лёгкие у нас там была ручка. Потом приехала скорая не знаю почему мне это вспомнилось во сне у меня раньше сводило ноги мышцы я занималась активно бегом за это ночью всё тело как будто стало сводить но я поняла мне никто не поможет все спят не стала умирать не хочу лучше буду смотреть в окно из автобуса утром шёл дождь весна.

За жизнь

И однажды она неожиданно мне говорит то есть я хочу сказать это было неожиданно я этого не знала что, так и будет вот она вдруг мне говорит, приходи в гости. Это было странно вообще мне кажется всё понятно что такого никто я такого и не думала, зачем тут много объяснять я пришла если зовут, почему не прийти мы пили пиво и говорили вот всё что делали. Иногда курили, смотрели в окно звёзды но больше всего разговаривали вот уж не думала я раньше даже не думала что, можно с ней говорить я вообще с девочками ну женщинами редко

общаюсь тем более, она всё предлагала купить то помаду то брелок, выяснилось это у неё такая работа. Надо же зарабатывать вот а тут вдруг мы с ней сидели на кухне и говорили она спрашивала меня в чём смысл жизни я сначала думала у неё что-то случилось парень бросил или умер кот, у неё был я знала, нет всё нормально просто хочется поговорить для чего жить а никто не слушает у брата своя семья родители за границей, тоже история, сами с севера зубы уже все выпали зренье тоже не радует да что говорить парень тоже любит футбол, кому расскажешь о себе совсем некому, неинтересно. Тогда мы сели на кухне и стали говорить оказалось она много читает но всё равно трудно было ей трудно было понять зачем жить будто я много знаю. Говорили про дерево и прочее что надо родить сына я бы наверно лучше дочь даже трёх сестрички и посадить дерево, это не скучно, как думала она так думала в детстве но это даже хорошо. Потом я утром я ушла но она ещё звала меня иногда не чаще, чем в полгода и мы снова говорили с пивом о жизни никто не плакал но после этого хотелось повеситься а потом ничего снова живёшь только грустнее думаешь что человек, а потом мы перестали так видеться вообще она уехала даже писем не писали.

На остановке

Мы люди тонкие существа не дай Бог сойти с ума так думаешь каждый раз как едешь вечером мимо троллейбусного парка и не только я одна потому что там на остановке стоит косоглазый парень такой высокий каждый вечер он стоит там на остановке зачем, первое время я не могла долго заснуть. Думала зачем он стоит смотрит на дорогу он косоглазый кстати, то ли бельмо скорей бельмо смотрит на дорогу но так и не поняла зачем. Я там не каждый вечер зато вижу его несколько лет его знают кондукторы, мне страшно не хотелось выйти и поговорить и я не говорю с ним никогда а только думаю про его глаз о нём, особенно когда вижу.

Бомба

Мы с тобой пойдём куда-нибудь в одно или в ресторан или в кино. Это стихотворение я узнала только вчера но как оно верно написано как там сказано, всегда получаешь что-то

только одно на улице так много появилось пьяных алкоголиков пришла весна они звонят даже девушки говорят, иди на хер урод это так напоминает осень выключают сотики им теперь не дозвониться всё закончилось вот и думай что выбрать вчера я ехала на работу стояла на остановке грязь меня окатила машина из лужи но что делать вот и стою и тут. Вдруг у меня в сумке за плечом что-то задрожало не останавливается страшно. Мне стало страшно вдруг кто подкинул туда бомбу мало ли дураков вредителей ненормальных хочется сказать ему иди на хер поймёт ли но даже боишься немного пошевелиться потому что все сразу взлетят, а потом стало понятно что это не там. Это не в сумке. Это в руке то есть это прямо в тебе потому что хватит уже стоять когда тебя окатили и столько грязи даже на лбу дрожат нервы видимо или точно бомба надо срочно её взорвать по-тихому но уходишь осторожно садишься в автобус едешь работаешь и только вечером когда идёшь и видишь радугу она эта бомба замолкает а ты смотришь с моста вниз и снова думаешь что выбираешь снова одно из двух молча выключаешь свой телефон.

Флэшмоб

Флэшмоб это старинная игра испорченный телефон я недавно узнала про эту игру ты тоже можешь в неё играть если захочешь. Если захочешь. Главный приз в итоге достаётся тому кто хочет надо хотеть. Если хочешь. Тот кому я сказала хотел и получил приз все деньги все ставили на гнедую а он на серую в яблоках. В этом главное правило флэшмоба ставить на другое.

Сухофрукты

Сухофрукты, деревня, две тарелки супа — вот слова и вещи которые могут вызвать слёзы или хотя бы грусть, я говорю серьёзно слишком много связано со всем этим у меня однажды был жених это был первый жених он на любое слово мог сказать о, у меня столько с этим связано, потом мы расстались но это не всегда слёзы иногда радость радость и слёзы с ней тоже. Когда-то я ездила в деревню там жила моя бабушка она кормила на обед мне на обед она давала по две тарелки супа, я хотя отказывалась но две тарелки каждый обед потом спать да ещё наследственность поэтому, все беды. Она была плохови-

дящей, вязала пропускала петли я не носила её варежки всё равно распускались ела суп. Надо было ехать в деревню чтобы её увидеть она мне давала денег в магазине пахло кислыми сухофруктами надо было купить только хлеб яйца молоко сметану продавали соседи так, что этого в магазине и не было, только хлеб. Сухофрукты. Я потом приехала из интереса уже не было бабушки ни деда зашла в магазин всё так же пахло сухофруктами кислыми магазин переделали продавали ещё канцтовары и гребешки шайки для бани но пахло всё сухофруктами. Я ещё постояла у дома моей подружки с которой мы там когда-то играли но не зашла поехала обратно надо успевать, автобус ходит всё реже.

Пиво

Когда нам было хорошо мы пили пиво я сегодня не хочу пиво вчера он позвонил говорит, я женюсь у меня будет ребёнок долго думал я даже не знала что у него нас двое. И теперь не остаётся кажется ничего по крайней мере я такого не знаю таких слов, что мне делать только остаётся не думать больше об этом так попробовать опять как будто мы не знали никогда друг друга купить мороженое фантик выкинуть. Зачем мне это всё.

На набережной

На набережной уже гуляют люди смотрят на реку она широкая и уже открылась, нет льда он течёт по течению, особенно красивый вид открывается от тюрьмы видно заливные луга, там ещё лёд под водой а на нём вода стоит не движется но коготок увязнул всей птичке скоро всё откроется заработает пляж купальный сезон клещи. Ты выходишь на это место у тюрьмы и просто смотришь на реку потом дождь начинается дождь, весна, люди остановились и смотрят мёрзнут кто-то в подзорную трубу но лучше без трубы, дымка туман загадка, можно рисовать картину ледоход. Твои глаза, глаза закрываются слезами, как в мультиках аниме только там мир неподвижный а тут весна, он этот мир ходит вокруг тебя мешает его разглядывать скребётся внутри, как-то странно. Иногда становишься такой тонкой думаешь всё вокруг, мир тебя переломит напополам или сложит из тебя игрушку оригами. Осо-

бенно весной когда видно весь мусор стоят целуются голубое небо вербы воробьи и люди а ты тут в одиночестве стоишь под дождём звонишь сестре никому больше даже не ему, она приходит, вот и солнце выглянуло ты говоришь вот и ты, я ждала, по реке плывут льдины на них чайки кричат хором — радуга друг улыбнись.

Известные темы

Маникюр

Одна известная певица решила сделать маникюр и написала об этом на своём личном сайте, спросила у фанатов, как лучше сделать. Поклонники долго советовали ей разные варианты, но в парикмахерской, куда она пришла, мастер всё решил по-своему. Когда известная певица поместила в интернете фотографии своих ручек, не все фанаты были довольны тем, что они увидели.

Это очень известная певица, вероятно, это даже певица Валерия. Но мы можем ошибаться, и это не Валерия. Из-за этого у Валерии вдруг да возникнет желание подать в суд на нас. Что делать, за все ошибки приходится платить.

Машины

Есть одна тема, которой мы стараемся избегать. У нас не хватает знаний даже для элементарного поддержания разговора. Согласно кивать головой с умным видом у нас и то не получается. Мы пытались восполнить этот постыдный пробел, но пока что всё безрезультатно. Мы можем вставить словечко, если речь идёт об экзотических птицах или грибах, сделать заинтересованное лицо, если кто-то говорит о почтовых марках или битых градусниках, с трудом, но всё же вынесем получасовой монолог о пролетариях всех стран. Но если кто-то рядом с нами рассуждает о марках машин, тут же отходим в сторону. Нет, это не для нас. Всё, что угодно, но не это.

Одна наша приятельница поступила просто. Она всего лишь вышла замуж, и теперь о марках машин рассуждает её муж, он в этом отлично разбирается. Теперь у неё упал камень с души.

Тем не менее и мы можем быть полезны. Немного, но можем. Например, мы способны определить цвет машины. Иногда мы видим сплющенность передней или задней части автомобиля. Но это уже наш потолок. Ну что ж, и эти знания иногда могут пригодиться милиции, и мы принесём пользу органам.

Жить

Никогда ни одному человеку мы не верили, если он говорил: «Вот, ради этого стоит жить». Никогда. Может быть, он и живёт ради этого, а у нас есть другой план. Мы думаем, что просто стоит жить. Правда, иногда это стоит очень дорого, но тут уж ничего не поделаешь.

Ну, и дети, конечно. Дети.

Звери

Вот несколько простейших примет, по которым вы сможете определить, есть ли в лесу опасность для вас.

Змею можно узнать по длинной извивистой полосе на песке. Если же вокруг трава, то трудно определить, есть тут гадюка, ужик или, например, медянка или никого нет. На всякий случай можно погромче колотить палкой о палку, и змеи от звука расползутся.

Лося узнаем по следам его присутствия. Тут должно стоять слово сниженной лексики, но мы скажем иначе. Скажем: следы присутствия. Они немного похожи на козьи, но лосьи — крупнее и другой формы. Лежат кучей. Впрочем, можно увидеть не только следы присутствия, но и сами следы.

Кабаны себя выдают тем, что умеют разрывать землю, но никогда не зарывают её обратно. Если кабан ночью подойдёт к палатке, он может и поранить, а может просто лечь рядом. Его привлекает человеческое тепло, и уже не один наш знакомый рассказывал нам о том, что в лесу рядом с ним спал кабан.

Человека выдаст место после костра. Бороться с человеком бесполезно.

Это простые правила, а сколько радости они могут вам доставить.

Быстрая еда

Лучше всего не есть эти фаст-фуды. Мало того, что дорого, бывает очень горячо, это ещё и не полезно, а иногда даже и опасно. Ещё неизвестно, что они там нарезают и крошат в булочку. По телевизору покажут всё красиво, самые лучшие помидоры, самые жирные курицы, самые улыбчивые продавцы. А на деле оказывается не так радужно.

Один известный писатель всё время ел в этих фаст-фудах, данарных и шаурме. Глядим — а он сильно потолстел. Кроме того, появились изжога, отёчность ног, испортился характер. Он не писал об этом на своём сайте, но почему-то все знали, почему с ним такие неприятности. Многие даже подходили к писателю и лично говорили: «Не ешьте Вы эти фаст-фуды, очень Вас просим». Но он не слушался.

Мы не будем называть имя этого писателя, а то он точно подаст в суд на нас. Это вам не певица Валерия. А может быть, он не такой уж и известный. Тогда тем более не стоит раскрывать, кто это.

Мы

Если кого-то смущает это «мы», то тут ничего такого нет. Это называется «мы авторской скромности». С детства все говорили нам, что мы очень скромны. А в институте объяснили, что труды пишутся через «мы авторской скромности». И вот, пожалуйста, теперь мы так и делаем.

Мысли

А сейчас многие, наверное, подумают, что мы очень умные. Пожалуйста, мы не против, можете думать, как вы хотите. Но и мы, в свою очередь, заявляем, что думаем о вас всё, что угодно. Вплоть до самых непонятных вещей. Например, куда вы ставите тапочки на ночь. За сим…

Неувязка

Однажды мы пережили большой позор. Это касается не только нас, всем следует задуматься над нашим случаем.

У нас был знакомый, которого мы каждый раз при встрече спрашивали: «Ну, как там дела в Армении?». Он пожимал плечами и хмурился. Мало ли, может там неважно дела. Потом мы говорили с ним по существу наших вопросов. Так продолжалось два года.

Однажды он пришёл на встречу какой-то злой, и мы снова спросили его бодрым голосом: как дела в Армении? На что он сказал: «Слушай, да! Я грузин!». Как стало нам стыдно! Бедные люди, как трудно их порой узнать.

Тапочки

А ведь правда, если спросить у человека, куда он ставит тапочки на ночь, редко кто ответит наверняка. Мы сколько раз спрашивали, и ни разу нам не сказали точно. Иногда говорили, что у кровати. Ну, у кровати. Где именно? Редко, редко кто мог назвать точное местоположение тапок. Это значит, что люди мало контролируют себя и свои действия. Как это грустно.

Темы для песен

Один известный поэт жаловался по телевизору, что к нему часто приходят известные певицы и просят написать для них песню. Какую бы тему он ни предложил, от всего певицы отказываются. Про любовь уже пето-перепето, про лето и ветер тоже всем приелось, а хотелось бы чего-то новенького. Но чего?

Мы вот накидали парочку тем. Пускай споют про свободу, про любовь к родине! Никто из знаменитых певиц не поёт о любви к родине. И о свободе тоже не поют. Всё за них отдуваются исполнительницы шансона. Знаменитые певицы думают — это легко. А это не так-то просто. Вот пусть-ка попробуют.

Книги

Некоторые книги можно и не читать. Вот, например, про Гарри Поттера можно не читать. Но как же не читать про Гарри Поттера, когда про неё все читают!

Мы специально говорим о Гарри Поттере в женском роде, чтобы по реакции догадаться, кто читал эти книги, а кто нет.

Деньги

Некоторые люди жили бы гораздо лучше, имели бы больше денег, если бы не гуляли столько по бульварам, по проспектам. Особенно это касается больших городов, где есть эти самые проспекты и бульвары. Вот мы, например, как только окажемся в таком крупном городе, тут же идём гулять. И в результате все деньги очень скоро заканчиваются. Приходится занимать, но и их мы тоже тратим. В нашем-то городе даже трамваев нет, ходим пешком. Вот откуда деньги.

Родной язык

Казалось бы, много хороших людей, а говорят неправильно, ставят ударения не туда, куда положено. Смотрим на такого человека, думаем: «Так что же делаешь, дорогой, ведь на дворе год родного языка и культуры речи». Уж сколько вышло маленьких заметок и больших статей по этому поводу, а всё равно ничего не меняется. Как жить нам в стране с такой неразвитой экономикой?

Курение

Многие спрашивают нас, почему мы не курим. Не курим, и всё тут, что ещё за вопрос? Некоторые удивляются, говорят: «Неужели вас в институте курить не научили? Там же всех учат».

Нас научили только «мы авторской скромности». Это всё, что мы вынесли из института. Зато запомнили накрепко.

Проза

Один наш знакомый искусствовед однажды сказал нам, что, конечно, хорошо относится к прозаикам. Но когда они выходят читать свою прозу, то почему-то начинают подкладывать прочитанные листочки вниз, под остальную стопку листов. От этого кажется, будто чтение продолжится бесконечно. В этот момент наш искусствовед очень не любит этих прозаиков.

Потом он сказал, что вообще-то это мысль не его. Просто он повторил её за известным писателем. Вот. А теперь в который-то раз повторяем и мы.

Потерянность

В начале прошлого века в Европе была такая история. Они там наоткрывали институтов, университетов, начали учить. Люди только от сохи — а их за парту. Знания-то они получили, а внутри ничего не горит. Им бы поработать физически, но образование у них такое: в офисе сидеть. Многие не смогли сориентироваться, в дипломе написано, что инженер, а

у него к этому нет способностей. С другой стороны, не возвращаться же в деревню теперь с образованием. Так и закисли.

Это всегда так, бывает такое поколение, которое должно собой жертвовать. Их дети не такие были, у них жизнь устроилась. Вот и у нас многие страдают от офисов. Не переживайте, наши дети смогут там реализоваться.

День и ночь

В детстве мы удивлялись смене дня на ночь. Было светло, и вот стало темно. Мы искали выключатель на своём доме, на столбе с фонарём. Но его не было.

Одна наша знакомая, когда была маленькой, хотела стать лошадью. Но она родилась девочкой и быть кем-то другим у неё не получалось. Кто-то сказал ей, что, если попить воды из одной лужи, совершенно точно станешь лошадью. Но мама успела оттащить её. А потом возле этой лужи они больше не появлялись.

У нас есть приятель, которого с детства все дразнили рыжим-конопатым и говорили, будто он убил своего дедушку. Сколько он дрался, сколько плевался и обзывался — лишь бы только его так не дразнили. Но до сих пор находится какой-нибудь умник, скажет про деда.

От нас ничего не зависит, мы поняли это ещё в детстве.

Грады и веси

Когда-то давно мы жили в одном городе, а потом переехали в другой, но вернулись обратно. Казалось бы, и там, и там есть с кем посидеть, поговорить. В том, откуда мы выехали и не хотим возвращаться, больше театров, музеев, улиц. Наконец, в нём есть трамваи. А здесь их нет.

Тем не менее мы вернулись. Зачем и почему — такие слова нам говорили все встречные. Мы и сами думали об этом. А потом услышали вот что. Услышали, что город, в котором нет трамваев и в который мы приехали, — богоспасаемый. Вот оно что.

С другой стороны, ведь и другие города так же. Как им ещё спасаться? Милиция одна не справляется.

Смех

Это великая сила. Когда-то все мы учились в школе. И вот однажды по дороге в школу на остановке мы увидели мужчину и врачей. Рядом стояла машина «Скорой помощи». Мужчина лежал, а доктора курили сигареты. Торопиться им было некуда, пациент был мёртв.

Весь день в школе мы смеялись и никак не могли остановиться. Мы и сами не понимали, что происходит. Потом уже школьный фельдшер бил нас по щекам и объяснял всем, что смех — защитная сила организма. Великая сила.

Возвращение

Как-то раз мы возвращались домой. Была ночь, но пела какая-то птица. Это был не соловей, гораздо лучше, соловей рядом с ней неудачник. И вот настало утро, три часа, это было начало лета, короткие ночи, и вдруг мы увидели облака, но обычные облака рядом с ними кажутся нам теперь слишком громоздкими предметами, слишком тяжёлыми. Хотя всем известно, что они висят над землёй, а значит, лёгкие.

Те облака были похожи на паутину. Кроме того, они были похожи на вершины гор. Такие вершины из паутины. Но можно ещё добавить, что на светлом-светлом небе они казались чёрными. Черные воздушные вершины. Наверняка в этих горах были и самоцветы, с камней бежали ручьи, в ущельях прятались животные, ползали змеи. Но ничего этого с земли не было видно. Хорошо хоть, вершины заметны. Надо быть благодарными.

С тех пор мы часто вспоминаем эти горы, думаем, какая там теперь погода, кто ходит по ним. Ничего этого мы не знаем, но загадка паутинных облачных гор не даёт нам покоя. Бывает, по ночам мы просыпаемся и подолгу не можем заснуть обратно.

Иногда возвращение длится дольше, чем сама дорога.

Спасатели

Чисто изнутри, чисто снаружи — говорится в одной известной рекламе. Но это не всегда так.

Например, прекрасный солнечный день, вы пришли на пляж, может быть, немного выпили или не умеете плавать. Но день так прекрасен, такая жара и морок стоит у реки, что в воду вы всё равно полезете. Вам не страшно, потому что по берегу ходят спасатели, смотрят на воду. Просто спасатели, ходят и смотрят, как это хорошо, просто идиллия. Если вы начнёте тонуть, то они вытащат вас на берег, положат животом на колено, чтобы из лёгких вышла вся вода. Если необходимо, им придётся ещё сделать вам искусственное дыхание, для этого у спасателей есть такие специальные пластмасски, которые не допускают прямого контакта. Можно оживлять приёмом «рот в рот». И вот вы ожили, а спасатели пошли себе дальше выполнять свою героическую работу.

И снова они идут по берегу, и опять смотрят на воду. Со стороны это выглядит просто превосходно, мирно, безопасно.

Но если бы вы слышали, что они говорят о купающихся, о тех, кто лезет в воду на пьяную голову или плохо умеет плавать, — вы бы сегодня близко не подошли к пляжу.

Лишь бы не было войны

Эту гениальную фразу что ни день повторяет всякий русский человек. И правильно. Нам ещё войны не хватает, с нашим-то климатом.

Разговоры

Одна знакомая всё порывалась с нами поговорить. Звонила нам на домашний телефон, на сотовый. А нам всё время было некогда. Мы просили её подождать, ссылались на важные дела. У нас действительно было много хлопот в то время. Она продолжала настаивать на нашей беседе. Дошло до того, что мы стали замечать её возле дома. Она ходила по двору и выразительно смотрела на наши окна. А нам было некогда. Мы занимались разными вещами. Решали неотложные проблемы. Назначали встречи и встречались со множеством людей. На эту знакомую просто не было времени.

И вот её час настал. Мы сказали: «Теперь ты можешь сказать нам всё. Обрушь лавину своих слов. Давай». Мы приготовились долго слушать. Может быть, час. Или все три. Мы бы выдержали. Но она сказала, что теперь уже поздно. Оказывает-

ся, всё это время она просто хотела пригласить нас на свадьбу. Но теперь всё. Праздник прошёл без нас.

Жаль, что мы не послушали её раньше. На свадьбу времени у нас бы хватило. Мы тогда только тем и занимались, что ходили на дни рождения и свадьбы. Надо было выслушать её.

Надо вообще быть повнимательнее к людям.

Сад

Когда мы были маленькими, наш сад казался нам очень большим. Иногда после обеда мы могли потеряться в малиннике и громко звали маму. Она всегда находила нас.

Потом мы уезжали в другой город. Каждое лето навещали родителей. Тогда сад казался нам маленьким, кажется, он мог уместиться на ладони.

Но вот мы вернулись. Теперь летом нам каждый день надо выходить в сад. То вскопать, то прополоть, то собрать ягоды. И этот сад снова кажется нам большим.

Так мы и не можем понять, где же истина? Большой сад или маленький? Что хорошо, а что плохо? Что весело, а что грустно? Кто прав, а кто виноват? И кто это решает?

Объясните.

Большие города

Жить в столицах — это же никаких слёз не хватит. Ты себе ходишь на работу или просто так по улицам, а тут приезжает какой-нибудь умник из маленького города, откуда-нибудь из Кильмези или из Нолинского, например, района. Приезжает и начинает: «И как вы тут только живёте?! А как у вас тут красиво! А какие урны стоят! Вот нам бы такие. А денег тут сколько! А как вы в магазин-то ходите? А на эскалаторе как не падаете? А квартира какая! А что за работа? Как на этой плите готовят? А как в этот интернет выходят у вас?». И так далее.

А ты думаешь: вот жил спокойно, такой маленький человек, в таком большом городе, кто бы тебя тут заметил, но приехали и интересуются. Всем, буквально всем, что тебя окружает, будто ты им любимый человек. А это всего лишь родственник остановился в столице на несколько дней. Как это трогает! Как впечатляет! Столько внимания тебе, будто и не толкают пле-

чом каждый день в метро, будто и не орёт начальник. Будто ты один такой незаменимый.

Вот и слёзы.

Родственников много, они всё едут и едут. Ты все ревёшь. А вы говорите — столица.

Седьмая скорость

Когда нас спрашивают, кто мы, то мы отвечаем дословно так: «Хрен с горы, седьмая скорость». Толку-то скрывать, всё равно когда-нибудь откроется.

Признание

Одна неизвестная поэтесса на своём личном сайте в интернете жаловалась на своих земляков. Она писала, что её творчество признали даже в Индии, а вот на малой родине, в деревне Рыбная Ватага, его не признают, даже не интересуются.

Но и этот её вопль души не был услышан. В деревне Рыбная Ватага никто не читает её стихов. Никто на заходит на личный сайт поэтессы. В деревне нет интернета.

А мы думаем, зря печалится женщина. Если бы кто-то не признал её в тёмном переулке и сгоряча стукнул по голове — вот это было бы горе. А так — ходит живая, и хорошо.

Индия

Мы, кстати, зашли на сайт этой неизвестной поэтессы. Правы рыбноватажцы: совсем индийцы рехнулись.

Храп

Мы так не любим, когда кто-то храпит. Но что же делать, все, буквально все храпят. С кем бы рядом мы ни спали, все храпят. Кого выбрать?

Жизнь проходит.

Прогресс

Раньше на нашей улице был магазин «Керосин». Маленький одноэтажный домик, от которого за несколько метров пахло керосином и другими жидкостями. Все называли его просто керосинкой. В магазине можно было купить керосин, ацетон, уайт-спирит, резиновые перчатки, вьетнамские веники, скребки и много всего другого.

Несколько лет назад на месте керосинки построили трёхэтажный дом. Наверху шьют спецодежду, а на первом этаже её можно купить. Иногда мы ходим в него за резиновыми сапогами, рабочими перчатками. А совсем недавно купили костюм от дождя. Вообще-то больше на нашей улице почти ничего не происходит.

Стихи

Иногда кто-нибудь говорит нам: «Пишите стихи! Отчего вы не пишете стихов?». Мы бы рады. Но — привычка во все труды ставить «мы» подводит нас. Мы не можем использовать другое местоимение. Как же нам писать? «Мы на правую руку надели перчатку с левой руки» — так, что ли?

По этой же причине мы не говорим ничего о любви. Как скажешь: «Мы его любим»? Смешно же. Вот и молчим. Хотя любим. И любим обычно крепко.

Конец

Мы заканчиваем свой труд и скромно удаляемся из этой комнаты. Мы сделали дело и теперь займёмся следующим. Один наш знакомый прислал нам для прочтения свою работу. За короткий срок нам предстоит ознакомиться с ней, проанализировать, выявить сильные и слабые стороны, а потом обо всём этом написать знакомому. Всё осложняется его плохим почерком и своеобразной логикой. Большой труд — понять другого, нам нужно будет много времени.

Вот биография, которую могут читать люди, чтобы знать, как бывает в жизни

Собаки

Вот люди любят собак. Я, к примеру, люблю собак. Все их любят. Нет такого человека, который бы собак не любил. Но это редкость. А некоторые, да, есть те, что собак боятся. Потому что громко лают. Я вот собак не люблю. Потому что не волки. Но это редкость. И проблема такая, что… редкая проблема. А почему всё? Некоторые собак любят-любят, любят-любят. Всё.

Песенник

Вот если кто найдёт песенник на антресолях, тому, считайте, повезло. Потому что песенник — это раз. Потому что на антресолях — два. Потому что повышенная чуткость тогда у человека — три. Потому что песенник на антресолях — это да. Да.

Вот как ещё сказать, песенниками мы прокладывали себе пути к сердцам. Желудки — это не то. Выкиньте желудки из головы. Главное — песенники. Там написано: вот солнце закатилось. Там написано: а дрипа-пеш-пеш-пеш-пеш-пеш. Там написано даже: чёрный ворон, чёрный ворон, чёрный ворон переехал мою маленькую жизнь.

История песенников, ну, конечно, уходит корнями. И несёт на себе тоже история эта груз большой ответственности. Потому что песенник — раз. Без песенника наша жизнь была бы неполной. Это очень тоже простая история. У одного человека песенника не было, он с горя чуть не утопился. Но ему на юбилей подарили один или два песенника. Он воскрес. Потому что на антресолях — два. Один из песенников он положил на антресоли. Потому что повышенная чуткость — три. Он всегда чувствовал, что на антресолях у него песенник. Потому что песенник на антресолях — это да. Да.

Автобус

Вот еду в автобусе. А от меня апельсинами пахнет. Одним, точнее, апельсином. А я вот всегда, когда от людей пахнет

апельсинами, думаю, что их предки были апельсинами. Ну вот, ну обычная такая история, купили люди апельсины, на рынке, может, не знаю, может, кто и в магазине, но это вряд ли. Уж поверьте. Так купили они апельсины, килограмм целый. Можно больше. И давай их есть. Ели-ели. Ели-ели. Устали. Один всего остался. А — не лезет. Упирается. Попробуйте-ка целый апельсин — и в рот. Чего делать? На подоконник, конечно, сразу. Больше некуда. Везде корки апельсинные. Оранжевые. Некуда. И лежит на подоконнике. Солнышко там, небко, тучки в снежок крошатся. Апельсины только зимой. И забыли все про него. Лежат, болеют. Аллергия. Через неделю проснулись. Апельсин на подоконнике. И не сгнил, представьте. Даже не собирается. И через месяц. И через год. Вот и дети в школу пошли. Лежит, есть не просит. Ему имя придумали. Член семьи, все такое, пятое-десятое, три-шестнадцать, кедры-выдры. Артирошка. Сын в институте уже учится. На каникулы приезжает — к окну: как там Артирошка? Лежит. Все сто раз помереть успеют. Дом сгнил, ничего нет. Или переехали. Забыли. И вот, когда уж нету никого, он с подоконника-то прыгнет в траву, я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, в этот синий понедельник. И начинаются в нём глубинные изменения. Необратимые. В человека превращается. Это не то чтобы оборотень, а закономерное развитие. И стал. Сначала смеяться научился. Головку потом держать. Ну и всё остальное прочее, не при делах. И зонтики носить. Один, да, куда ему второй? Внукам подарит. А потом — в автобус запрыгивать. И кондуктору пять рублей показывать. Покажет — спрячет, покажет — спрячет. И садится так, аккуратненько. А я уже рядом сижу. И руки пахнут апельсинами. Одним. Не, я на подоконнике не лежала, по крайней мере, не в форме апельсина, хотя и прыгать умею. В траву и на скакалке. Я апельсин чистила. А этот, с зонтиком, тут вот сел, пять рублей показывает. С двумя зонтиками. Так вот в автобусе и еду.

Ситуация

Вот такая ситуация, что никак не промолчишь. А то бы, конечно, сидела и молчала, думала молча. Мало ли, почему бы и нет. Вот, например, в поезде когда едешь, то и молчишь, запросто даже. Чего там со всякими старухами трепаться? Они тебе — я в день пью по шестьдесят таблеток. А ты им чего в ответ? Сказать, что — а я нет? Тогда они начнут завидовать. А чего же

хорошего, когда старухи завидуют. Ничего тут нет хорошего, точно говорю. Вот и ситуация такая, что ну никак. Не промолчишь никак. Иначе — всё. Ничего хорошего иначе. Бывает, чего уж.

Лекции

Вот утром надо на лекцию ехать. Встаём, едем. На автобусе. Можно пешком, но это дольше. К тому же холодно, если зима. Не забыть, главное, зубную пасту. Кто-то порошком до сих пор чистит, но это, я считаю, ретроградство, точно. Можно себе позволить, конечно, но изредка, не у всех на виду.

Лектор приходит, протирает кафедру, а если забывает, так на локтях всё останется, не страшно. И читает лекцию. Сидим, пишем. Но нас отвлекает оркестр под окном. Все высовываются наружу. И смотрят вниз, на оркестр, и свистят, и машут платками. Оркестр идёт серьёзно, играет какое-то произведение из музыки. Не знаю, как оно называется. Кто говорит, что «Варшавянка», кто — что прощальная пехотная 38-го гвардейского полка, уходящего насовсем. Лектор терпеливо ждёт, когда оркестр скроется в манящих далях, и продолжает лекцию. Но всем уже неинтересно. Одна за другой поднимаются руки, мы отпрашиваемся выйти. Надо торопиться.

Возле раковин уже стоят очереди, все жаждут почистить зубы, соотечественники не могут долго жить с нечищеными зубами. Это не прихоть, это необходимость. После этого многие возвращаются в аудиторию, слушать лекцию. Но не все. Я, например, иду в столовую, и в глазах моих тоска по манящим далям. Всё пройдёт, думаю я, всё пройдёт, и лекция пройдёт тоже. И правда, стоит мне сесть за стол, приняться за суп, как заканчивается лекция. Но не выбрасывать же теперь его. Рядом толпятся мои соотечественники, пихаются острыми локтями, грызут мясо своими молодыми зубами, а я спокойно сижу. Начинается следующая лекция, все убегают, и только сейчас я начинаю есть. Что там говорят в этой аудитории, мне безразлично. Честно говоря, я и так всё знаю. Лучше спокойно покушать. Я ем, и в глазах моих ожидание.

До последней лекции мне приходится ходить по большому зданию. Иногда от скуки я чищу зубы, иногда иду в библиотеку и читаю в газетах про успехи и неудачи, про хороших и плохих людей. Все библиотекари уставились в книжки, и, когда

я прохожу мимо, они только кивают мне. Всем грустно, до вечерней зори совсем чуть-чуть.

И вот наступает последняя лекция. Я бегу на неё, занимаю место возле окна и записываю слова лектора. Очень важно записать его слова на последней лекции. Но в это время под окнами проходит оркестр, все высовываются наружу, машут платками и плачут. После этого многие отпрашиваются почистить зубы, но мы с моим соседом по парте спорим, откуда идёт оркестр. Я говорю, что он возвращается из манящих далей, а он говорит, что музыканты просто целый день ходят по городу и теперь несут инструменты упаковывать в чехлы, постепенно расходятся по домам. Видишь, говорит мне сосед, их меньше, чем утром. Но я ему не верю.

Хор

Вот однажды мы стали петь хором. Лучше б нам того не слышать, как мы пели. Сначала спели мы одну песню. А ну как споём вторую! Затянули вторую. Заздравную. Может, это была и не очень заздравная, особенно как мы её пели, но уж очень слово хорошее. Прибегает соседка и говорит нам: а, вы тут, что ли, поёте, а то я испугалась. И с нами пошла петь. Голос у неё такой, как даже и сказать, не пойму. Трубный такой, как труба, хорошо, как раз такого нам и не хватало. Поём себе. Кончилась заздравная, началась лирика. Так все и сказали: а теперь будем лирику. И запели. Поём, а соседка с трубным голосом не поёт. Говорит, не подходит здесь мой голосина. Молчала, слушала, потом как заревёт. А это уж совсем было неподходящее для нашего хора. Мы ей сказали, или пой или молчи совсем. Но это долго объяснять.

И такая у нас появилась привычка — петь каждый вечер. Соберёмся и поём. То заздравные, то лирику. Только сейчас решили по-другому петь. Сначала лирику, пока соседка не прибежала, а потом уж, с ней вместе, заздравные. Может, они и не очень такие заздравные, главное же, чтобы нравилось. Ну вот.

Выходит

Вот взять меня. За что ни примусь — всё у меня выходит хорошо и ладно, весело и с юмором, легко и просто. Кому-то это, может быть, обидно, но тут уж я не виновата. Это у меня

лёгкая рука. Это у меня счастливая фамилия. Ничего не поделаешь.

Захочу сварить кашу, немедленно приходит подруга и говорит: что-то давно каши не ели, правда? И варит кашу. Или бывает по-другому. Приходит подруга, а я говорю: что-то давно не ели каши. И она варит.

Захочу постирать носовой платок и сразу же нахожу новый, чистенький. Вот и ладно, а этот в мусорное ведро. И так всегда. Всё у меня в руках спорится, всё получается, я даже не стараюсь. Не могу даже вспомнить, чтобы у меня что-то не получилось.

Я могу ходить на руках. Я могу работать круглыми сутками и нисколько не устану. Могу не работать. Могу пойти одна в лес, плавать под водой могу. Жечь мусор. Могу завести себе роту поклонников, могу их всех отшить. На солнце смотреть — и то мне нетрудно. Могу слушать музыку и могу петь. А уж как я бегаю! А как прибираюсь! Просто рынок невест можно увидеть только в одном моём лице. Всё могу, всё умею.

Могу помочь сильному и утешить слабого. Или наоборот. Утешить слабого и помочь сильному. Могу прочесть молитву, хоть вслух, хоть так, для себя. Могу накормить голодного, напоить жаждущего. Могу не поить, не кормить. Могу плакать, могу смеяться. Могу рвать на себе волосы, просто колотиться головой в стену. Я могу всех любить. А могу и не любить.

Кама-Сутра

Вот почему бы и не подумать нам о Кама-Сутре. Эта книга лежит под подушкой у многих, у многих соотечественников. И многие почитывают её на досуге, да, почитывают. Кому-то просто интересна вся эта система, всё то, что пишут в книжке. Некоторым нравится читать, а уж если есть картинки, то совсем хорошо. Кто-то учится по ней.

Кама-Сутра — интересное слово. И не только слово. Всё здесь не так просто, как может показаться на первый взгляд. И не так просто освоить эту книгу. Даже только прочитать получается не с ходу. Многие бились, ну что ж? Попробуем и мы.

Любимые

Вот любимые наши поют нам. Вот едят суп на кухне. Вот здороваются с нашими родителями низким грубым голосом. Вот курят в форточки. Вот пьют на посошок.

Вот наши мамы говорят нам, чтобы мы не ходили замуж за наших любимых. Чтобы расстались с ними. Но мамы выходят за дверь — и появляются любимые. Вот они поют нам. Вот достают вино. Вот улыбаются странной улыбкой, которую не видят мамы, но понимаем мы. Вот засыпают, повернувшись к стене.

Вот наши мамы кричат, ругают нас, плачут, что надо было осторожнее. Вот отцы гонят из дома и пьют валидол. Все переживают. Вот успокаиваются и решают, как всем разместиться. Вот соседки судачат за нашими спинами. Перешёптываются. Вот отцы волнуются за нас, покупают нам тёплые вещи. Только не простудись, знаешь, что ребёночек может быть глухим?

Вот любимые наши стоят в нерешительности. Думают, как дальше быть. Вот кладут руку на наш живот. Вот родители принимают любимых наших с недоверием. Вот живём и ждём маленького.

Телевизор

Вот, например, телевизор. Антенна стальная, а сам дурак. С утра до вечера говорит, говорит. И всё говорит, говорит, главное. Больше ничего не умеет, только говорит, а выбросить жалко. Не будем про него. Ну его.

Гостиница

Вот как ходили гулять возле гостиницы. Там стоят такие швейцары, разодетые, в зелёном, никого не пускают. И на нас зыркают. А мы на них не глядим, просто так себе гуляем.

Там останавливаются машины, из них выходят мужики с волосатой грудью, в волосах запуталась золотая цепочка. Толстая, а всё равно запуталась, некрасиво. Они смотрят на нас пронзительно, но мы не смотрим на них. Мы гуляем.

Они сигналят нам, чтоб вам всем. Больше не хочу рассказывать, нельзя уж выйти погулять.

Манящие дали

Вот что ни день — хочется отправиться в манящие дали. И немедленно, только проснёшься — сразу же. А что там, в этих далях, — бог весть. Вот идёт парад, куда он идёт? Едет спортсмен на велосипеде, куда он едет? Бежит бездомная собака, куда? Летят облака по небу, куда летят? Неизвестно.

И вот всё, что мы не знаем, назовём это всё манящими далями. Можно с большой буквы назвать, можно с маленькой. Можно и не так, но говорить не буду, как. Остановимся на этом названии — манящие дали.

Летит комар, откуда он летит? Начинается родина — откуда она начинается? Дантист выкидывает вырванный зуб, куда он его выкидывает? Всё, всё это имеет отношение к манящим далям. Может быть, не прямое, может быть, очень даже косвенное, может быть, опосредованное, можно не верить, но отношение такое есть.

Вот идёт жизнь, куда она уходит? В манящие дали.

Яре альт

Вот почему не знаю иностранного. Спросили меня: ви хайст ду? Я сказала, как меня зовут. А потом спросили: вифель яре альт? Что же это делается? Это сейчас каждый начнёт у меня такое спрашивать? Да ни за что! Никогда! Распоясались. Нет. Нет.

Вот и не знаю языков.

Писатели

Вот писательница Лидия Чуковская говорила, чтобы я пригласила на день рождения Анну Андревну. Говорит, она стихи вам почитает, говорит, проведёте время культурно. А я думаю — ну как её позвать, да ещё в кафе, когда денег нет даже на своих. Соотечественники и так сами будут тратиться, а на Анну Андревну у меня денег нет.

Это сон был.

Пивом обошлись.

Деньги

Вот все говорят: деньги, деньги. А чего это — деньги. Это так грязно бывает, что и не представить. Например, было громкое убийство, показывали даже по центральному телевидению, говорила страна. А никто не знает, что там были ещё деньги. Этот убитый упал прямо на деньги, на свои. Убийцам велели ничего не брать. Но мимо шла старая нищенка. Милиция ещё не приехала, убийцы уже убежали. Она взяла эти деньги, хоть были нечисты. Пришла домой, положила их себе в сапоги, так и жила дальше, не тратила их никуда, так же просила подаяния, так же впроголодь жила, хотя могла бы припеваючи, но она припеваючи не захотела. Потом померла, упала где-то в городе под забором, тоже, кстати, по телевизору показывали, потому что нашли у неё в сапоге миллион. Но ими никто воспользоваться уже не смог, потому что прошла реформа, и никому не нужны были эти деньги. А так могли бы в детский дом сапоги купить. А говорят: деньги, деньги, деньги…

Диета

Вот какие бывают диеты.

На ночь не есть. День начинать с кефира. В обед кефир. На ужин кефир. На следующий день повторить, плюс сто граммов куриного мяса несолёного. На следующий — минералку весь день. Снова кефир. Снова минералка. И так неделю. Остаётся и дальше вести здоровый образ жизни, немного есть.

Или такая. Водка. И минералка, чтобы здоровье не посадить. Неделю. И после этого не знаю какой поддерживать образ жизни.

Контрольные

Вот так проходит наша молодая жизнь. Приходится на контрольных писать ерунду про мучнистую паршу, про чёрную росу. А нам так мало лет. Мы так хотим жить, носить белые кофточки, гулять, наконец, просто пройти по карнизу. А нет.

Культура

Вот идём мы как-то по улице. И навстречу идёт тётка в ватнике, выползла откуда-то посреди лета. А в руках — балалайка. И она не играет на ней никаких произведений из музыки, а прохожих по спине ударяет. Раз — ударила, раз — ударила. Я стала на неё пальцем показывать. А мой любимый мне по рукам стучит и говорит: некультурно так делать, нельзя. Я не стала.

Потом тоже ходили по музею. Мне сказали, ты же там не бываешь, с тобой уже не о чем разговаривать. В музее неинтересно, но ради культуры можно вытерпеть. И там вдруг встретилась знакомая, с которой мы не виделись много лет. Стали радостно разговаривать, только не о чём-то там большом и высоком, а о себе. А любимый сказал, что это некультурно. И мы с ней спустились на первый этаж, где буфет был. И там сидели, все деньги вышли. И тоже оказалось, что это некультурно — в музее все деньги просиживать. Ну и ладно.

Карандаш

Вот как поступать в таких случаях — я не знаю, и никто не знает. Идёшь по лесу, видишь, валяется карандаш. Кому рассказать — не поверят. Или поверят, но скажут так: и подумаешь, карандаш. А хочется же, чтобы поняли. Просто так карандаши в лесу никто не находит.

Во-первых, его мог потерять шпион. А разве нет такого у нас, разве не стоит теперь задача перед любым и каждым в наше суровое время: увидел неопознанный карандаш — стучи! Подбегаешь к дереву — туки-туки-туки! — я первый, как в прятках в детстве. Тот и молодец. Тому попутный ветер. Даже и не в том дело. Можно и не быть первым, но карандаш — это не просто. Если его оставил шпион. А как же наша любимая родина?

Во-вторых, если всё чисто, если это не шпион, уже хорошо. Тебе достаётся карандаш, а шпион остаётся ни с чем. И плачет. Надо, чтобы плакали враги наши. Хорошо, если они плачут! Мы будем смеяться.

В-третьих, карандаш — полезная вещь. Особенно в лесу. Спросите дедов наших — да ни разу такого не было, чтобы они

в лес ходили без карандашей. Это ещё раз доказывает, сколько на протяжении всей истории у нашей родины было врагов.

Давайте беречь её!

Цветы

Вот однажды мне подарили цветы. То есть, дарили не однажды, это чтобы никто не сомневался, я говорю, будто однажды. Красивый букет, большой, в прозрачной обёрточке. Так вот, подарили цветы и просили, чтобы пока замуж не выходила ни за кого. И кто дарил, ушёл в армию. Я обиделась и не пошла замуж. И теперь тоже не иду, хоть он уже вернулся.

Клоуны

Вот если кто-то думает, что клоуны у магазинов — это хиханьки и хаханьки, тот далеко не прав. Далеко.

Это сложно объяснить, но бывает такая болезнь, которую вот эти самые клоуны и разносят, да уж. Простуда обычная, но какое коварство! На себе испытала. Это получается так. Идёшь мимо магазина, а там уже прогуливается клоун. В рекламных целях. Или доктор, около аптеки. Или ещё какой—нибудь чудик, вот лапоть, бывает, гуляет. Идёшь себе, идёшь. И тут — ветер. И неуклюжий клоун (или кто там) падает на землю, прямо на пыльный асфальт. А что остаётся — приходится его поднимать. И вот в это самое время простуда пристаёт к тебе, зараза. И приходится болеть.

Тогда два выхода. Или она так пройдёт, что вряд ли. Или нужно искать клоуна (или кого вы там поднимали) и снова его ронять. Вот тогда придёт выздоровление. Только тогда.

Любовь

Вот как бывает. Никогда не угадаешь, никогда не поймёшь. Любишь-любишь. Любишь-любишь. Свидания там и так далее. Цветы, ириски, записочки, плюшевые зайцы. Свиристель.

Весна уж не весна, уж больше, чем весна. Голова болит, простуда, мокрые ноги, а всё равно свидание не пропустишь. Потому что любовь. Нет, если кто-то не согласен, можно и подругому называть. Но тянет же к человеку! Не всех, конечно, к

нему тянет. И это даже хорошо бывает, а то бы плохо, ревность там, всякое такое.

А потом всё, тебя тоже не тянет. А его, бывает, тянет. Или тоже. Это хорошо, если так. Легче разбежаться тогда. Всё.

Ириски

Вот ириски, допустим, застревают в зубах. Вкусные, но приставучие. Что там с ними делать, ещё неизвестно. Только отлипнет, как берёшь следующую. Если есть. И снова та же морока.

Так и в жизни.

Прятки

Вот мы играли в прятки. Холодно-горячо, весело-грустно, белое с чёрным не берите, да и нет не говорите, вы хотите поиграть? Солнце, небо, ветер, высокая трава, прятки на дереве, прятки во дворе, прятки в тёмном подвале, забитый пылью нос, драка на подушках, ходули, рогатки, ножики, пробки, светофор, стрелки и одиннадцать палочек. Догони меня, кирпич. Халихало. Думай, думай, голова. Думай, думай. И хоть бы что. Потом бежали и стучали, кто быстрее. Кто предложа, тот и вожа, кто последний — молодец, так нечестно, я так не играю, не ходи к нам во двор.

А если кто не возвращался, того искали, но только для порядка, в самом начале, недолго. Он уходил в манящие дали. Когда возвращался, молчал, никому не рассказывал, где был и что видел. Но мы-то знали.

Если кто-то возвращался из туманных далей, то зачем? Что он здесь-то потерял? И что видел там?

Гадания

Вот фиг ли гадать, когда не сбывается? Я не знаю. А то соберутся соотечественники, кресты поснимают, зеркала расставят, воску наплавят, чё к чему? Напишут имена, ботинками прохожих закидают, ниток на пороге нажгут, кольца из стаканов надостают. Так и так — по-своему выйдет.

Бог

Вот о чём жалею, так это о том, что подругу потеряла. Может, так говорить ещё рано, но, видимо, я права. У меня была подруга, мы с ней дружили сильно, просто даже за руки держались, особенно в тёмное время. Так дружили. Я ей даже завидовала. Она была в классе самой умной, потом поступила, куда хотела. Красавица такая, не как я, чего уж там. Сейчас-то, конечно, я хороша, тогда — нет. И одевалась хорошо моя подруга. И всё было у неё. Кто-то подумает, что это враки, так не бывает. Бывает.

А потом она чего-то задумалась, задумалась. Ходила так несколько недель. Спросишь её: ты чего. А она только отмахнётся. А потом говорит мне: ты чё, некрещёная? Мы вместе оказались некрещёными. Пошли и окрестились, это недолго. Ладно. Дальше она думает. И как-то редко ко мне заходит, редко стали видеться. Говорила, что ей некогда. Смотрю, она каждое воскресенье из церкви приходит. Ушла со своей хорошей работы (уже тогда она работала), устроилась уборщицей в иконописную мастерскую куда-то. Мы почти не видимся, а если видимся, она всегда говорит, что она жила неправильно, что наконец-то знает, как надо. С ней разговаривать о человеческих вещах уже просто невозможно. Она не слышит просто. Когда она уходит, мне плакать хочется.

Вот что она говорит: всё, что вокруг, — это сделал Бог. Даже если у тебя плохо на душе — это сделал Бог. Попросишь его — и станет легче. Если у тебя не ладится на учёбе или на работе — это испытание тебе даёт Бог. Мы с тобой редко общаемся, но у нас есть Бог, поэтому и грустить не надо.

Я всё понимаю, но терять подругу жалко.

Крыша

Вот полезла я на крышу. Хотелось, а тут как раз чердак был открыт. Не знаю, кто как, а я пользуюсь любым удобным случаем, чтобы на крышу залезть.

Или вот видела рекламный щит, чтоб все знали, в городе прямо. Написано: спасибо за надёжную крышу, наш дорогой мэр. И подписано строительной компанией.

Это я с крыши увидела, на которую вылезла погулять. Чердак кто-то закрыл, а на крыше уже темно и страшно. Надо

как-то слазить. Дальше не знаю, надо ли рассказывать. Но конец у этой истории неожиданный. Подходит ко мне один человек и говорит, чтобы я прыгала. С крыши, с пятого этажа. Снег, конечно, но где уж тут разбежишься. Нет, я не прыгнула. Он обиделся и заплакал. Потом уже, через несколько лет понятно стало, что он давно живёт на крышах и проказничает. Отсюда все самоубийства.

Пришлось прыгать по чьему-то потолку, чтобы открыли чердак. Ну не с крыши же!

Грусть

Вот отчего она приходит, грусть. Это так: целый день бегаешь, бегаешь. Стараешься, чтобы получше. Если работаешь — чтобы работу получше сделать. Если учишься — выучить лучше, понять. Если бездельничаешь — тоже так качественно.

И вот так целыми днями, днями. А никто не понимает, чего ты бегаешь, чего суетишься. И такие найдутся, кто скажет, что суета это, суета. И если кто думает, что это не обидно, когда говорят про суету, — неправ совсем. Потому что обидно. Тут и так бегаешь, а тебе ещё такие вещи говорят. И, главное, правда, суета всё.

Вот и грустно.

Зубы

Вот, кажется, чего там проще, бери да вырывай зубы. Но жалко же. Вот мама моя. Давно могла бы вырвать все зубы и не иметь больше обязанностей ни перед собой, ни перед обществом. Так нет, она ходит так. И никто не заставит её идти к врачу. Так и я.

Швартовы

Вот раньше я была ненормальная, правда. К примеру, както услышала такое выражение: отдать швартовы. И так оно понравилось, что я целый день ходила и говорила: отдать швартовы! А ну отдать швартовы! Не отдам швартовы! Нет, отдай! Какие ещё швартовы, нету у меня, не отдам. Отдай швартовы! А сколько надо? Пять. А у меня столько нет. Тогда давай, сколько есть. Не отдам!

И так целыми днями я ходила и говорила. Потом перешла уже на другие слова и их тоже говорила. Родители чуть не вызвали врачей. Окончательно их доконало, когда я сказала, что счёт в футболе 3:0:5. Это совсем их вывело из себя. Они решили, что дочь ненормальная у них. От врача меня спас отцовский ремень. Он выпорол меня и на том успокоился.

Я обиделась на швартовы. Мало того, что меня выпороли, у меня из-за этого нет ни брата, ни сестры. Я всё время просила сестру, но родители говорили, что им и одного сумасшедшего в доме хватает, и смотрели на меня с жалостью.

Друзья

Вот что значит — друзья, соотечественники. И не так себе на словах, а на самом деле. Настоящие друзья. Эти не бросят. Пить хочется — на тебе воды. Холодно — на тебе одеяло. Изо рта пахнет — на тебе жвачку. Это я понимаю.

А не так что — ну что пришла, ну как твоя жизнь? Может, хорошо, а может, плохо. Что-то ты грустишь? Может, что случилось? Надо ли помочь? Или радость? Пойдём праздновать.

Вот этого не люблю.

Рашпиль

Вот так нежданно-негаданно узнаёшь новые слова. Раз вылезет какой-нибудь рашпиль. Бабушка тебе говорит: возьми-ка пасхальное яичко, похристосуйся. А нет, так вот тебе рашпиль. А что такое рашпиль — узнаешь, когда свои будут внуки. Без рашпиля ты никуда тогда. Нет, пропадёшь без рашпиля. Возьми-ко. Когда-нибудь ты поймёшь.

Сами посудите, какая бабушка без рашпиля! Не бывает таких, даже в глухих деревнях редкость.

А ну как придёт советская власть! А бабушка мало того, что в ночнушке, да ещё без рашпиля.

Или настанут чёрные дни. Хвать — а рашпиля нет! Даже если и не настанут — как же без него? Хоть в светлые, хоть в тёмные времена без рашпиля не обойтись.

Или захочешь подарить что-то китайским гостям — а тут как тут и рашпиль. Хорошо и культурно, сувенир — не гвозди же они им будут забивать. Оригинально опять же.

Наследство без рашпиля тоже попробуй оставь. Что же вы, издеваетесь, что ли, над старым человеком?! Тоже мне.

Нет, рашпиль незаменим.

Дыня

Вот иду по улице, где продают дыни, а иду я вся такая витальная и пассионарная отчасти, а тут дыни такие витальные. Ну и купила, раз они витальные. Ещё думала: может, не надо покупать, денег жаль, но потом всё-таки купила. Плохо, что ли? Нет уж. Вот разные есть дыни. Я дорогую купила. Можно бы и дешевле. Вот есть люди с другим складом ума, мышление у них совсем не то, что бывает. А у меня вот так.

И тут я с этой дыней иду. Через стадион. Завтра мне дадут пейджером по башке, а сегодня я буду дыню есть. Иду и несу дыню соотечественникам. Съедим мы её, витальность разольётся по нашим отчаянным жилам, и мы громко и радостно крикнем: мать твою!!! Сразу все увидят, какие мы витальные. И пассионарные на каждом углу. Что ни угол, то стоит на нём мой пассионарный соотечественник. Вот так. Бывают всякие. И не бывают. Я ещё и не то могу сделать. Были бы дыни.

И вот я прихожу домой, приношу дыню своим соотечественникам, мы едим её, и витальность разливается по нашим упрямым жилам. И мы громко и радостно кричим: мать твою!!! Ну мать же твою!!! Громко и радостно.

Ну не пророк?

Армия

Хорошо, мне не надо бриться. Парням я не завидую. Каждый день, это же каждый день. Нет, нет. И машину водить не обязательно. Даже и не надо. И драться на улицах. Бывает, конечно, но реже, значительно реже. И с девушками на улице знакомиться не надо, это со мной надо знакомиться. И цветы мне будут дарить. И можно плакать. И не надо в компьютерные машинки играть сидеть. И пить с мужиками на работе тоже не надо.

Но больше всего радует, что в армии служить не надо. И бегать от военкомата не надо. Один служил, да не вернулся. Убили. Один служил, да пришёл психом. Один бегал от военных, да его поймали, но он обманул их и сбежал. А врать не лю-

бит. Нет, нет, мне этого ничего не надо. И мама плакать из-за этого не будет. Хорошо у нас жить. А вот если бы в Израиле…

Ракушка

Вот простая радость — раковина морская. Приложишь её к своему уху — шумит в ней море. Такая простая история, что можно её и не рассказывать. Ракушка когда-то была в море, была красивой утопленницей, горько плакала. Хотелось ей быть снова живой.

Странная была история. Очень смешно она утонула. Както была на корабле с любимым, и говорит ему: а теперь я кинусь в море, а ты меня спасай. Он говорит: давай, не поверил. Она и кинулась. Он не стал спасать её, забыл, наверно. И раковина теперь грустит, зовёт море. И от этой её грусти тебе радость.

Правда

Вот зачем я это написала, могу сказать, не таясь. Прямо, в полный голос могу заявить. Сначала-то и сама не понимала, зачем это всё. Но вот только что, только что вот поняла. Уйду я в манящие дали, и всё. Вам всё равно, конечно, вы тоже уйдёте. А кто-то и расстроится. Но я точно уйду, стопроцентно. Вот для того чтобы меня немножечко вспоминали, это всё. Для этого.

Ещё немного осени

Конец октября в электричке

В самую грустную пору осени — в конце октября — ехать на электричке, почти совсем пустой вагон, на скамейках спят пассажиры, иногда проходят по вагону железнодорожники в оранжевой форме. Кто-то сзади грызёт семечки, но не выплёвывает очистки, а складывает в пустую пачку от сигарет. За окном темнеет, но ещё видно осенние беззащитные деревья, сухую траву, провода над железной дорогой. Самая тоска, в это время неважно, куда ехать, но лучше всего ехать. Сидеть дома плохо, ещё хуже, чем ехать — как же нам увидеть ещё немного осени?

Книга и лес

Однажды осенью мы ехали на машине. Водитель был в ударе, он разгонялся всё быстрее и быстрее, мы ехали и видели дорогу, по которой едем. На дорогу смотреть приятно почти всегда. Но ещё лучше было смотреть на то, что находится по краям от дороги, на смешанный лес. Была золотая осень. Все мы знаем, что это такое, это самая красивая осень. Когда зелёные ели стоят вперемешку с жёлтыми берёзами и красными осинами, то ты просто не можешь оторваться от вида за окном, у дороги. Меня спрашивали о чём-то, водитель шутил и смеялся, музыка в его машине громко играла, но мне было не до того. Только что мы проехали мимо одного человека. Он сидел на опушке леса на табуретке и читал какую-то книгу. Что можно читать в таком месте?

Почти что ива

Есть интересное дерево, название которого я не знаю, потому что увидеть его вблизи мне пока что не удавалось. Всё время я его видела из окна автобуса, зато в больших количествах. Дерево похоже на иву, может быть, это и есть ива, только какого-то другого, незнакомого мне сорта. Оно растёт на обочинах дорог, так же, как растёт обыкновенная ива. Она так же похожа на иву, из одного места на земле выходят несколько

стволов. Но осенью у обычной ивы уже ничего не остаётся, кроме листьев. Потом они облетают, конечно. Но сначала ничего нет. Все вербы или сломали за неделю до Пасхи, или они уже давно распустились и прошли свой жизненный цикл. А это дерево стоит как будто бы всё в вате. На ветках у него что-то белое, какие-то клочки. Это и наводит на мысль, что когда-то тут была верба. Мне всё время хотелось выйти из автобуса, посмотреть, что это за дерево, но всегда было некогда, приходилось ехать дальше.

Осеннее письмо

Самое странное — получать письма осенью. Я говорю про письма, которых ты не ждёшь. Например, ещё в самом начале весны вы расстались с любимым человеком, разъехались в разные города, а кто-то, может быть, поехал в деревню. И вот выходишь в свой пустой осенний сад, даже не в сад, а просто стоишь под навесом и смотришь на мокрые деревья, только что прошёл дождь, по небу летит чёрная ворона, и тебе вспоминаются разные хорошие вещи. Ты смотришь на черноплодную рябину, всю в красных листьях, смотришь на мокрый ствол яблони, на самой верхушке ещё висит яблоко. Изо рта идёт пар, хотя на улице даже выше ноля градусов. Кажется, если посмотреть ещё немного на эту осень, то упадёшь на землю, и станешь травой, станешь смотреть на небо до тех пор, пока не пойдёт снег, и не скроет тебя до весны. А весной — известно, что происходит с травой каждую весну. Её остатки сгребают граблями и жгут в кострах. Но до этого не доходит, ты не становишься травой, не получается, а всего лишь возвращаешься домой. Это довольно просто — открываешь дверь, переступаешь порог — и ты дома. И тут приходит письмо, от которого ты как будто перестаёшь дышать, но на самом деле дышишь. Всё оттого, что твой любимый вспомнил о тебе, написал письмо, и ты читаешь и читаешь его несколько раз, до тех пор, пока не заслезятся глаза.

Но потом ты всё же ложишься на спину и так лежишь до вечера. Правда, не на землю, а на свою кровать, дома. Вечером приходят люди, включают свет, и ты смущённо встаёшь. Ещё немного, и можно было бы раствориться в этих сумерках. Но ты встаёшь, чтобы жить, и продолжаешь наблюдать осень.

Фотографирование осени

Эту историю давно рассказывают в наших краях. Но можно ли в неё верить, трудно сказать. С одной стороны, она довольно странная, но с другой стороны — у нас и не то происходило.

Одна молодая женщина, фотограф, она как будто всё время была в спячке, а осенью просыпалась. То есть, конечно, она не была ни в какой спячке, просто чаще всего её видели именно осенью. Она фотографировала и в другие времена года, и это получалось у неё всегда отлично, постоянно проходили выставки, все газеты в городе печатали её снимки, часто их покупали столичные издания. Но она так редко бывала где-то, не догадаешься даже, когда она работает. Но зато в конце августа, когда в воздухе появляется что-то едва осеннее, и паутин на деревьях становится всё больше, все жители её постоянно видели. Причём, невозможно было понять, где её можно увидеть чаще, в городе или за городом. Самые ранние дворники говорили, что видят её с первыми лучами солнца, работники железнодорожных станций рассказывали, что она вдруг возникает у них почти на закате, когда кажется, что ничего невозможно увидеть и сфотографировать. Она бывала и за городом, и на кладбищах, забиралась на городские крыши, висела на столбах, заходила в лес, гуляла по полям. Всё для того, чтобы зафиксировать на свою плёнку игру света и тени на осенних деревьях, листьях, траве. Самое странное начиналось в пору туманов, в сентябре-октябре. Известно, что тогда влажный воздух как будто ложится на землю, закрывая собой все предметы. Это самое интересное в фотографии, естественное контровое освещение. Женщину с фотоаппаратом в костюме «Горка» видели то там, то тут. Горожане даже делали ставки, откуда она выйдет в следующий момент, куда отправится, искали самые красивые места, поджидали там. Но никому никогда не удавалось угадать это. Фотограф появлялась всегда не там, где её ждали. И снова исчезала в тумане. Только после этого люди замечали, что она права — в том месте, откуда она вышла, там было намного красивее.

И вот однажды осенью она куда-то пропала. Где-то по дороге в Кстинино она вышла из автобуса, надела свой костюм «Горка» и ушла в лес. Опасно надевать зелёный брезентовый костюм, ей всегда это говорили. Спасатели с собаками искали

её до снега, но так и не нашли. Известно, что если тело в лесу не трогать, оно может пролежать без гниения очень долго, ни одна собака не почует запаха. Может быть, так случилось и с ней. С тех пор на этой дороге каждую осень кто-нибудь пропадает. Мне тоже надо быть осторожной, это очень красивые места, меня часто заносит туда с фотоаппаратом. Всё потому, что хочется сохранить для себя хотя бы немного осени.

Облака на земле

Как выглядят облака на небе, наглядно можно увидеть осенью на земле. Для этого необходимо отыскать место с небольшим углублением в земле, примерно метра два, а может быть, побольше. Но это не всё. Нужно, чтобы в этом углублении рос борщевик. Это встречается довольно часто, особенно у дорог, так что найти будет просто. Вот мы стоим на краю этого углубления и видим, что высохшие чёрные зонтики борщевика будто висят над землёй, а на самом деле держатся на толстом сухом стебле. Можно представить, что так же и облака висят над землёй, только намного выше.

Особое осеннее воспоминание

Это случается не каждую осень, но иногда происходит. Допустим, ты идёшь по улице, после работы ты идёшь по улице домой. Ещё не поздно, можно сказать, что уже темно, да, пожалуй, уже темно. Осень выдалась на удивление тёплая, можно идти в расстёгнутой джинсовой курточке, и не простынешь. Скоро ты придёшь домой, за поворотом будет остановка, час пик уже закончился, а автобус может подъехать быстро. Но вот ты поворачиваешь голову налево. Или направо, неважно, это зависит от каждой отдельной ситуации. И видишь, что в каком-нибудь окне горит свет, но шторы ещё не закрыли, это первый этаж, у них довольно старые, чаще всего жёлтые обои, сильно пахнет жареной картошкой. Честно говоря, запах и заставляет обернуться. Ты останавливаешься, стоишь и смотришь, хотя понятно, что неприлично смотреть в чужие окна, но что-то поделать с этим решительно невозможно. Темнота, тёплая осень, кругом полно дел, но светится окошко без шторы. Вспоминаются слова: и свет во тьме светит. Правда, они были написаны не про это, но всё равно.

Трудно удержаться и не вспомнить своё детство, как вы с родителями шли из бассейна, и вот так же однажды увидели окно на первом этаже, вся семья собиралась у стола, и такой же точно был запах жареной картошки. Родители не задержались у окна, но это надолго запомнилось, потому что дома, как только все разделись, мама очень быстро приготовила ужин, это была не картошка, нет. В комнате закрыли шторы, все сели за стол. Вечер прошёл обыкновенно и быстро закончился. Но он вспоминается всякий раз, как видишь свет из чьего-то окна осенним вечером.

Ещё немного осени

Меня позвали приехать на осенний слёт туристов. Это соревнования школьников. Они вязали узлы, перебирались по навесной переправе, спускались и поднимались по крутому склону. Сами понимаете, что слёт проходил в красивом месте. Казалось бы, взрослому человеку там делать нечего.

Но речка Быстрица, но брусника, но поваленное дерево в лесу, осиновые красные листья, запах сосен. Осень только началась, но вовсю шли дожди, казалось, вот-вот пойдёт снег. На один день можно бросить дела и посмотреть на осень за городом, я поехала в лес на один день, не взяла ни тёплую одежду, ничего. Думала, что к вечеру вернусь домой. Но вокруг было так хорошо, прохладный воздух, блеск реки, и, главное — никто не мог сказать, когда ещё удастся выбраться осенью в лес. И я осталась ещё на один день, мне нашли место в палатке, дали тёплые вещи. Это был такой подарок — ещё немного осени.

Коза и картошка

Осенью всё намного вкуснее, не зря же урожай поспевает только в это время. Самое лучшее, конечно, яблоки и черноплодная рябина. Но это десерт. А самое главное, что нужно успеть сделать осенью — выкопать картошку. Однажды я копала картошку за городом, в Столбово, где красивый пруд с лебедями. Наш участок земли был у самого пруда. Грело осеннее солнышко, мы всё копали и копали, картошка небольшими кучками сушилась от земной сырости, из которой её достали. Всё было спокойно.

И тут появилась коза. Вместе с хозяином они ходили по чужим участкам. На них, на этих участках, уже ничего не росло, мешки с картошкой увезли, но на земле остались совсем маленькие картофельные корнеплоды. Такие называют горохом. Никто их не берёт, неохота возиться с этой мелочью.

Но мы в тот год собирали всю свою картошку, даже такую маленькую. У нас не было денег, и надо было как-то дожить до следующего урожая. Свежая картошка выросла из старой, прошлогодней. Осенью она уже гнилая, неинтересная. Эти старые картофелины мы и оставили на участке. Ела их коза?

Брусника

Самое достоверное осенью — это ягоды и листья брусники. Нет, листья брусники достоверны всегда. Ранней весной, как сойдёт снег, вы можете приехать в лес и набрать брусничных листьев, заварить из них чай, тут же, на костре, или отвезти домой и заварить их дома. Попробуйте сделать то же и летом, и осенью — чай всегда получится, его всегда можно пить. Даже зимой, если сохранятся веточки брусники, вы всегда будете с этим чаем. Сомнений в бруснике нет.

Ягода появляется ещё летом, но собирать её лучше всего осенью. Это упругая красная ягода самого настоящего вкуса. Уверена, вы не пробовали более настоящего вкуса. Даже клюква немного отдаёт чем-то не очень настоящим, правда, далеко не всякая, но это встречается. А брусника — никогда. Особенно хорошо это видно у собранной брусники. Ягоды могут лежать хоть в ладошке, хоть в корзине, хоть в пластиковом ведре. Это не играет никакой роли — брусника всегда брусника. Конечно, лучше всего есть бруснику в лесу, насобирать горсть, сдуть листья и хвою из ладони и положить всё в рот. Но можно также точно сделать это и дома.

Брусника всегда останется брусникой и не подведёт вас.

Кровь

Каждую осень моя знакомая сдавала кровь. Она приходила в маленькое здание на Красноармейской улице, сдавала в гардероб одежду, надевала тапочки, проходила в регистратуру. Там она заполняла анкету и в графе, не имела ли она контактов с больными гепатитом или ВИЧ, всегда отмечала, что не имела.

Потом у неё брали кровь из пальца, определяли гемоглобин, измеряли давление, поили сладким чаем и отправляли сдавать кровь. Надо было хорошо вымыть сгибы обеих рук, снять тапочки и надеть бахилы, подняться на второй этаж, лечь на кушетку. Врачи крепко завязывали на руке резиновую трубочку, вставляли иглу в вену и брали кровь. Взамен она получала немного денег и два дня отгулов. А кто-то, наверное, получал надежду увидеть даже не одну и не две осени. А также остальные времена года, не все же любят осень, хотя чего уж любить, если не осень.

Белое осеннее небо

Осенью, где-то незадолго до первого снега, вы можете не узнать своё небо. Весной оно голубое, летом синее, в облаках, осенью бледнеет. Но есть время, когда его становится совершенно не видно. Вы идёте домой, спускаетесь с горочки между двумя домами, обычно здесь бывает видно так много неба. Но вот в какой-то день вы замечаете, что неба как будто нет. Даже не как будто, а его совсем нет. Есть только прозрачный воздух, голые деревья и вороны. Скоро должно сесть солнце, но небо посветлело так сильно, что стало просто воздухом. Это какая-то загадка.

Осенью перед закатом небо куда-то пропадает. Утром оно появляется снова, но к нему уже меньше доверия. Что должны писать школьники в своих дневниках наблюдений за природой?

Август

Когда начинается осень, и не просто начинается, а проходит ещё несколько дней — это большое облегчение для всей страны. Закончился жаркий обманный август, прошли первые осенние дни, можно жить дальше, и может быть, строить какие-то планы. Конечно, не всегда погода в августе устраивает всех, жарким этот месяц назван потому, что в любой момент может случиться что-нибудь. Даже у пожарных это месяц повышенной боевой готовности, всем известно. Но спросите любого пожарного — он будет отрицать это. Всё для того, чтобы не поднимать панику лишний раз. Август — и так неспокойный

месяц, к чему обывателям эти подробности. Ни в чём не признается и милиция.

Не только август сплошь состоит из этих жарких деньков, они продолжаются ещё какое-то время и захватывают часть сентября. В самые худшие годы они вдруг неожиданно начинаются и в октябре, такое было несколько раз. В этом году в августе была война, но её успели остановить. Так говорят, но осенью говорят многое.

А когда эти дни проходят, и люди понимают, что можно вздохнуть в полную силу, тогда-то и начинается настоящая осень. Мы снова живём более-менее спокойно — иногда даже до следующего августа.

Осень на рынке

Этой осенью я ходила на центральный рынок и провела там два часа. В конце лета обе кошки родили, и вот пришло время раздавать котят. Раньше животных можно было купить у входа в центральный павильон, но теперь там продают мужские рубашки. А котята, щенки и кролики сейчас рядом с инструментами.

Раньше все продавали своих котят сами, но уже несколько лет этим занимаются перекупщики. Они забирают или даже покупают у хозяев их животных, а потом продают. Эти люди приходят на рынок каждый день, когда он открыт (постоянно, кроме понедельника), и поэтому им нужно, чтобы всё было удобно. У каждого перекупщика свои собственные ящики из-под овощей и друзья из торговцев напротив. На ящиках они сидят, а когда уходят домой, то прячут их под столы продавцов инструментов, своих друзей.

Мне не хотелось отдавать своих котят перекупщикам. Часто говорят, что они не смотрят за животными, плохо кормят, не моют. Кто знает, вдруг наши котята погибнут. И я стояла и продавала сама. Почти каждому прохожему я говорила: «Возьмите котика, возьмите котёнка». Один старик рядом со мной предлагал счастье — так он называл своих рыжих котят. А чтобы их вернее взяли, спрашивал, неужели никому не нужно счастье. Но все почему-то смотрели на полуперсидских котят у перекупщиков. Но и их никто не брал — слишком дорого. Осенью все идут на рынок, чтобы купить свежие овощи или одежду на

новый сезон. У покупателей бывают с собой большие деньги, но мало кто решит потратить их на маленького зверя.

Мне не нужны были деньги. Мне нужно было, чтобы кто-то купил моих котят. Но все проходили мимо. Кто-то смотрел, спрашивал, кто тут котик, а кто кошечка. Но так же точно они потом спрашивали про инструменты, разглядывали, вертели в руках, но ничего не покупали. Постоянно хотелось уехать с этого рынка домой, но нужно было попытаться продать, может быть, кто-то взял бы котёнка.

Между котятами и инструментами всё время ходила толстая продавщица в короткой вязаной юбке, в таких когда-то ходили третьеклассницы, но так давно. У неё в руках был то спортивный костюм, то кофта, то ещё какая-то одежда. Она ходила, тыкала этим прямо в лицо прохожим и спрашивала: «Надо ли вам? Недорого. Надо ли вам?». Иногда она говорила: «Купите! Надо ли вам?». За некоторыми людьми она бежала долго и всё предлагала свою ерунду. Оказывается, одежду у неё покупали. Кому-то она похвасталась, что продала уже тридцать штук. И снова пошла тыкать вещи в лицо бедным прохожим. Конечно, никто не слышал, как я предлагаю котят.

Осенью часто нужны кошки, но мне не повезло, и я поехала с ними обратно, домой. Рядом со мной в автобусе сидел старичок, который предлагал счастье. Он пытался раздать его и в автобусе, но никто не брал. Ехал он совсем недолго — вышел через две остановки.

Синонимы

Что хорошо делать осенью — это искать синонимы. Я говорю: синоним осени — красота, а больше не говорю ничего, потому что больше не нужны никакие синонимы, всё и так понятно.

Красота — полноценный синоним осени. Тут речь идёт не о словах-синонимах. А о том, что похоже друг на друга, может быть, это такие явления. Осень — безусловная красота. Когда говоришь или думаешь об осени — говоришь и думаешь о красоте. Когда живёшь в осени — живёшь в красоте. Если хочешь представить, как выглядит красота — тут же вспоминаешь осень.

Может быть, мне бы хотелось всю жизнь говорить об осени, писать своим друзьям об осени. Но ценность любого кино

или любой книги в том, что они когда-то заканчиваются и нам остаётся только вспоминать о них. Мы бы перестали замечать осень, если бы она была постоянно. Так что когда осень заканчивается, не надо отчаиваться, в этом есть свои плюсы. А красота — не только осень.

Документальное кино

Иногда чувствуешь себя так, как будто оказываешься вдруг в документальном фильме. Например, выходишь на улицу, а там дождь, слякоть, грязь и намокшие осенние листья. Капли падают тебе на плечи и голову в капюшоне, сырость чавкает под ногами. Всё так же, как вчера, но что-то не так. Вот уже остановка совсем близко, как раз подходит твой троллейбус, но бежать на него — да зачем это, идёшь потихоньку дальше и понимаешь, что такие чёткие звуки — вот это чавканье под ногами и стук капель по капюшону — бывают только в документальном фильме, когда смотришь его на большом экране или дома в одиночестве по видео. Почему-то только в документальных фильмах бывают такие ясные, чистые звуки. Упала книга — как будто стопка книг. Проехала машина — словно бы проехала у тебя внутри.

Потом садишься в автобус или троллейбус — и документальное кино продолжается. Ты подаёшь деньги кондуктору, кондуктор протягивает тебе билет — так громко шуршит бумага, никогда ещё не шуршала так громко.

Но на работе кино заканчивается, никаких титров, никаких обещаний, когда будет следующая серия.

Дорога

Почему-то осенью много ездишь на машине. Может быть, это оттого, что осенью вообще много ездишь. Едешь, смотришь из окна, вот уже прошёл праздник памяти преподобного Трифона Вятского — началась глубокая осень, скоро захочется сесть в электричку и отправиться хоть куда-то, смотреть из окна на реку. Но пока ты едешь на машине, всю осень ездишь на машинах, разные водители, между вами разные отношения. Это может быть брат или муж твоей подруги, это может быть просто твой знакомый, это вообще может быть начальница — не так уж важно. Главное, что ты можешь ехать и смотреть на

дорогу. За окном унылый пейзаж — сухая трава, ты пробуешь подобрать название её цвету, но не получается, может быть — осенне-грязно-жёлтый? Или жёлто-бурый? Или серо-жёлтый? Нет, всё не то. Особенно трудно, если над полем встают утренние туманы. Цвет уже почти определён, но туманы сбивают с толку. Они добавляют сизого, а это путает карты. Почему-то лес в это время не так заметен. Странно, лес — и вдруг мы не смотрим на него, взгляд гуляет по полям, спускается в низины, на горках отдыхает и смотрит в даль. Если бы ещё машина не ехала так быстро. Если бы ещё в ней не играла музыка группы «Король и шут». Впрочем, музыка тоже монотонность, правда, не такая однообразная, как вид из окна, но всё равно можно не обращать на неё внимания. Или хотя бы постараться, смотреть в окно, да и все дела.

Однажды с приятелем мы ехали на машине. Он был за рулём, а я сидела рядом. Как раз выворачивали на объездную дорогу, и я сказала, что мне всегда нравится вот такой осенний пейзаж. А он ответил, что это, конечно, ничего, просто кто-то любит арбуз, а кто-то свиной хрящик. Я до сих пор не поняла, что он имел в виду: такая осень — это арбуз или хрящик?

Путеводитель

Давно пора составить справочник, в котором было бы написано, какие места в городе обязательно нужно увидеть осенью. Жаль, никто не берётся за это. Придётся хоть немного помочь тому, кто захочет это сделать. Вот примерный список мест.

Троллейбусный парк — не все согласятся, но всмотритесь в троллейбусы, на которых лежат жёлтые берёзовые листья, и вы поймёте всю мою правоту.

Немного дальше — тротуар у завода «Красный инструментальщик». А также все места, где рядом с домами из красного кирпича растут берёзы. Осенью получается красное кирпичное с жёлтым.

Успенский собор. Белёные стены и жёлтые берёзы. Снова берёзы, куда ни плюнь. Правда, там встречаются ещё нищие, которые просят денег, а это нравится уже не всем.

Набережная, Вечный огонь, высоченная деревянная лестница в овраг к Успенскому собору, Александровский сад. Тут нечего даже и объяснять. Но тут тоже есть опасность

встретить кучу бутылок и другого мусора — листья облетают, и становится видно, что творится в зарослях на самом деле.

Мост, если смотреть с него на реку и её берега. Путь в Крутиху, высокий берег в Корчёмкино, Макарье. Можно увидеть красивое даже в Коминтерне, особенно если идёшь из больницы и знаешь, что результаты положительные для тебя.

И это не всё. И это только город. А если поездить по области, то можно совсем потерять голову и забыть обо всём на свете. Вот почему этот путеводитель до сих пор никто не смог составить.

Устрой обо мне вещь

Первое правило

Если вы хотите стать паломником, приготовьтесь ничего не знать, и многое узнавать. Сколько я бывала в монастырях — всю жизнь — я сначала ничего не знала, а потом узнавала. К тому же, всё вспоминается, вдруг понимаешь, что это где-то видела или, по крайней мере, имеешь какое-то представление. Так будет и с вами. Но предупредить о том, что бывает в монастырях с паломниками, монахами, монахинями и животными, не помешает. Сейчас я расскажу, а вам всё станет ясно, мы же люди, мы друг друга поймём. Мне самой когда-то, давно уже, кто-то рассказал, что можно ездить в монастырь, называться паломницей, я так и стала делать, тем более, что читателям моей газеты это интересно. Один приятель Вовка как-то даже подумал, что я ушла в монастырь насовсем, то есть, стала монашкой. Мало того, он рассказал это многим другим моим и своим приятелям и знакомым. Но всё оттого, что он меня давно не видел. Я позвонила ему, сказала, что никуда не делась, на месте, и теперь он такого не говорит.

Так что первое правило — это предупредить всех, что уезжаете не насовсем, а дальше можно отправляться.

На радость таксистам

В эту святыню автобусы ходят два раза в неделю. Как хочешь, так и добирайся. Можно взять такси. Все водители знают этот маршрут наизусть, ездят буквально вслепую — тут святыня, люди приезжают. Иногда идут пешком и не могут дойти, силы резко заканчиваются. Тогда вызывают такси. Понятно, что приходится разориться, отдать много денег за вызов. Но что делать — когда нет сил, приходится платить. Таксистам только не очень нравится, что паломники бывают в дорожной пыли или мокрые из-за дождя (в дождь быстро устаёшь), но ничего, можно и потерпеть. А вообще-то они любят этот маршрут.

Два мира взялись

Одна известная кинодокументалистка сказала, что есть мир вертикальный, а есть, например, горизонтальный, и что она больше любит горизонтальный. То есть, мир, в котором живут люди. То есть, получается, что ангелы — это вертикальный мир, а мошки — горизонтальный. Вопрос: можно ли их соединить? Ангелы встречаются редко, и только некоторым, а мошки гложут всех, постоянно.

Правила веры

Светлана решила стать верующей. Чего проще — иди в церковь. Ещё в детстве, когда-то давно её окрестили, причём тем же именем, что и в паспорте. Хотя его нет в святцах. Как это получилось, никто не помнит.

Подруга позвонила в горный монастырь (она там раньше работала, осталась знакомая — сестра благочинная), и Светлану взяли пожить паломницей. Утром и вечером она видела, как её соседки по комнате (комнаты называются кельями) молятся. На исповеди пришлось встать на колени. Потом никто не знал, как её причастить, под каким именем, и что вообще делать? Она вернулась из монастыря молча, ни с кем не разговаривала. На следующий день в стране разгромили одну школу вместе с детьми. Она не говорила несколько дней, смотрела телевизор. Не ела. Потом позвонила мне, сказала, что болеет, и посиди со мной, я боюсь. Я сидела, потом приходили другие, мы дежурили несколько дней. Артериальное давление и температура тела всё это время были нормальными, но она всё жаловалась на здоровье, мёрзла и боялась. Потом мы ей надоели — если человек болеет, это случается. Потом приехала её мама, и Светлана плакала вместе с ней. Мама увезла её домой, в далёкий город. Она стала рисовать и немного поправилась. Что с ней теперь, никто не знает. Подруги говорили, всё из-за той школы, многие тогда буквально сходили с ума. К тому же, она могла не вытерпеть, что ей пришлось стоять на коленях, что её никак не могут причастить. Ей многое пришлось вынести.

Синайская жара

Даже в такой глуши, в этой деревне люди стремятся к наукам, и не просто стремятся, но и что-то всегда узнают. Вот монах Михаил сказал: жара, как в Синайской пустыне. Как много он знает, хоть и живёт в этой глуши. Не всем, кто приезжает в святыню из ближайшего или какого-то далёкого города, известно о Синайской пустыне и о её жаре. Кто-то из паломников понимает, что он теперь находится в святыне, а больше ничего не знает. Некоторые только и прочитали школьные учебники, и немного слышали о гармонии мира, ну, ещё пару сведений. У кого-то отражается на лице, что он приехал, потому что больше не мог оставаться дома. Это ничего, он потом отправится домой, у него снова будет получаться там жить. Может быть, он приедет сюда ещё. Или даже придёт, сюда многие приходят пешком. Монах Михаил знает и о Синайской пустыне, и кое-что о паломниках, но копается в грядках, спешит на сенокос. Это не для вида, а потому что надо же что-то есть, надо же что-то вырастить, скосить траву, заготовить сено для лошади и коровы, который день жара, как в Синайской пустыне.

Зодиак святых

Продавцы обсуждали, что на столичном печально известном рынке было столько нелегальных иммигрантов — в три раза больше, чем жителей (всех, настоящих и без прописки) их города. Конечно, когда нет покупателей, почему не поговорить. Был рабочий день, даже утро, товар лежал на деревянных прилавках, иногда кто-нибудь подходил и смотрел, но не больше того. А у входа на рынок стоял старик, который не говорил попусту — некогда, много покупателей, продавал иконки, небольшие, с ладонь или даже меньше. Постоянно подходили люди, спрашивали его, какую иконку купить лучше — Николая Чудотворца или Богородицу, а если Богородицу, то какую? У старика была специальная таблица, но он уже знал всё наизусть. Покупатели говорили дату своего рождения, он смотрел, какой знак зодиака приходится на это время. Каждому знаку он подбирал отдельную икону Богородицы и продавал. Торговля шла хорошо, люди были довольны.

Как много непонятного в мире, например, это горизонтальное или вертикальное явление?

В деревню из библиотеки

Сестра Амарантос приходит специально для того, чтобы поговорить о божественном. Это её второе послушание — беседы с паломницами. А первое — быть библиотекарем. В горном монастыре много специальных книг, так что в этом предмете сестра Амарантос разбирается хорошо. К тому же она много лет живёт тут, давно монахиня. Она выглядит на тридцать лет, но на самом деле ей уже сорок пять. В этом монастыре все выглядят моложе, кроме, пожалуй, схимницы, она старая, и так это и смотрится со стороны.

Но всему приходит конец, наступает предел, и вот сестру Амарантос отправили в дальнюю деревню — подворье монастыря. Она так много разговаривала с паломницами, так много узнала о мире, что очень устала. Раньше мы переписывались немного, можно было написать и спросить о чём-нибудь по её вертикальному предмету, она поздравляла с праздниками — Рождеством или Преображением. Я печатала эти послания в своей газете (четыре страницы А3, три раза в неделю, тираж 5000). Теперь она живёт в глухой деревне, там нет электронной почты. Ей она и не нужна.

Где дороже

Людмила Сергеевна не так давно живёт при монастыре, в глуши. Она работает в одном учреждении директором, там же и поселилась, поставила кровать, стол, повесила плечики на гвозди, всё. Допустим, в школе. Учеников мало, только у соседей столько же детей, сколько во всей школе. Но они пока маленькие, так что перспективы у учреждения есть. Людмила Сергеевна говорит: у нас есть 123 рубля, надо их истратить на порошок, скоро придут дети, будем стирать шторы весь год. Эти деньги она отдала Вере. Но Вера сказала, что, во-первых, этих денег мало, а во-вторых, лучше она купит порошок в областном городе, потому что тут дорого.

Людмила Сергеевна говорит: разве у нас тут дорого? Она редко бывает в магазине, её можно найти в церкви или в том учреждении, где она работает.

Редкая связь с вертикальным миром

Люба снится своей подруге. Четыре года назад она ушла в монастырь, а подруга перестала ходить в церковь, она почти всегда живёт лишь горизонтальным миром. Только иногда, когда становится совсем трудно так жить, она отправляется в храм, ставит свечку Богородице, Николаю Угоднику или Спасителю. Но это бывает редко. Люба тоже снится нечасто. Она уже послушница. Иногда про Любу доносятся слухи, будто она подурнела, расползлась и вообще. Но это неправда. Недавно во сне у своей подруги она была чистый ангел.

Животные

В святыне у монахов живёт корова Милка и лошадь в яблоках, её тоже зовут Милка.

Кто-то может не поверить, сказать, что это только название — в яблоках, нет такой породы, и что на самом деле это просто пятна, пигментация кожи лошади. Может быть, такой породы и нет, и пятен у Милки в самом деле много. Но если приглядеться, можно увидеть и яблоки. Я заметила два, но монах Михаил говорит, что их больше. Потом посмотрю повнимательней.

Наталия недалеко от монастыря видела бабочку, на крыльях нарисованы цифры «1», «3», «6», «9». У Людмилы Сергеевны живёт кошка, на лбу большая буква «М», а глаза не зелёные, а цвета морской волны. По утрам кошка ходит по соседским парникам и грызёт огурцы. Игумен привёз откуда-то говорящего попугая.

Попугай игрушечный, а все остальные животные — настоящие.

Бытовуха

Отец Андрей был настоятель знаменитого мужского монастыря, большой святыни, а вот теперь в женском, тоже известном. Монахи об этом не жалеют, им и не положено, а вот монашки очень рады. На новом месте он встречает журналистов и объясняет, что к чему. Дело в том, что хозяйка соседнего хутора на всех углах говорит, что монастырь отбирает у неё воду, не даёт электричества. Отец Андрей готов всё объяснить.

Но сначала предлагает репортёрам и их водителям пообедать в трапезной, к тому же ему пока некогда.

После еды он показывает трансформатор и провода. Ведёт к монастырскому колодцу. Неподалёку колодец хуторян. Они его забросили и брали воду у монахинь. Подвели провода к их трансформатору. Сначала платили за энергию, потом перестали, и уже давно никто не видел от них денег. А в том месте электричество очень дорого, особенно если учесть, сколько надо было вкопать столбов и натянуть проводов. Теперь у хуторских нет энергии. Вот и едут журналисты.

Потом отец Андрей разговаривает о другом. Он предлагает приезжать в монастырь на службы. Автобусы специально приходят в субботу после обеда и с самого утра в воскресенье. Приезжать просто на службы, может быть, кто-то найдёт тут женихов, невест. Журналисты краснеют, это их тайная мозоль. Можно не отвечать сразу, а приехать в субботу, уже завтра. Все ухмыляются, но кто-то думает тут непременно побывать, а может, даже бывать регулярно.

Златоустая Ксения

Ксения рассказывает всё время о чём-то божественном. И слова её, как всякие слова, серебряны. Среброустая Ксения может говорить о божественном утром, после службы и трапезы. Она может говорить о божественном во время прополки или мытья посуды. Полют тут, в деревне, как везде, а посуду моют особым способом, в трёх тазах.

Первый таз — горячая вода, в ней трут посуду губкой, с жидкостью для мытья. В двух других тазах вода прохладнее, в ней споласкивают. Начинают всегда с кружек и стаканов, потом идут графины от кваса и банки от молока. За ними — тарелки, ложки и кастрюли. Кастрюли мыть всего труднее — они больше, и в тазы не входят.

И вот во время этой работы Ксения может рассказывать что-нибудь божественное. Она рассказывает это во время перерыва в работе. Но когда окучивает, она молчит — это тяжёлая работа, и тратить силы ещё на что-нибудь не получается. Молчание — золото, и Ксения в такие минуты и часы — златоустая.

Правило общения

Лучше, если вы будете называть других паломниц полными именами. Например, Людмила, а не Люда или Мила, Елена, а не Лена, Елисавета, а не Лиза. Конечно, с непривычки это трудно, но так уж тут полагается.

Мало того, разговаривать можно не со всеми. Как-то в горном монастыре в одной комнате жили четыре паломницы (там двухъярусные кровати), и одна попалась такая разговорчивая, всё что-то спрашивала, говорила о божественном и не только, вставала — и сразу же начинала говорить, может, просто была так рада, что оказалась в монастыре. И она всё приставала со всякими пустяками к другой паломнице, для начала спросила, как её зовут (Елена), потом хотела узнать, из какого она города, где-то учится или нет? Но Елена ей быстро сказала вот что: простите, я поступаю в монастырь, мне нельзя ни с кем разговаривать. И та отстала. В том монастыре все живут скученно, и новички первое время ночуют в кельях для паломниц, а потом уже их переводят к сёстрам.

А зачем?

Наталия говорит в нос — такой голос. Она приехала с внуком Сашей в дальнюю святыню из соседней республики, пожить, помочь. Настоятель монастыря определил её в семью Николая и Веры, больше было некуда. Лето на её родине совсем не то, что здесь. Здесь и травы разной больше, и овощей, и тёплых дней, для Саши очень полезно, да и ей не помешает погреться, кости немолодые.

В полдень, когда все устают и приходят в дом к Вере отдохнуть от жары и попить чаю, Наталия вдруг говорит: сегодня видела бабочку.

Потом она молчит, потому что пьёт чай. И продолжает: у неё на крыльях цифры — «1», «3», «6», «9». Бог её так пронумеровал, что ли?

Я говорю: а зачем?

Наталия: не знаю, зачем. «1», «3», «6», «9». Я думаю — это прикол природы или Бог их стал нумеровать?

А бабушка Женя сказала: 1369.

В полдень тут говорят о разном, не только о божественном.

Все нужны

В той святыне рядом с хутором кладбище пока что небольшое, но оно растёт год от года, появляются новые кресты плюс чьё-нибудь круглосуточное молитвенное дежурство у чудотворной иконы. Это потому что туда часто приезжают люди с очень тяжёлыми болезнями. Монахини ухаживают за ними, паломники всё время лечатся, но всё равно выживают не все, хотя кому-то везёт. Сестра Софрония приехала в монастырь несколько лет назад, может быть, пять. Она сказала: здесь я буду умирать. Монастырь где-то достал деньги на её лечение, сёстры постоянно молились, и вот — она здорова. Когда её постригали, все плакали. Теперь она останется здесь насовсем и будет жить до смерти, сама так выбрала. Когда у монастыря появляются проблемы, допустим, соседка-хуторянка натравливает на него журналистов, Софрония встаёт на защиту. Например, она молится о том, чтобы всё успокоилось, а ещё рассказывает всем свою историю, как она поправилась в этой святыне. Это помогает, а что ещё она может, человек на инвалидности.

О спорте

Людмила Сергеевна уже очень давно верит. Но если вы будете её спрашивать о божественном, то вряд ли что-то услышите. Она мало разговаривает. Одевается в серое, бледненькое. Сама худая, низкая, незаметная. Если что-то говорит, то очень тихо, трудно разобрать. Смеётся — видно морщины. Она живёт одна, как монахиня. Но она совсем не монахиня, это мужской монастырь в святыне, а она поселилась тут недавно, напротив. Даже сам игумен, настоятель монастыря, сказал ей недавно, чтобы надела красный платок, а то ходит во всём сером и светло-коричневом, смотрит в землю, улыбается — видно морщины. Красного платка не нашлось, надела светло-зелёный. Хоть он и бледный, всё равно стало лучше.

Раньше Людмила Сергеевна занималась очень красивым спортом, например, фигурным катанием, вся страна любит фигурное катание, а она вот ушла мастером спорта почти международного класса — лодыжка. Занялась шахматами и вдруг поверила. Невозможно не поверить, шахматы — такая красивая игра. И вот пошла-пошла по этой линии, забросила свои коньки (она понемножку продолжала кататься, всё же трудно отка-

заться от такой красоты), свои шахматы, стала носить серые одежды, похудела, на лице появились морщины. Родители, глядя на неё, тоже поверили. Паломники, которые приезжают в святыню, не смотрят на неё. Ей и не надо. Кто теперь вспомнит, что она мастер такого красивого спорта?

Всё на пользу

Монах Павел, похоже, цыганской национальности. Он удивляет паломников. Увидит блестящий фотоаппарат и бежит скорей смотреть. С ходу говорит новому знакомому: о, коллега! Принимается разглядывать фотоаппарат или что там у вас есть — ему подойдёт всё, хоть телефон, хоть наладонный компьютер. Часто случается, что паломники дарят ему свои вещи. Как он их уговаривает? Может быть, говорит, что путь из их дальней святыни неблизкий, и зачем тащить на себе лишний груз? Но не исключено, что у него какие-то свои аргументы. Как бы там ни было, монах остаётся с обновой, а паломник уезжает так.

Всё на пользу, говорит Павел, всё на пользу. И уносит технику в свою келью. Говорят, что у него уже целый склад. Когда у деревенских жителей вдруг ломается фотоаппарат или теряется зарядное устройство к телефону, они идут в храм, находят в нём Павла и просят починить, посмотреть, подарить. Но он строго смотрит на прихожан, и они замолкают. После службы все выходят на улицу, и тут инок внимательно выслушивает все просьбы. Берёт поломанные вещи, обещает поискать зарядники и карты памяти. Взамен, до тех пор, пока он занимается их бедами, селяне должны приходить в храм на службы. Каждый день (это же святыня). Они и без того, и без его этих слов, приходили бы, очень нужно позвонить родне, батарея села, а номер записан только в телефоне.

Каждый день утром и вечером (это святыня, службы идут дважды в день) пострадавшие спрашивают Павла, как дела, что с их техникой. Цыган смотрит на них хитрыми глазами, говорит, что пока думает, потом — что дело сдвинулось с мёртвой точки, всё будет хорошо, осталось ещё чуть-чуть. Так тихой сапой он ждёт до воскресенья, и после литургии раздаёт всем отремонтированные фотоаппараты, новые карты памяти, батарейки и зарядные устройства. Правда, после того, как вещи побывают в келье Павла, работают они почему-то недолго, и при-

ходится снова идти в церковь. Два человека уже начали ходить сюда постоянно, без вещей. Теперь понятно, почему Павел говорит, что всё на пользу, когда несёт к себе каждый новый подарок.

Будет семья

Валера тоже приехал в деревню, в святыню, а не жил тут всегда. Как раз был свободный домик. Про него говорят: человек с биографией. Почему с биографией, потому: ему уже двадцать шесть, а он ещё не закончил школу. У человека биография, ничего удивительного. В остальном он совсем такой же, как все, кто приехал сюда и остался жить. Ходит в красной футболке и старых джинсах на сенокос, в этом же стоит на службе. Лицо у него красное, голос спокойный и простой. Он влюблён в Серафиму, она младше его на шесть лет. Все тут духовные чада игумена, вот и Валера с Серафимой тоже.

Молодой человек уже давно ухаживает за девушкой. С сенокоса приносит букеты полевых цветов, покупает открытки, даже специально ездит за ними в районный центр, приводит в магазин, где она выбирает себе мороженое. Ещё весной Валера позвал Серафиму замуж, но игумен настоял на том, чтобы он продолжил учёбу. И теперь молодой человек ученик восьмого класса школы рабочей молодёжи, пишет сочинения на отлично. Серафима — большая надежда игумена, и он не намерен благословлять её выходить замуж абы за кого.

Правило послушания

В монастырях, в святынях может получиться так, что вам придётся делать всё, что угодно. Это называется послушание. Кому-то поручат работать на кухне, кому-то — продавать иконки, кому-то — попробовать редактировать тексты проповедей настоятеля монастыря. Одним достаётся прополка картошки, другим — мытьё полов и стирка, весь день с водой. Если в монастыре есть животные, вас могут отправить ухаживать за скотиной. Ничего удивительного, в монастыре живут люди, и им тоже надо есть, пить, спать и молиться. И они работают на огороде, готовят еду, пишут и продают иконы, шьют праздничное облачение и сушат сухари, разводят пчёл, опасаются медведей, молятся о хорошей погоде, страдают от мошек и ко-

маров, строят печи, восстанавливают храмы. Этим же занимаются и паломники. Надо быть готовыми к такому повороту событий.

Может быть, кому-то это может не понравиться. К примеру, человек склонен спать до обеда, а потом идти погулять и неторопливо что-нибудь поделать, а тут его заставляют целыми днями чистить рыбу, варить картошку. Не стоит переживать. Если не сбежите из монастыря до воскресной литургии, на службе успокоитесь, и лицо ваше приобретёт спокойное выражение. Так и бывает буквально со всеми. Всегда бы так.

Бывшая сирота

Монахиня сестра Смарагда нашлась сама. На выставке в Москве был стенд монастыря, и Нина подошла и сказала, что хочет быть в нём. Почему в нём, кто знает. Просто подошла и спросила, как добраться, и что нужно, чтобы взяли в монастырь рядом с хутором. Ей объяснили, и она начала сидеть на чемоданах — ехать решила вместе с сёстрами после закрытия выставки. Отпрашиваться ей было не у кого — давно сирота. Уволилась на работе, раздала маленькие долги, вернула хозяйке ключ от квартиры — всё. Теперь она уже монахиня с именем сестра Смарагда, вспоминать о своей прежней жизни не любит.

Тепло от печки

Монах Павел умеет строить печи. Неясно, кем он был до монастыря, вроде бы фотографировал для газет, но точно известно, что жил в деревне, в глухом месте, оно ещё дальше, чем святыня, и добираться туда гораздо труднее. Сюда хоть есть наезженная дорога. А туда только пешком. В такой деревне никак не обойтись без печки. Она нужна и для обогрева, и для того, чтобы готовить еду. Хоть и идёт во всей стране газификация, но очень медленно, тех мест пока не достигла. Всё равно там много леса, люди пока что проживут и на дровах. И вот оттуда и приехал Павел, там и выучился класть печи.

Давно пора бы ему найти ученика, но никто не хочет заниматься этим хорошим делом. В кельях печи построил Павел, в монастырском храме они ещё с позапрошлого века. А вот появятся новые монахи, придут насельники, кто будет класть их? Сам Павел уже отказался этой осенью построить печку в поме-

щении нового склада для продуктов, сказал, не то здоровье, чтобы в свитере работать. Но все думают, что придёт лето, он наденет серую футболку и примется за новую печь. В святыне ещё так много всего непостроенного, а таких специалистов меньше десятка на всю область.

Ещё про Ксению

Ксении дай только поговорить о божественном. Вообще, у неё мало слабостей, она не объедается, не сквернословит, не завидует и так далее. Но о божественном говорить любит. Недавно рассказала о первой исповеди. Она тогда ездила в один монастырь, где был старец. Говорит: он такой батюшка, к нему все бежали, как дети к солнцу. Всегда хотелось быть рядом. А если улыбался! И я пошла к нему на исповедь. Сама боюсь, а он говорит: в чём твой грех, солнышко? Я скажу. А ещё в чём? Я скажу. И так всю исповедь. Всё время солнышко. И всё время вздыхал. Как будто так молился за меня. Потом благословил идти к причастию. И я заплакала. Мне было уже сорок. А потом…

Но это уже не относится к первой исповеди, поэтому не пересказываю.

Люди, которые живут рядом

Все видели таких людей — или это Лариса с подбитым глазом, или это Степан всегда в зимней одежде, или это кто-то из хромых или очень больных подходит к храму и просит у паломников денег. Все они живут в соседних деревнях. Мало кто даёт: во-первых, все деньги в вещах, а вещи в келье, а во-вторых, дают хлебом и конфетами, кто-то специально берёт с собой. Некоторые просто бурчат под нос: иди работай. А где работать с подбитым глазом или в глуши?

Отец Андрей перед тем, как ехать по важным делам, ждёт машину, водитель протирает зеркала. Подходит Лариса, ей он даёт двадцать рублей. Мало, говорит она, добавить бы. А отец Андрей говорит, что хватит, довольно, позавчера ещё он видел, как Лариса едва шла мимо монастыря, отворачивала лицо. А вчера его не было целый день, вернулся поздно вечером, что там происходило, настоятель не знает. Больше сегодня она ни-

чего не получит. Потом подходит Степан, он получает столько же — двадцать рублей. Чтобы не смущать Ларису.

В этом месте, рядом с этими людьми, а может быть, прямо в их душах пересекаются два мира, горизонтальный и вертикальный. Никто из паломников не знает, почему эти люди такие, только отец Андрей мог бы рассказать, но он не будет. И так всегда в монастырях, никто не гонит, и без того отовсюду выгнали.

Правило семьи

Иван говорит сыновьям, чтобы искали себе жён в храме. Господи, они такие маленькие, какие им жёны, какой им храм? — вздыхают обе бабушки. И правда, старшему сыну четырнадцать, младшему пока десять. Но Иван настаивает на своём. Сам он бывает в храме не каждую неделю, чаще всего только раз в месяц, зато возит на машине игумена дальнего монастыря в город и обратно, но это всё. Свою жену он нашёл не в храме, их тогда ещё почти не было, а на телевидении. Однажды журналисты проводили опрос на улице, кто что думает про алкоголизм. И она одна сказала, что, конечно, пьяницы сами виноваты в своих горестях, но это не отменяет к ним жалости и любви. Иван тогда только начинал пить, от него уже ушла одна жена, а от второй он бы не отказался. Тем более от такой доброй и красивой. Он позвонил на телевидение, каким-то чудом там ему помогли, правда, потом сняли свадьбу и венчание на камеру и показали всему городу. Это его невеста настояла на венчании, нашли наполовину восстановленный храм, и пошло дело.

Иван, как женился во второй раз, сразу бросил пить. Правда, ненадолго. Через год снова началась старая беда. За всё время супружества он бросал не однажды, каждый раз у него получается всё дольше обойтись без пива и прочего. Последние пять лет он совсем не притрагивается ни к одной бутылке, возит игумена и говорит сыновьям, чтобы искали себе жён в храме. Такие у него теперь установки жизни.

Устрой о мне вещь

Все в святынях читают молитвы. Утром и вечером. Это называется правила. Утреннее и вечернее правила. Монахи мо-

лятся при каждом деле. Доят корову и поют молитву. Придут в трапезную, и тут тоже надо помолиться. Словом — постоянно.

Молитвы разные, но главное, чтобы все они шли от сердца. Только кажется, что ничего особенного тут нет. На самом деле это довольно трудно. Видимо, в помощь всем молитвы бывают очень красивыми. Кому-то западают в душу слова «по велицей милости» — звучит необычно и очень поэтично, можно сказать, что литературно. Кому-то — «паче снега убелюся». Но есть ещё, например, такие слова: «устрой о мне вещь». Это выглядит таинственно, причём, тайна эта какая-то очень красивая. Очень многим запоминаются именно эти слова. Когда вы вернётесь из поездок по монастырям, можете заглянуть в интернет, и увидите, что многие посетители форумов просят, чтобы им разъяснили именно их. Конечно, всегда хочется знать побольше о том, что тебе нравится.

Классика

Сёстрам из переводческого класса вдруг разрешили читать классику. До этого они всё читали только о божественном, брали в библиотеке у сестры Амарантос. Читали-читали-читали. Эти три сестры несут своё послушание в переводческом классе. Горный монастырь уже большой, всем работа находится — и тем, кто не смог закончить школу, и тем, кто получил два высших образования, да ещё и поёт.

Эти три сестры (две послушницы и одна монахиня) все закончили вуз, гуманитарные факультеты, то есть, работать со словом могут. Вот их и поставили переводить тексты о божественном с греческого старого языка на современный русский. Они переводили и радовались. Монашки всегда радуются, что могут поработать и принести пользу. Если бы у них было другое послушание, например, ухаживать за больными, они бы тоже радовались. Но в этом монастыре такого нет, тут все переводят, пишут иконы, поют в храме, шьют одежды и прочее. Вот они и переводят. И ещё редактируют тексты проповедей настоятеля и матушки игумении. Это тоже сложная работа: нужно, чтобы остался смысл проповеди, остался стиль языка проповедника, но пропали бы все недочёты речи, рассогласованности, потери мысли, длинноты и ненужные междометия. Даже самое радостное дело может усыпить внимание, и вот, чтобы этого не было, чтобы сёстры видели перед собой обра-

зец хорошего языка, им разрешили читать классику — Пушкина, Бунина, Чехова. Но дело в том, что книги — не только образцы, это ещё и пример горизонтального мира. И теперь сёстры живут в двух мирах. В одном — проповеди, в другом — классика.

Как тут не остаться

Как-то семейный ансамбль «Снежная моя родина» позвали выступить на большом конкурсе. Они приехали с севера в центр страны, и вот их вместе с другими музыкантами повезли на автобусе в какой-то дом отдыха, пансионат. Первый раз семья (папа, мама, сын и две дочери) участвовала в таком большом конкурсе. По дороге всем артистам решили показать большой монастырь, знаменитую святыню. И вдруг одна из дочерей вцепилась в перила крыльца и заплакала: мама-мама, оставь меня здесь, я давно собиралась, оставь, выступайте без меня, как страшно, мама-мама, я буду тут жить. Как её тут оставишь, тем более, монастырь мужской. Еле отодрали девочку от перил, поехали дальше.

На конкурсе семья неожиданно заняла первое место, закончились эти тревожные дни, вручены горы подарков, всех повезли обратно. У монастыря в этот раз даже не остановились, не до того — кое-кто из участников мог опоздать на поезд. Та девочка грустно смотрела на купола, но в этот раз молчала. Ей же сказали, что этот монастырь — мужской.

Кто кого воспитывает

Толстый не так давно в монастыре, какой-нибудь год, а уже надоел своему хозяину. Валера мечтал о толстом коте, до того толстом, чтобы выходил на крыльцо и еле-еле опускал лапу с лестницы. Потом другую. И так постепенно, минут за пять слезал бы с крыльца. Как кот из мультика про попугая Кешу. А Толстый не такой. Он худой и очень подвижный. Конечно, кот любит полежать на солнце, полениться, но что это — капля в море. Он всё равно остаётся плоским, ловким, прыгает с крыльца и несётся ловить мышей. Это оттого, что он беспородный. Так думает хозяин.

Он отдал Толстого местному бизнесмену. Думал, может, хоть так из него выйдет толк. А кот привёл в новый дом жену, с

ней пришли семь котят. Ни один не похож на Толстого. Как говорится, досталась дама с прицепом. Надо всех кормить. И снова он бегает за мышами и птицами. Какой-то неисправимый.

Но это ничего. У Валеры хорошие отношения с некоторыми паломниками, и ему скоро привезут из областного города хорошего котёнка, может быть, даже породистого. Даже если это снова будет обычный дворовый зверь, хозяин раскормит его так, что тому никогда не захочется выходить на охоту. Все коты тут живут у трапезной, и оттого всегда сыты, никто не ловит ни мышей, никого. И только Толстый отличается от других. Вот он и будет воспитывать нового котёнка. А что, опыт у него уже есть. Вдвоём они составят отличный дуэт — один бегает, другой лежит.

Праздничные монастыри

Не всегда же в монастырях работают, есть там и праздники. Монахи и монахини даже очень их любят. Тяжело без них и паломникам. Многие приезжают специально из-за торжеств. А когда возвращаются из монастырей, говорят, что у них состоялся большой праздник души, именины сердца, вспоминают и много других сладких слов. Поэтому некоторые думают, что жизнь в святынях безоблачна и красива.

Надежда Степановна вот как высказывается вечерами на кухне: все говорят — святыня, святыня, а приехать и что-нибудь сделать полезное никто не хочет. Такую мысль она сообщает каждому новому гостю в доме, если видит, что он более-менее подходит, может как-то выручить, подать руку помощи монастырю, тем более что и для него самого (гостя) это окажется полезным — вот так деятельно провести время. Так появляются новые трудники. Сама она давно протянула не только руку, но и подалась вся на помощь дальней святыне. Каждый месяц Надежда Степановна бывает там, помогает в трапезной, в храме, придумывает способы заработать для монастыря. Она делает так много всего, мало кто верит, что это всё один человек. Но это правда. Для неё любой праздник, который отмечают в монастыре — тоже праздник. Но и большой труд, усталые ночи, головная боль, неразличение дней недели. Часто бывает, что её организм упрямится и не хочет работать во время праздников. Тем более — все в храме, а она, например, у печи, готовит рыбу. Или гребёт снег. Или шьёт занавеску для

алтаря. Или ещё чего-нибудь. Но потом, когда проходит праздничная служба (а она на неё и не всегда попадает, работает), то она чувствует у себя в душе просто именины сердца. Вот и всё.

Послушание у сестёр

Конечно, собирать грибы любит каждый. Но это не всегда возможно. Как-то раз Юлия ходила вокруг горного храма и увидела красивый белый гриб. Взяла и сорвала его. Принесла и показывает сёстрам в трапезной — смотрите, какой красавец. А они говорят: да, мы его видели. Юлия спрашивает: а почему не сорвали? Сёстры ответили: нас не благословили. Вот и в любом деле они спрашивают благословления.

Хлеб

Иван хотел стать поэтом. Он говорит: я могу сочинять стихи, целыми тетрадями. К дню рожденья или на свадьбу. Мне это легко. Вижу — одно слово с другим рифмуется, и ставлю. Я даже хотел стать поэтом, показал стихи батюшке. Но отец Леонтий сказал: нет, Иван, в поте лица своего будешь зарабатывать хлеб свой. Ну, наверно, батюшке виднее. Ему, наверно, что-то открыто.

Ещё Иван думал стать священником. Говорит, что его это интересует. Но отец Леонтий снова сказал про хлеб в поте лица. Но какой уж тут труд — Иван просто возит игумена из монастыря в город и обратно, и всё. И какой такой особый хлеб. Кормит семью, и хорошо. Все сыты, одеты, обуты. Как-то получается так, что всё откуда-то появляется. Не было ничего в холодильнике, а тут Иван привёз отца Леонтия — а у него в сумке полно еды. Тем более, жена работает, так что не пропадают, не голодают. И то хлеб. Ну да, хлеб.

В автобусе

Мне приснился монах Михаил. Как будто я сижу в автобусе, читаю книгу. Подходит ко мне кондуктор, а я не глядя протягиваю ему деньги за билет. И еду себе дальше. Вдруг он садится рядом со мной, и я вижу, что это брат Михаил. Такой высокий, в сидячем состоянии почти до потолка. Он говорит: почему тебя давно не видно у нас? Что тут ответишь? Я подумала

и сказала, что, пожалуй, правда, давно не была в той святыне, и появлюсь, как только смогу. Смотри, — улыбается Михаил, — приезжай, пока у нас не наступила синайская жара, ты же не любишь. Он уходит, а на его место садится сестра Амарантос. У меня в библиотеке новые книги, — говорит она, — и не только о божественном. Так что загляни ко мне. Кстати, ты не сдала месяцеслов позапрошлого года, для газеты он всё равно устарел. Но к вам так долго ехать, сказала я. Посмотри на меня, както тихо-тихо сказала сестра Амарантос, я же добралась до тебя. Так и ты сможешь приехать к нам. И сдать месяцеслов, не забудь. Тут автобус остановился у светофора, открыл дверь, и она вышла.

Так что скоро снова я поеду куда-то. Предупреждаю, что вернусь, и мы сможем поговорить о горизонтальном или вертикальном мире. Или сразу о двух.

Варжа, где-то на Варже

Всё ходим и ходим по Варже, по её долине, от истока к устью. «Похороните меня на Варже», — просит нас наш старшой, а сам живой. Живой. «А расскажите про Варжу, про её долину, про её жизнь», — просим мы, и он говорит, перечисляет деревни не от истока к устью, и не устья к истоку, а так. Он рассказывает, живой, говорит об умерших деревнях.

Селиваново

В Селиваново жили хорошие мужики, да все разошлись на голбцы да филёночки. Смотришь — был мужик, и нет. Вот сейчас ещё был. Только его жена сидит, протирает светлой тряпицей филёнку и плачет.

Началось всё с Вениамина. Он был первый красавец в Селиваново — высокий, рыжий, жилистый, губы толстые, весь в веснушках, руки, спина. Как глянет на женщину, та останавливается — и забыла, куда шла. Рассказывает о встрече подругам, а те пристанывают от счастья. Дом его стоял в центре деревни, полная чаша, жена красавица, у детей глаза ясные. Всё было у мужика, чего ещё надо? Но однажды Вениамин решил научиться рисовать на дверных филёнках. Красил слева направо, справа налево, сверху вниз и снизу вверх, то одним цветом, то другим, подбирал колор. Подобрал. Начал рисовать предметы на дверях. Топор, рубанок, молоток. Гвоздь, лампу, ботинок. Колокол, трактор, колодец. Получалось красиво, но что-то не то. Жена посоветовала нарисовать радугу, чтобы получилось как на фотографии, даже лучше. Вот тут Веня и попал. Рисовал месяц, полтора, весь зарос бородой. Жена уже и не рада, что попросила, говорит ему: «Отступись! Будет тебе, какая нам радуга?!». А он всё рисует и рисует, смывает и снова берёт кисти. С каждым разом изображение всё лучше, а Вениамин всё тоньше. Однажды утром жена и дети встали, смотрят, на всех филёнках радуга сверкает — лучше, чем на фотографиях, совсем как настоящая. А Вени нет. Весь ушёл в филёнки свои, весь. Кисточки на полу лежат.

Потом и других мужиков охватила такая же страсть. Сидят по домам, разрисовывают филёнки и голбцы. Так все и вышли.

Сыновья, внуки продолжали дело, только у них получались всё какие-то трали-вали. Потом, когда Селиваново стало нежилой деревней, приходили музейщики и хорошие филёнки забрали — львы, цветы, райские птицы. А потом пошли краеведы, и им-то и достались эти трали-вали. Они и этому были рады.

Нынче в Селиваново никого нет, ни мужиков, ни филёнок. И вообще никого. Да и в других деревнях с этим плохо.

Ивернево

В Ивернево всем заправляли Дарька да Варька, а как они уехали, так и вся деревня поразбежалась. У Дарьки волосы длинные как плат, густые и тёплые. Зимой она вместо шали в них заворачивалась и так ходила. По ночам ими укрывалась. «Тебе, Дарька, поди и печь не надо топить», — шутили соседки. Но она топила избу, и баню раз в неделю, как надо. Уйдёт Дарька в баню с утра, и до вечера её нет. Всё отмывает да чешет.

В морозные зимы деревенские несли в дом к Дарьке малых детей — она всех могла волосами обернуть, всех грела. В такие-то времена печь топили соседи — а Дарька сидела и с места не двигалась. Дети в волосах играют, возятся, бегают туда-сюда, теряются. Как морозы пройдут — отправляются по домам. Правда, иногда не враз. Допустим, из одной семьи отдадут Дарье на прогрев Петьку и Сашку, а домой возвращается только Сашка. Ну, родители не волнуются, знают, что и он вернётся. В банный день Дарька найдёт в волосах Петьку, вычешет его, отмоет, отправит домой.

Если у кого случалось горе, и он не мог потом опомниться и прийти в себя, земляки вели его к Дарьке. Она его своими волосами оборачивала, грела, дышала на темечко. Сколько солдат, обиженных в армии, спасла Дарька, сколько мужичков, лупленных скалкой или сковородой, не сосчитать — ещё бы, приходили не только из Ивернево, но даже из Стрюково, из Макарово, из Пожарово. А из Мякинницыно нет, не приходили. Однажды даже притопал пешком мужичонко из Великого Устюга. Долго жил он в Дарькиных волосах, неделю или две. А потом Дарья вышла из дома с ним, закрыла дверь на замок и ушла. Грустно стало в деревне.

А Варька — та совсем другая. У неё такие были груди — сама встанет у стены, а они в окно смотрят. Дома еле помеща-

лась, ставила рядом две кровати, и так спала, все это знали, вся деревня.

Вот кого мужики любили, так это её, ни на кого другого смотреть было им неохота. И она их любила, никому не отказывала, всех пускала рядом прилечь. Жёны не ревновали, знали — поспит муж у Варьки на груди, поборбается, а больше ничего, не забалует. Зато домой придёт как шёлковый, месяцев восемь будет без разговоров пол мести да щепки драть. Кого и на полтора года хватало.

В засушливые годы тоже Варька была необходима. Сядет в Варжу, перекроет её грудью — сделается запруда, вот воду все и натаскают, польют все огороды и поля, сами отмоются. Никогда в Ивернево не голодали, урожай был всегда.

В Малиново жила Варькина подруга, Лизавета. У неё, хоть и большая была грудь, но всё же поменьше значительно. И вот они вдвоём повадились на дискотеки в Пожарово. Путь от Ивернево неблизкий, но дело того стоило, на танцах включали хорошую музыку, белые розы или иногда Макаревича. Варька беззаботная стала. Допустим, сезон земляники, все на пригорке или в своих местах собирают в корзины или так — ам, ам — а Варька бежит мимо, в Пожарово. После дискотеки переночует у Лизаветы в Малиново, и обратно. А деревенские всё ещё берут — ам, ам — или в корзины.

Так она и нашла кого-то себе в Пожарово, мужа из самой Вологды, он был там в гостях или так, в командировке. Уехала из Ивернево. Грустно стало в деревне.

Как Дарька да Варька уехали, больше всех грустили мужики. Что им обычные бабы? Да почти что и ничего. Рождаемость прекратилась, все выехали или умерли. Один только целый дом стоит, и то потому что там Валерка Шипицын написал на двери, чтобы охотники стёкла не били. Думал, что будет сам приезжать, но уж который год нету.

Малиново

Малиново жилое, огорожено изгородью, пройти можно через железную калитку из спинки кровати. Сразу другое дело — живая деревня: трава скошена, рядом всё чего-то жуют коровы, хозяйка выходит на крыльцо угощать творогом, путнику надо только открыть рот, а уж ложку туда впихнёт она сама. Не то чтобы деревенские тут совсем не видят людей, нет, рядом

стоит Пожарово. Довольно часто такие радушные жители встречаются в долине Варжи.

В Малиново живут три человека — отец, мать и их сын Илья Муромец. Ещё несколько лет назад тут было много жителей, но однажды мужики и бабы перессорились. И все сразу стали инвалидами. Мужчины женщин не слышат, а женщины в упор не видят мужчин.

Дед Борис, что был тут за фельдшера и председателя, только руками разводил — ничего не понять про мужчин. А про женщин и говорить нечего — он и сам их перестал слышать. Заходит, например, к нему Люсьен, трактористка. Говорит, что нет мужиков, ну нет мужиков, всё приходится самой, и на тракторе, и под трактором, и цепь натянуть, и сено потом сгрести — а Борис не слышит. Она — повторять, а он — ну ни в какую. Уходит Люсьен, появляется Валентин, рассказывает, что давно не слышал свою жену, доярку Катерину. Утром не слышит — она на ферме, потом он день на работе, а вечером она снова на ферме, после приходит. Принесёт ужин и у телевизора пригорюнит. Потом тихо-тихо посидит у детей, поцелует их на ночь. Ляжет на кровать, повернётся лицом к нему, Валентину, закроет глаза и спит, вздыхая. Только эти вздохи и слышны. Утром снова уходит на ферму, а он к себе в правление. Так и живут, а что делать?

И у всей деревни такое, всё не ладится, не видят друг друга и не слышат. Ворошнины уехали в Никольск, и пошла молва, что семья оказалась спасена. Так вся деревня уехала — кто в Сокол, кто в Мякинницыно, остались одни Муромцы, пришлые. А им зачем уходить? — вдруг оказалось, что они друг друга и видят, и слышат. И в доме мир и лад. Сыну Илье Муромцу уже тридцать три года, он работает простым почтальоном в соседней деревне, и всё никак не женится. Говорит: «Ну, не вижу я себе жены, ни в Пожарове, ни в Мякинницыно, а дальше ехать некогда — надо почту разносить, сеять, косить».

Малахово

В Малахово до сих пор стоят дома крепкие, будто кто за ними ухаживает, правда, за крапивой их не сразу увидишь. С деревянного балкона Таисьи Иверневой видны поля, поля, дорога на Мякинницыно и Пожарово, за дорогой снова поле. А за ним уж лес. По дороге ездят лесовозы и грузовые машины —

везут в Мякинницыно банки сгущёнки из Сокола, печенье из Великого Устюга и даже хлеб откуда-то.

Раньше и в Малахово кое-что возили, например, стеклянную посуду. А больше торговать было нечем, всё в деревне имелось своё. Лён целыми полями рос прямо от домов до дороги — в одну сторону. И в другую — не меньше. В каждом доме стоял ткацкий стан, сколько их на поветях сохранилось по всей Варже и сейчас, мамочки! Каждый держал корову и кроликов, мясо и молоко было всегда. Хлеб рос плохо, но муку из Мякинницыно возили и пекли его сами.

Как наступили девяностые годы, сельский магазин выкупил Ростик, он тогда заработал на сенокосе, да жена его много из льна всего нашила — отправила сыну в Москву, а он и продал на Арбате задорого, себе квартиру купил, а остальное родителям прислал. Ростик стал возить сначала книги, но они плохо расходились — жители тут бережливые, ещё дедову литературу хранили, а до путча каждый какие-нибудь журналы выписывал — и научные, и художественные. Всё это было, и они, хоть и старенькое, а читали. А на новое не особенно падкие были. Тогда Ростик начал продавать китайский чеснок и британские шарфики-кашне.

С этого всё и началось. Все накупили этого чеснока, и свой сразу выродился, стал мелким каким-то, не разглядеть. Сразу же. И лук заодно испортился. Потом и остальное начало подгнивать, горох, морковка. Коровы не мычат, кролики не нарождаются. А лён из-за кашне ушёл. Однажды Полинка Стрюкова накупила этих шарфиков, сшила себе сарафан, крутится перед зеркалом и вдруг слышит: что-то на повети грохнуло сильно. Прибежала — а это станок её ткацкий рухнул. Собирали-собирали деревней, но у всех будто помешательство какое, память отшибло — не смогли ничего сообразить. Потом по соседним домам это поветрие пошло — ломается станок, и всё. И никто починить не может, а новых не делают — незачем теперь, лён не в моде. Ростик быстро одежды разной навёз — яркой, трикотажной. Так и жили с тех пор в Малахово, пока он вдруг не придумал уехать. Распродал всё по дешёвке, взял семью и — раз, два — его нет, а где — не знает никто. Жители немного загрустили без магазина, но тут до Мякинницыно — полтора километра, не страшно. Правда, вечерами стало особенно нечего делать. Раньше все собирались у сельмага, разговаривали. А до того — работали дома и на огородах. Телевизор смотреть — больно грустно, не хочется. Так ходить гулять — да

ну его: снег или комары. Стали постепенно отчаливать кто куда. Школа закрылась. Клуб с библиотекой закрылись. Почта.

Последним уехал отсюда Тараска, когда его мама, Таисья, от старости умерла. Только получила письмо от президента, поздравление с 65-летием победы, и умерла. Тарас мать похоронил, а письмо даже открывать не стал, надписал на конверте: «Мама умерла» и отправил его обратно, пусть президент тоже знает.

Большое Ворошнино

В Большом Ворошнино поставлен серп со звездой на верхушке — это значит, жили колхозники. Серп стоит до сих пор, а колхозников нет, только дачники. Приезжают из Вологды, Усинска, Ухты на лето бабушки с внуками. Ребятам нравится, если бы ещё комары так не кусались. Прямо за деревней, в сторону Варжи, заброшенные поля, а в сторону Мякинницыно — поля с травой для животных и тропинки. Там и там много полыни с запахом летней горечи.

Посреди деревни стоит колодец, тут все и собираются по вечерам, тут узнают новости. Хотя новостей особых нет. Всем известно и так, что по субботам привозят хлеб в магазин в Мякинницыно, что ещё нужно знать? Только престарелая Полина Ивановна живёт тут постоянно и сама печёт хлеб, ей проще испечь, чем ходить в магазин каждую неделю — сначала нужно долго спускаться с горы, зато потом приходится подниматься, ещё дольше и тяжелее. Поэтому уж лучше самой. Перевернёшь её каравай, а на нём консервочные круги, потому что для формы она берёт большую банку из-под селёдки.

В Большом Ворошнино когда-то жили сектанты, это её и сгубило. А до этого была деревня как деревня, может быть, как Малахово или Стрюково. Однажды зимой в Ворошнино пропал председатель. В ту зиму было много волков, и он тоже ходил на охоту, вместе со всеми. И вот не вернулся. Нигде его не могли найти, снег растаял, а он так и не появился, и до сих пор ещё про него ничего неизвестно.

Это ему за то, что поставил серп посреди деревни, — решили земляки. А Дмитрий Вологжанин сказал, что серп надо убрать, а поставить крест, потому что где это видано, чтобы в деревнях стояли серпы с дом?

А потом пропали ещё несколько человек, и все из Ворошнино. Кто на охоте, кто на рыбалке, а кто — просто. Раз — и нету человека. И не найдёшь. Все боялись, запирали свои дома. Но Дмитрий Вологжанин сказал, что решение есть, и оно на поверхности — не уходить от деревни дальше поля, где-то достать и прочитать Евангелие, молиться и вести своё натуральное хозяйство. Кто-то согласился, кто-то нет, но весной вся деревня дружно вышла и посеяла на полях полынь. Летом ещё подсадили репу. В лесу собирали рябину, но только выходили целыми ватагами. Обо всём этом распорядился Вологжанин. Он тогда стал в деревне настоящим председателем — книги пожёг, сам нарисовал иконы с ангелами, рыбами и трёхногими львами, достал из закромов семена полыни. В соседних деревнях когда узнали, думали: блажь, пройдёт, кто же до полыни и репы дотянет всё лето? А потом ещё всю зиму на этом жить. Конечно, репа овощ неплохой, и рябина годится в пищу, но зимой заскучаешь по смородиновому чаю, по малиновому варенью. А ворошане ничего, держались как-то, обратно в колхоз не просились. Жили и жили себе. Похудели, правда, глаза ввалились.

Когда в Мякинницыно решили восстанавливать церковь — на том же старом месте, — в Ворошнино приехал настоящий священник, постучался к Вологжанину в избу, а тот не открывает. Зашли сами, а он лежит на кровати, и губы синие — скончался. Похоронили, провели среди населения просветительскую работу, рассказали, что Дмитрий не то рассказывал, не тому учил. Тут же узнали о них большие телеканалы, приехали с камерами, а людям признаться в своих заблуждениях стыдно, забрались в подвалы и сидят. Как корреспонденты разъехались, деревенские поуезжали из деревни. Осталась одна престарелая Полина Ивановна. Она полынь никогда не сеяла, ей стыдиться нечего.

Школа

Школа стоит на изгибе Варжи, с внешней стороны. Тут всегда было холодно, и сейчас тоже, даже летом — от воды влага, от больших деревьев сумрак, от травы туман, а от того, что дом в низине стоит — холод. Ребятам-то всё ничего, а учителя немного и страдали. Правда, они себя успокаивали тем, что за-

нимаются благородным делом, приучают детей к знаниям и общественно-полезному труду. Тем и согревались.

Кроме школы тут, на этом изгибе, не было ничего. Все ученики приходили из разных деревень: и из Верхнего и Нижнего Займищ, и из двух Чистяковых, и из Пасной. Был даже както мальчик из Белой, но его быстро спровадили — он из другой области, вот пусть там и учится. Учителям тоже приходилось из разных мест добираться.

Как и почему именно тут возникла школа, никто не вспомнит. Все архивы сгорели в районе, а внутренние документы залило дождём, это потом, уже когда здание стало разваливаться.

Много лет в школе директорствовал один и тот же человек, умный Николай Иванович Чистяков. Говорили, что он вбил золотой гвоздь в потаённое место, то ли в туалете, то ли в учительской, то ли ещё где. На них-то всё и держалось — на гвозде и Николае Ивановиче. Пока Чистяков руководил, у школы были золотые времена. Мало того что ученики занимали первые, вторые и третьи места на областных олимпиадах по математике, географии и НВП, так ещё выпускники поступали в самые лучшие университеты, а один, Родька Селиванов, вообще устроился работать в секретное космическое КБ.

Любимый предмет у Николая Ивановича был география. Ух, как он гонял по карте всех до единого учеников, как спрашивал их факторы развития экономики в Европе, как проверял крепость и нерушимость знаний о начале кукования кукушки и времени цветения сирени в родной Вологодской области! В правлении колхозов не могли точно ответить на эти вопросы, а ученики его всё знали! А широту и долготу своей школы и всех окрестных деревень они могли вычислить на раз, даже до секунд. Родители нарадоваться не могли на своих детей, все мечтали, чтобы дети ходили в эту школу, некоторые даже специально переезжали из Малахово в Чистяково или из Митихино в Пасную, лишь бы отдать ребёнка к Николаю Ивановичу. И сами приходили к нему на открытые лекции, задавали вопросы. Например, спрашивали, где кончается Америка и начинается Мексика? Как отличить по лицу, из какого края приехал тесть в гости? Почему в одних странах жарят баранов, а в других предпочитают охоту на кабанов?

В зимние каникулы в школе был праздник большого сугроба. Николай Иванович всегда точно знал, когда закончатся основные осадки, и можно будет начать строительство. Все

учителя, выпускники, ученики и их родители отгребали от школы снег, получался огромный сугроб. В нём прорывали коридоры, комнаты, залы. После каникул лекции проходили уже в сугробе. Грелись керосиновыми лампами, ставили их на каждую парту и вдоль белых стен. Зябко, но одну лекцию вытерпеть было можно, да и к холоду тут все привыкли. Посмотреть на эти чудеса съезжались из разных мест. Газета «Правда Севера» делала специальные выпуски и об этих лекциях, и о снежной школе, и об областном миклухо-маклаевском турнире по географии — он проходил в этом же сугробе. Кстати, на этот турнир звали и гостей из Белой, и один мальчик выступал почти так же, как ученики Чистякова, это потому что он всегда ходил к нему на лекции.

Но потихоньку, постепенно время стало другим, и директор заметил перемены в своих воспитанниках. Эх, — вздыхал Николай Иванович, — что-то дети нынче стали не те, звонкие и пустые, как железные бочки в огородах, эх. Кому теперь нужны эти градусы широты и долготы? Кому интересно разглядывать луковые клетки в микроскоп? Кто согласится полоть школьный огород во время каникул?

Таких ребят становилось всё меньше. Их и вообще-то уже оставалось совсем немного, но школа пока что держалась. Она бы и теперь, может быть, держалась, если бы не Лёнька из Верхнего Чистяково. Дневник наблюдения за окружающей природой он не вёл, ленился, по карте у доски «плавал». Однажды ему было задано определить местоположение мелиоративного канала у родной деревни, но он даже не взял в руки карту местности. На вопрос, где же находится канал, Лёня просто ответил: где-то в России.

Николай Иванович слёг с сердечным приступом. А когда вернулся в школу, сделал вот что — достал из потаённой стены золотой гвоздь. Весной, когда таял снег, потекла крыша, чего никогда в школе не бывало, вода затопила верхний этаж, залила документы. Потом с потолков начала падать штукатурка, за ней отвалились от стен географические карты. К концу отопительного сезона из печей повыпадывали кирпичи. Наконец, Варжа подтопила берег, и здание опасно накренилось в сторону реки. Следующего учебного года не было. Всё равно школу хотели закрывать по оптимизации.

Постепенно деревень в округе не стало. Жители поумирали или разъехались. Николай Иванович тоже уехал — в Белую, держит овец и живёт в одиночестве. За водой спускает-

ся к роднику — от его дома на северо-северо-запад порядка 800 метров, вниз по склону в 120°, и в лес, до родника 21 метр. В начале лета по дороге можно наблюдать цветение ландыша. Вода очень холодная и вкусная, обнажает подзолистую лесную почву.

Два Займища

Когда-то на Варже были две деревни с названием Займище. Одно займище Верхнее, а другое Нижнее. Верхнее — выше по течению Варжи, Нижнее — ниже. Глядели друг на друга с разных высоких холмов — взгорьев. Горы остались, а вот деревни умерли.

Всегда жители Займищ соревновались, у кого жизнь лучше: где дома больше и надёжнее, кто сколько льна сдал государству, где парни смелее, в какой деревне девушки красивее. И выигрывала то одна деревня, то другая, а на самом деле, всё было одинаково. И даже фамилии у жителей были одни и те же: Иверневы, Ворошнины, Воронины, Стрюковы да Сельбородовы.

А когда-то названия деревень были совсем другие. Никто уж и не помнит, какие. А эти прижились вот из-за чего. Как-то в Верхней деревне закончилось сало и сливки. Как раз накануне коллективной свадьбы — женились сразу пять пар. Буквально: послезавтра свадьба, а угощения не хватает. Послали гонцов в Нижнюю деревню, те пришли и просят взаймы. Им говорят: «Да вы так берите!», а посланцы ни в какую. Ну, хозяин — барин. Дали взаймы, да ещё потом догнали и дали дополнительно творогу и гусиных яиц. И ещё потом догоняли и давали браги. И ещё хотели нести огурцов, но посланцы уже были почти что дома, не побежали за ними. Свадьба прошла — в Нижней деревне было слышно. Угощения хватило, земляки довольны, молодые счастливы.

Пришло время отдавать долг. Принесли обратно и яйца, и сало, и брагу с творогом. Ещё сливки, молоко, сметану, мясо, где-то достали южную кукурузу в початках и помидоры. «Лишнее-то куда нам?» — спрашивает Нижняя деревня. «А вы займите!» — отвечает им Верхняя. Так и стали друг у друга занимать да отдавать, дарить да отдариваться, и всё больше и больше, долги росли, как снежный ком. И деревни получили свои названия займищ.

Чтобы отдавать долги, мужики начали уходить на заработки в люди. То в Малиново колодец выроют, то в Чистяково с сенокосом помогут. Кто-то и до другой области дошёл, но там люди такие бедные, что самим впору занимать. Пока ездили, свои хозяйства пообветшали, сосновая черепица на крышах прохудилась. На поветях новая лежит, а крыть некому. Все только и делают, что работают на чужих, отдают долги, снова занимают и опять отдают. Совсем закрутились. Так бы дома и упали, и хозяева бы поразъехались, и умерли бы деревни раньше срока. Но однажды директор школы на общем родительском собрании предложил всем долги простить. Люди сначала засомневались, но немного подумали и согласились. Обнулили. Всё. Никто, никому, ничего.

Дышать стало легче. Чтобы больше ничего не занимать, жители Нижнего и Верхнего Займищ перестали ходить друг к другу в гости. Дети в школе встречаются, играют вместе, шутят, но в чужую деревню — ни ногой. Вроде и не ссорились, а так, чтобы посидеть где-то душевно, нечего и думать. Родители на всякий случай на рыбалке стали подальше друг от друга вставать, за грибами верхние идут по лесу выше, а нижние — ниже. Потом разговаривать перестали. Раньше хоть по рации перекрикивались. На одном холме радиолюбитель Володька, на другом — Валентина. У них всегда радиостанции были включены. Кто хотел, мог прийти, поговорить с другим Займищем, поинтересоваться погодными условиями, видами на урожай. Ребята сверяли ответы в домашнем задании. Тут и этого не стало. Валентине муж наказал станцию выключить, чтобы не шеборчала. А Володька чего, рыжий? Ну, включал иногда, когда никто не видит и не слышит — новости узнавать, что там в мире происходит.

Теперь никто никому не должен, а жить, наоборот, стало хуже, как-то не по себе. Выйдешь на простор, дышишь полной грудью, любуешься красотами, взгорьями, низинами, родной Варжей — глаза бы не глядели. Тошно. Чего-то не хватает. Тут Володька услышал по радио, что в Пенсильвании, говорят, неплохо жить. Тепло. Собрался и поехал. Правда, добрался только до Латвии. Но и там ему понравилось. Стал по рации всем сообщать, звать. Валентина, оказывается, тоже тайком свою станцию включала. Побежала по деревне: «Латвия! Володька всех в Латвию зовёт!». Так громко кричала, что в Нижнем Займище её услышали.

Вот уж были очереди в вологодском овире, когда обе деревни пришли за границу отпрашиваться. В Латвию, как один.

Выпустили всех, времена-то пришли свободные. Теперь обе деревни в Латвии живут. Дома, правда, перевезти было дорого, пришлось новые строить. Зато теперь все вместе, в одной деревне. Называется она просто — Займище.

Два Чистяково

Верхнее и Нижнее Чистяково стояли напротив Верхнего и Нижнего Займищ, только на другом берегу Варжи. Сейчас их почти что не видно, перейдёшь реку от Нижнего Займища по бывшему мосту, по каким-то брёвнам, поднимешься вверх на гору, окажешься в бывшем поле. Кругом трава, трава выше головы, сверху солнце, пекло, духота, что уж тут, какие красоты разглядывать. И вот вдруг тень от облака упадёт на землю, поднимешь усталую свою голову, глаза обратятся в зрение — и далеко стоят липы, скромно их цветение. Под липами что-то темнеет. Дом. Ещё и ещё. Немного. Это и есть Чистяково. Верхнее или Нижнее? Верхнее или Нижнее. Оба стали пейзажем.

Никто не вспомнит, не скажет, что стало с Чистяковыми, как жили тут раньше, когда деревни ещё были целы. Говорят, что в Чистяковых жили всё родственники, но их сгубили страсти. Что это значит, не скажет даже престарелая Полина Ивановна из Большого Ворошнино. Какие это были страсти, за что деревни так наказаны безвестием, даже не можешь подумать — волосы шевелятся от ужаса. Может быть, один брат позавидовал другому и его уморил? Или старшая сестра увела у младшей жениха, а та в отместку старшенькую со свету сжила? Или все проигрались в азартную игру карты и пошли по миру, только вместо этого начали разбойничать, озорничать да и стали преступниками, греховодниками? Или соломенная вдова, а может, солдатка, загуляла и совратила много кого, и все пострадали от этого? Или просто обе деревни ушли в разнос да так там и остались? Что теперь гадать.

Ни в один дом Верхнего и Нижнего Чистякова не войти — потолки обрушены, всё заполнено досками, балками, старыми стенами, цементом, сажевыми кирпичами печей. Стёкла выбиты ветром или от удара падающей балки, из окон на улицы смотрит крапива. В этих местах водится очень много змей — гадюки, медянки. Охотники не останавливаются в домах, гриб-

ники проходят мимо, липа цветёт напрасно — никто не возьмёт её цвет, не заварит в чай.

Пасная

Самая красивая деревня на Варже была Пасная, потому ничего от неё и не осталось. Ну, как ничего. Почти что ничего. Один-два дома — и это всё. Всё. А что вы хотели?

Дело в том, что в Пасную часто являлась радуга. Есть такое — радуга. И не небесное тело, и не туман. Разноцветные полосы на небе, это все знают. В Пасной это явление было частым, но каждый раз удачным, красивым, очищающим душу и тело. В деревне никто бани-то и не строил из-за этого. Так, была одна общая, большая, перед любой свадьбой топили, чтобы всей деревней туда — ух! И париться! Как же перед свадьбой всем вместе не помыться, друг на дружку не поглядеть, случайно из шайки не окатить, спины не потереть? Туда шли и дети, и взрослые, и мужчины, и женщины. Раскроют глаза во всю мочь, но видно не особенно много чего — пар и пот глаза застит. Зато сколько раз заденешь кого — и своего родного супруга или супругу, и кого чужого — не сосчитать. Но кроме этого — никто ничего, все вели себя только скромно, а жениха с невестой и вовсе друг от друга держали подальше, чтобы даже не видели один другого. И старики со старухами тоже в эти дни в баню ходили, вместе со всеми, но они больше отдельно в уголку стояли да натирали друг другу спины. Однако и среди них попадались такие, что ох! Только держись! Была, например, некоторая щербатая Зинка, ей обязательно надо было пройти среди парней с мочалкой, да потом с шайкой, да потом ещё за веником кого из них пошлёт. Пол в бане скользкий, и она идёт едва-едва, перед собой смотрит, и по сторонам, и ещё за всех хватается, чтобы устойчивее получалось. Так прогуляется, проваландается туда-обратно парочку раз, за всех парней подержится. Кто ей понравится больше, того отправляет за веником, а потом ещё просит попарить её. И что такое с парнем делалось, непонятно, но он наяривал этим веником ей по спине так, что другая бы после лежала ещё полдня. А эта ничего, только покряхтывает и пошумливает: «Давай-ка посильнее! Порадуй бабку!». Парень и старается, и сам тоже так радуется, что потом даже неловко бывает как-то вспоминать об этом. Чего, спрашивается, такого уж весёлого: чужую старуху парить? На улице

отворачивает от Зинаиды глаза, а та довольна, смеётся, говорит: «Ну ничего! В следующий раз ты в женихах ходить будешь!». Так и происходит. Уже через неделю смотришь, а малый гуляет с красавицей, это их щербатая свела. Скоро и снова баню топят. А уж какие весёлые свадьбы были после таких общих помывок! В начале всем как-то неловко после вчерашнего, но радуга выглянет, осветит гуляние, каждого по голове погладит — и снова все глядят друг на друга смело и без неловкости. Поют, танцуют, веселятся, играют в ручеёк, точно малые ребята. Не переводились женихи и невесты в Пасной, и семьи получались крепкими, детей было много, шуму, гаму, смеху! Самая весёлая деревня на Варже.

Но вот Зина как-то начала прибаливать. На людях старалась не показывать, а родным говорила, будто у неё внутри завелась мышь, грызёт её кости, по ночам слышно, как хрустит. Сначала все смеялись, думали, чудится старой, но однажды дочь вместе с ней на ночь осталась в комнате. Слышит — и правда кто-то будто грызёт что. Так тихо-тихо. Но продолжительно. Звук как будто от матери, точнее сказать, от её правого бедра. Присмотрелись днём к щербатой Зине, а она вроде бы легче стала. Не похудела, ничего такого, а стала легче. И руки с ногами в некоторых местах гнутся как-то небывало. Будто костей стало меньше. Точно, мышь внутри. Ну, что тут сделаешь, как её прогонишь? Не дашь ведь родной матери потраву для грызунов. Так и жили, пока однажды Зинка не сломала шейку бедра. После этого она умерла быстро, через полгода, наверно.

А помощница её, Нинка, на свадьбах больно уж любила гульнуть, и глаз у неё насчёт женихов испортился. Семьи получались ерундовыми, дунь — развалится. И в тех, которые были хорошими, родные ссориться начали — то из-за того, кому в каком доме или комнате жить, то просто изменять придумали. Так вся деревня и ушла, как в песок. Не стало и всё. Последние филёнки унесли лет восемь назад заезжие краеведы, осталась парочка домов, ветер свистит, потолки того гляди на пол упадут. А деревня была очень крепкая, место такое хорошее. Оно и сейчас хорошее. Подставишь руку — радуга опустится.

Стрюково

В Стрюково жили люди, даже не знаешь, как сказать — весёлые или серьёзные. Вроде бы весёлые — праздники с вы-

пивкой и богатой закуской каждый день, песни, гадание по протекторам шин. Но и подробная фиксация всего происходящего: тут и описание погодных условий, и занесение данных о политической ситуации в целом, и серьёзные исследования и анализ посевов и урожаев, и учёт надоев, и отображение потерь при падеже скота. И даже планы и отчёты всех праздничных мероприятий, где всё просчитано и учтено, вплоть до того, кто кого провожает до дома.

В Пожарово вспоминают, что, как ни придёшь в гости, стрюковцы заняты — что-то пишут, глянут на чужого, и сразу: ой, некогда-некогда-некогда! Так и отправишься обратно, пусть работают, конечно. А в Малиново говорят, что их разудалые песни да игрища постоянно было у них в деревне слышно. Иной раз так разойдутся, что малиновцы вынуждены были двери закрывать, как бы кто в веселье чего не перепутал и хозяйство бы не попортил. Устные сведения очень противоречивы.

Но письменные источники! Казалось бы, вот где рай для краеведа! И нравы, и обычаи, и состояние хозяйства — всё на ладони. Но все эти данные оказались утеряны. Их можно искать столько же, сколько библиотеку Ивана Грозного, не меньше, и ещё неизвестно, чем закончатся эти поиски. Говорят, что в Стрюково прорыты подземные ходы, в домах устроены тайники, сосновая черепица на крышах уложена в два слоя, а между ними — тайник. Но никто ничего найти не может. Кажется, что время себя отрицает — было ли оно тут вообще? Жили ли люди? Но дома стоят, и один из них жилой. И в соседних деревнях вспоминают, что тут всё бурлило, кипело и клокотало. А история, тем не менее, в руки не даётся. Как ни придут музейщики в Стрюково — Илья Афанасьевич им водки поднесёт. Особенной, стрюковской. На следующее утро городские проснутся, и уж не помнят, зачем сюда пришли, и одно только желание: домой, домой, и побыстрее, прямо сейчас! А фольклористов Надежда Кузьмовна, жена Ильи Афанасьевича, — пост, не пост — потчует свежей сметаной, и в таком количестве, что непривычные филологи потом только и делают, что бегают от дома к сортиру. Как станет получше, их Надежда Кузьмовна молоком угощает. Так и уезжают, а новых знаний — ноль. Археологи пытались как-то сами по деревне погулять, так их хозяйские гуси за ноги щиплют, бык дорогу перегораживает, а однажды какая-то оса укусила одного учёного — прямо до аллергии, еле успели его доставить в больницу. И с

тех пор так в Стрюково и не показывались. Самые дотошные — краеведы, их ничего не берёт, ни алкоголь, ни молоко, ни сало с зелёным луком. Они выпьют, встанут утром, и снова какие-нибудь документы, фотографии, письма выпрашивают. Всё готовы взять и унести, прочитать и сделать свои выводы. Но и их хитрому Илье удаётся провести. Он даёт им какие-то ошмёточки, совсем не то, что можно читать и делать выводы. Например, однажды исследователи из Великого Устюга получили кипу бумаг и поскорее поехали домой, довольные. В городе открыли папку, начали листать — а это «Слово о полку Игореве», переписанное детской рукой. Паста гелевая, то есть совсем недавно было.

Невидимый город Луза

I

Вот что, мы отправимся в невидимый город Лузу. А заодно побываем в старинном городе Лальске, в деревне Папулово, в деревне Озёрской, а если повезёт, когда-нибудь заедем в Христофорово и Заборье.

По железной дороге доберёмся до Лузы, смотри, не пропусти её, когда поедешь. Поезд приходит поздно ночью. Со многими, кто ехал в Лузу, случалось это — они проезжали мимо. Просто засыпали, и всё. Просыпались утром где-нибудь на севере. Проводники привыкли к этому, не ругаются, подсказывают, как быть. Советуют забыть про Лузу — вот же перед тобой Великий Устюг, или Вологда, или Архангельск. Или даже Североморск — всё интереснее. В Устюге три реки встречаются в одном месте, в Вологде большая автомобильная трасса и вкусное масло, в Архангельске море. В закрытом Североморске — подводные лодки. А что там Луза? Дрова в поленницах, улица Мира, улица Маяковского, библиотека. Ну, пропустил, проворонил, проехал, да и ладно. Проводники и сами часто пропускают эту маленькую станцию. Держатся, помнят, что им нужно открыть вагон, чтобы пассажиры вышли и зашли, но перед самым городом их одолевает сон. Вот скоро покажется река Луза, мост, но в вагоне так тихо, только что перестали стонать рельсы — и приходит сон, сон. Что поделать — это такой город. Поэтому надо стараться не заснуть, не заговориться с соседом по вагону, растолкать проводника.

II

Город встречает поезд. Да, думают жители, конечно же, наш город почти никому не виден, но это не повод пропускать поезд. Это повод его встретить. У нас не так уж много событий, порой бывает скучновато, так что надо сходить посмотреть на поезд. Заодно посветим машинисту, чтобы он не пропустил станцию, бывает же, что он обо всём забывает, тогда пассажирский состав пролетает мимо, не снижая скорости.

На вокзале много людей — все они приходят встречать поезд. Нет, никто не машет рукой машинисту, пассажирам и проводникам, никто не приносит цветы, не играет на трубе.

Просто приходят, смотрят на поезд, убеждаются, что всё в порядке, и снова сидят на железных в дырочку сиденьях, кто пьёт чай, кто пьёт пиво, а кто-то просто зевает и уходит домой. Люди улыбаются друг другу, но не очень часто. Поговорят, посмеются и расходятся по домам — некоторым из них завтра рано вставать, вот и приходится расставаться, они и так сильно задержались с этим поездом. Завтра не пойду, думает кто-нибудь. И не приходит. Но через два-три дня ноги сами его приводят. Серёжа, — весело встречают его друзья, — мы думали, ты пропал. Нет, — говорит Серёжа, — так, дела были. А некоторые, хоть и думают, что не придут, что больше их не увидят на вокзале, что нечего встречать поезд, смысла никакого нет — приходят. Что ж это такое со мной? — думают они и не могут найти ответ. Это любовь к поездам, к своей Лузе, к вокзалу с железными сиденьями в дырочку, а может быть, это просто привычка. Вот и всё.

III

Когда строили железную дорогу, произошла такая вот история. Это было очень давно, может быть, 116 лет назад. Приехали рабочие, построили себе теплушки — маленькие домики, чтобы было где греться и ночевать. И начали вырубать деревья — освободить место для железной дороги. Лес рядом с Лузой, тогда это был маленький посёлок, но так получилось, что в нём решено было устроить станцию. На станции машинисты из дальних городов ночевали бы, рабочие осматривали бы составы — всё ли в порядке, нет ли каких-нибудь поломок, бывает же.

Вырубили лес, положили шпалы, потом рельсы. Дошла очередь прокладывать дорогу в Лузе, по краю посёлка. Всё было хорошо, но вдруг обнаружилось, что на пути стоит дом бабушки Дарьи. На карте нарисовано, что тут должна быть дорога, а на самом деле на этом месте стоит её дровяник и хлев для коровы Милки. Вот что, бабушка Дарья, — сказали ей железнодорожные строители, — мы твой дом сейчас перенесём, собирай вещички. Где ты хочешь жить — с той стороны или с этой? Выбирай. Но бабушка им ответила вот что: я никуда не поеду. И Милка не поедет. Мы тут и останемся, на своих местах. Мне сто лет в воскресенье, малы мне говорить такое. И Милке моей лет восемьдесят, вам и до неё далеко. И переселять её не дам —

сердце у неё слабое, затрепещется, того гляди молоко пропадёт. Уводите в сторону свою дорогу, а нас не тревожьте.

Рабочие ушли, думают, что же теперь говорить начальству? Оно строгое. Поглядели на карту. И ничего не стали менять. Проложили рельсы между домом и дровяником. Только своим машинистам скажите, чтобы не шибко тут ехали, потише, Милку бы мне не пугали, — сказала бабушка Дарья, когда увидела. С тех пор она ходила за дровами и к Милке через железную дорогу. Сама так выбрала. Расписание поездов под неё подстроили. После утренней дойки приезжал состав из Архангельска. После вечерней — из Вологды. А совсем поздно ночью, когда Милка и бабушка Дарья уже спали — из Вятки.

IV

Не все тут любят железную дорогу, а автобусы и того меньше. К автобусам нет никакого доверия. В них такие торопливые водители, что не все успевают выйти на своей остановке, в своей деревне. Увезёт такой водитель тебя вместо Алёшево в Папулово, как потом идти назад? Водитель долго будет морщиться, прежде чем доставит тебя обратно в Алёшево, да ещё запросит денег за лишние десять километров. И от Папулово до Алёшева снова десять километров, получается двадцать. Да не забудьте, что Алёшево в стороне от дороги — это ещё один крюк. Конечно, жизнь водителей автобусов нелегка, вот они и переживают, раздражаются, теряют бдительность, не смотрят лишний раз, сколько там желающих выйти. Кажется, в деревнях живёт не так много людей, могли бы уже запомнить, кто и где выходит, но у них не получается. Попробуйте-ка жить в постоянном волнении и нервничаньи, много ли сможете запомнить? Вот в том-то и дело.

Они бы и рады, наверно, но дорога тут как стиральная доска, пока доедешь хотя бы до Лальска, вытрясется часть памяти. Только возле Учки вспомнишь, что в Лальске хотел зайти в музей, купить настоящий глиняный кувшин жене — придёт же блажь держать в нём молоко — не купил. Не зашёл даже. Забыл сразу, едва доехали до Ефаново, только-то восемь километров, всё из головы вылетело. Вот так ездить в окрестностях Лузы. Как тут запомнить всех в лицо, когда смотришь только на дорогу, чтобы не попасть колесом в яму или не подпрыгнуть на горке? Жители Учки, Алёшева, Слободы, Лопотова, Патракиево, Моисеевой Горы, Старомонастырской деревни Субботино,

Лычаково, Озёрской, Льнозавода, Бумфабрики, Егошинской, Лальска, Верхнелалья, Заборья, Горячева, Нижне-Раменья, Папулова, Андреевой Горы, Вымска, Уги и других деревень всё понимают. Прощают водителей, хоть и часто ссорятся с ними. Но ни разу ещё такого не было, чтобы тракторист отказывался вытащить автобус из грязной лужи или в какой-нибудь деревне не помогли бы с ночёвкой, если вдруг машина сломалась, и домой водителю в этот день точно не уехать.

V

Луза красива, хоть её мало кто видит. Лучше приезжать сюда зимой или в марте — пока лежит снег. Тогда и дороги лучше, и можно съездить хоть в Папулово, хоть даже в Угу. Только автобусы в дальние деревни ходят не каждый день, придётся подождать. А в Угу автобусов не бывает вовсе, нужно искать попутки, а это непросто, до неё 105 километров. Лучше едь из Подосиновского района, — скажет тебе любой водитель автобуса. В Христофорово добираются на поездах.

Зимой на улицах бело, зелени нет, и видно все дома, в воздухе пахнет дымом — это в старой части города топят печи. Да и в новой не так уж много домов, которые отапливает городская котельная. В ноябре и декабре небо хмурое, серо-голубое, блёклое. Ближе к весне, пожалуй, даже в некоторые дни января уже, оно синее, снег скрипучий и яркий, слепящий. Приходится щуриться, почти закрывать глаза. Можно бы и совсем закрыть, но тогда упадёшь, не заметишь скользкого места, полетишь на землю. Ночью видно звёзды, а иногда — северное сияние. Летом такого не бывает. Возле заборов сложены поленницы из дров — и толстые поленья, и тонкие досочки. Тонкими лучше растапливать печь, а толстые идут в ход потом, когда в топке станет так жарко — лицо краснеет и горит, когда откроешь. А проходишь мимо закрытой печи, вспоминаешь лето, говоришь: вот Ташкент.

Достанешь из поленницы две доски горбыля, постучишь друг о друга — слышно, как они звенят. Всю влагу из дерева выморозило, вот оно и становится звонким. Летом так не бывает. Летом только в самой тихой тишине можно услышать какие-то звуки, но это, скорее, шелест.

Зимой главная площадь с памятником Ленину засыпана снегом, есть только дорожки и тропинки, по которым в разные стороны идут люди. Кто-то в магазин, школьные классы в му-

зей. Потом обратно. Снега много всегда, каждую зиму на площади строят горки, в каникулы и в обычные дни школьники катаются с них. На фанерке, а кто старше — на ногах. А вечером на ногах по разу скатываются с горки парни и девушки — и идут дальше, встречать поезд.

Холодным днём на улицах не так уж и многолюдно. Если кто и идёт, то старается пробежать как можно скорее, чтобы не очень замёрзнуть. Придёт домой — ставит чайник. В выходные дни гуляют больше.

Летом не так. Хоть и не видно северного сиянья, хоть и пахнет дымом реже, только в банные дни, и нет горок, зато открываются от снега деревянные тротуары, и стучат по ним широкие каблуки и простые подошвы. Все улицы в зелени, люди ходят туда-сюда — никому не лень лишний раз прогуляться. Вот на площади остановились цыганки и о чём-то говорят друг с другом. Вот в сосновом парке на улице Калинина стоит человек, прижал к уху телефон, кто-то ему позвонил. Вот ездят туда-сюда на велосипеде ребята — мальчики и девочки. А бабушки идут в больницу или в магазин. В магазин привезли свежие конфеты и пряники и уже поджидают покупательниц. Из школы искусств не слышно звуков пианино и скрипки, потому что каникулы. Зато в музее Лузы и особенно Лальска — оживление. К бабушкам и дедушкам приезжают на лето внуки и внучки и идут посмотреть, как тут жили в старое время.

Летом дома никого не увидишь. Все в огородах или просто на улице, в лесу, на озере. Хоть и северные места, а лето и тут бывает. Помидоры можно вырастить, правда, только в теплице, а ещё картошку, морковь и горох — просто, на грядках. С яблоками хуже, всё-таки это север. У некоторых по двору, за калиткой, ходят куры, важно говорят кококо, щиплют траву, если ещё осталась, клюют зерно. Вдруг одна как закричит, как забегает, всполошит всех, потом успокоится, идёт дальше клевать, снова щипать траву — это она говорит всем, что снесла яйцо, внимание! Хозяева понимают, и все в Лузе понимают, а приезжий человек может забеспокоиться с непривычки. Зимой такого не бывает.

VI

Летом мы поедем в деревню Озёрскую, а может быть, пойдём пешком, от Лузы недалеко, только пять километров. Если хотим успеть на службу в храм, то поедем, мало ли что.

Автобус останавливается, и видно белую церковь, высокую, стройную. Кто-то идёт берегом озера, а кто-то по кладбищу. По дороге встречаются гуси. Женщины смеются, боятся их, вспоминают, кого щипали птицы. Но не этим утром, нет уж, сегодня они чем-то довольны, и просто проходят мимо, только грозно гогочут.

На церкви много сидит клещей — очень хорошо видно на белой белёной стене. У самой двери под потолком висит несколько колоколов, они небольшие, и к службе уже прозвонили. В холодном приделе никого, он выглядит покинуто, росписей почти нет, а какие есть, те почти незаметные, бледные. Все идут в тёплый, даже летом. Он маленький, потолок низкий, но места хватает всем, и на стенах много икон. Это особенная церковь, тут власяница святого Леонида Устьнедумского. На северной стене его образ, но не старинный, написанный на доске, а напечатанный на картонке.

Служит тут старый священник. Не увидишь на нём яркого нарядного облачения, голубая простая ткань. Свечу на подсвечнике носит перед ним его жена. Бабушки поют на связках, шумно вдыхают каждый раз.

Служба закончилась, и каждый может позвонить в колокола. И они бьют не в лад — то подольше, то просто как будто в дверь кто-нибудь звякнул. Кажется, можно бы по домам, но люди куда-то идут. Оказывается, тут совсем рядом речка Недума, тоже особенная. Всю эту реку выкопал Леонид Устьнедумский*, тогда ещё никто не знал, что он святой. Он копал и копал её, вёл от озера в поле, чтобы было проще поливать посевы. Тогда не было никакой техники, только лопата была у него. И он выкопал, река получилась шириной полтора метра, проходила через всё поле. Она и сейчас есть, и после службы каждый может пойти и окунуться в Недуме, даже зимой в ней не замерзает вода.

---

* Леонид Устьнедумский (1551—1654) — иеромонах Русской православной церкви, канонизирован в лике преподобного. С 1603 г. неоднократно видел сон, который признал данным ему от Богородицы повелением основать новый монастырь. Этот монастырь он первоначально строил в одиночку, для работы ему нужно было осушить болотистое место. Копая длинный ирригационный канал от болота к реке Лузе, монах был ужален змеёй, но остался жив, как и было возвещено ему во сне. Этот канал он назвал Недума река — по легенде, в память о том, что он работал, не думая об укусе. Храм нового монастыря был завершён в 1608 г. и освящён в память Введения во храм Пресвятой Богородицы. Иеромонах Леонид служил в монастыре до самой смерти.

Вот как хорошо — и позвонить в колокола, и к реке попасть. И обратно к остановке пройти берегом красивого озера — вытянутого, когда ветер — рябь по воде, по неопытности можно подумать, что это река. Берег у озера крутой, и к воде сделаны деревянные спуски, чтобы купаться, рыбачить или полоскать бельё — хорошее озеро, каждому найдётся занятие по душе.

VII

Мы вернёмся в Лузу, из Озёрской пойдём пешком, по дороге из песка и мелких камешков гальки, так они называются. Снимем обувь, туфли свои снимем и отправимся босиком. Пока то да другое, пока служба и купание в Недуме, солнце нагрело песок и камни, идти горячо, но делать нечего. К тому же это массаж и горячее закаливание ступней ног, полезно. Можно выбрать самую кромку лесной травы — рядом с дорогой лес — и по ней добираться. Немного прохладнее. Что поделать, если лето выдалось слишком жарким, никто не видел такого. Даже тут, на севере, у людей катится пот так сильно, что днём можно в ведро выжимать одежду. Лишь белой ночью удаётся отдохнуть, радость, что есть ночи.

Дорога проходит рядом с парком Мира, самым любимым у горожан. В любой праздник они тут. В выходные, когда есть время, осенью, весной и зимой — на тропе, на лыжне. Чей-то уазик стоит у парка, значит, кто-то приехал отдохнуть, воскресенье.

На краю города Лузы автобусный парк, сначала в нём пусто, но потом приезжает всё больше и больше машин, как раз обеденный перерыв, водители могли бы побывать в это время дома, но они разом решили поговорить друг с другом. Есть не очень хочется, во всяком случае, никакого мяса, и они жуют лук, хлеб, появляются даже огурцы — удивительно, в начале июля в этих широтах — запивают минеральной водой, отмахиваются от слепней и мух. Движения их ленивы и плавны, а голоса веселы и бодры — опять Палыч рассказал анекдот, так гоготали, Санёк чуть не подавился, долго стучали по спине и снова смеялись. Хорошо, когда есть работа.

Этот город считается невидимым, потому что никому нет до него дела. Когда-то, ещё три года назад, в Лузе работал лесоперерабатывающий завод, он до сих пор стоит в новой части города, но уже не работает. Люди ходят мимо, вытирают слёзы.

Взрослые мужики рассказывают внукам, что когда-то работали здесь, и работали бы до сих пор, громко высморкаются и продолжают свой путь за хлебом или за пивом. Пособие по безработице, конечно, платят, но сколько там его? И как же здоровому сидеть дома, нянчиться? Несерьёзно.

Вот в другой город люди из всей области собирали помощь — там закрылся завод. В деревню, куда привели трубу с природным газом, приезжали начальники области. В посёлке, где нет отопления и не работает фабрика, тоже кто-то приезжал, их показывали по телевизору. Все пишут им письма: мы очень вам сочувствуем, нам жалко вас, рассчитывайте на нашу помощь. А в Лузе никого никогда не было, как закрылся лесоперерабатывающий комбинат, так все забыли дорогу сюда. Отказываются видеть город.

VIII

В Папулово злые собаки. Они набрасываются из-за угла, кидаются. Хорошо, если на боку висит сумка, тогда достаётся только ей. Вот выходит хозяйка из дома, говорит: проходите в дом, я дам нитки, иглу. А собакам она говорит: фу, а ну марш! И они уходят, дорыкивая своё.

В доме мрачный двадцатилетний Саша, он сидит и смотрит телевизор. За окном белый день, будни, а он сидит дома — тут тоже мало работы. Для женщин — в школе, в магазине, фельдшерском пункте, на почте с разбитым чердачным окном. Для мужчин — в лесу, пилить его для частных компаний. Но туда берут не всех, зачем им лишние? Лён тут теперь не выращивают, почти ничего не выращивают, и молодёжь разъезжается, что тут делать? Угрюмый Саша никуда не едет, он не знает, где он нужен, для чего может пригодиться. И даже не вышел поговорить.

Хозяйки с нитками и иглой тоже нет, часы отмерили двадцать минут, прокуковали два часа дня, скоро будет темнеть, зимой рано, надо идти. Уже уходите, а как же сумка? — спрашивает хозяйка, вот где она, на улице. Ничего, можно и так. Ну, как хотите, я придержу собак, не бойтесь.

В Папулово по домам сидят одни мужчины, кто-то колет дрова, кто-то просто смотрит в окно — пошёл снег, и стало тихо. Вот Владимир Витальевич, ему почти шестьдесят лет, лысый, моложавый, вышел в тапочках, поговорили. Вот Павел, ему сорок три, он просто лежит в кровати и никуда не хочет идти,

болеет. Вот важный человек Степан Иванович, он знает всех, может определить по почерку любого односельчанина. Ему лучше всех — на пенсии можно не работать, а деньги всё равно платят.

IX

Самое лучшее место в Папулове — это школа. Каменная, двухэтажная, с одной стороны окна выходят на гору с антенной для сотовой связи, с другой — на дорогу, видно, как приезжает и уезжает автобус.

Раньше в школе можно было учиться с первого до одиннадцатого класса, но недавно она стала только девятилетней. Десятый и одиннадцатый класс надо заканчивать в Лальске. Некоторые ребята привыкли жить пять дней в неделю не дома — на первом этаже интернат для школьников из дальних деревень, спортзал и раздевалка. Ученики живут в Папулове до пятницы. После уроков их забирает автобус и развозит по деревням. Так что в пятницу можно уехать из Папулова. А в понедельник утром приехать.

Ученик шестого класса написал в школьную газету весёлую заметку о том, как он ездит по понедельникам из Учки в Папулово. Её перепечатала районка. Потом областная детская газета. А потом она появилась в «Пионерской правде», но «Пионерка» уж до школы не дошла. В детской областной газете сделали вот что. Откопировали на цветном ксероксе всю страницу с этой заметкой, положили в большой конверт и отправили в Папулово. Она пришла как раз к пятилетию школьной газеты. Вот было радости! Все говорили: наш Рома в центральной прессе! Так посмотришь на него — обычный шалопай, а напечатали на всю Россию. Через неделю об этом ещё написали в районной газете. Письмо пришло во вторник, и всю среду шестиклассник гордился, а в четверг ему поставили тройку по географии. Ну ничего, в пятницу он приехал домой, и рассказал о «Пионерке» маме.

Когда в прошлом году замёрзла в трубах вода, ребята решили: сами будем носить из колонки. Иначе школу пришлось бы закрывать до весны. Они таскали воду для интерната, поднимали на второй этаж в школу. Пришлось менять расписание, делать большую часовую перемену, чтобы папуловские ребята могли сходить домой на обед. Они успевали не только пообедать, но и погулять, покататься на лыжах. А интернатовским

привозили еду прямо из дома повара, а в школе только разогревали. Если бы кто-то из начальства в Лузе узнал, что в школе нет воды, а дети учатся, директора могли наказать. Но всё обошлось.

X

В папуловской школе есть музей — старая форма учеников, фотографии всех выпускников, модели трактора и ракеты. Но лучше всего музей в Лальске, он занимает целый дом в центре города, старый особняк. Почти каждую неделю сюда приезжают экскурсии из разных школ. Бывают гости и из других районов и даже областей.

Ребятам рассказывают о том, как выращивали лён, как он переливался под солнцем голубым морем, потом его косили, сушили, мяли, чесали, пряли из него нитки, ткали полотно, отбеливали в щёлочи и на снегу — и тогда шили белые рубахи. Красили, набивали узоры — это для сарафанов. Вот они надеты на манекены, можете посмотреть. А так выглядела северная изба. Тут качали зыбку, на этих полках спали, у окна пряли, на печи тоже спали, в ней готовили вкусно. Вот так пригибали голову, чтобы пройти в избу.

Иногда в Лальск привозят экспозиции из других музеев, например, из Великого Устюга или Сыктывкара. Тогда школьники приезжают каждый день, из районной газеты посылают корреспондента, чтобы про всё как следует написал. Это Людмила Юрьевна, она давно знает всех экскурсоводов, научных сотрудников и других работников музея. Директор Елена Евгеньевна угощает её чаем, а строгая Юлия Феликсовна интересуется, как дела в редакции. Недавно, несколько лет назад, в музее появился новый человек — каждый день из Ефаново приезжает Валерий Степанович. В бывшем купеческом китайском домике у него мастерская — он делает глиняную посуду. Когда-то Валерий Степанович работал в лесу, пилил деревья. Потом стал безработным. Несколько лет на бирже труда ему не могли найти рабочего места. И вдруг — музей ищет гончара, мастера, пойдёте? И он устроился в музей. Ездил в Заборье, спрашивал старожилов об их старом-старом промысле, набирал глину, три зимы вымораживал её в мешках, разбивал мёрзлые куски, растирал в порошок. Подбирал, сколько воды нужно, чтобы горшок или кувшин не треснул при обжиге. Так продолжалось несколько лет. Директор терпеливо ждала результатов, рассмат-

ривала каждый новый кувшин, радовалась, что получается всё лучше и лучше, расстраивалась, если что-то выходило не так. А пока — художники приносили на продажу картины, фотографии, яркие разделочные доски, шкатулки — выручку делили с музеем. Здесь всё это покупали экскурсанты, особенно летом, когда на каникулы к бабушкам приезжали внуки. Для родителей, — говорили они и покупали звонкие свистульки. В мастерской с ними занимался Валерий Степанович.

И вот однажды в марте мастер принёс настоящий горшок, постучал по нему карандашом — звенит! Ни одной трещинки! И к тому же экологически чистый. Дело понемногу пошло. Эти горшки можно выставлять в музее, дарить гостям, продавать посетителям.

XI

Нет, не поедем из Лальска сразу же, останемся хоть до конца дня, почитаем районную газету, доску объявлений, прогуляемся по городу — честное слово, оно того стоит. Начнём прямо от музея, пряничного домика, это тем более верно, что он в особняке купца Прянишникова, ничего нет случайного в Лальске. Первый этаж музея из красного камня кирпича, а верхний — деревянный, покрашенный синим цветом. От этого самого дома однажды в ноябре лальские ребята скатали огромный снежок. Размером он был, конечно, меньше двухэтажного дома, даже меньше одноэтажного, но уж выше человека точно. Они катили его и смялись. Что вы делаете, и без того пока мало снега, — говорила им бабушка Вера, известная своей добротой. Но молодые люди продолжали — автобус в тот день почему-то не приехал, и дорога была свободна, катай себе снежки.

Если мы пойдём в другую сторону, то увидим остатки дома купца Шестакова. Бедные купцы, как бы они плакали, если бы видели свой несчастный дом в таком состоянии. Трёхэтажный деревянный дом, столько было печей, и никаких пожаров. Бедные бывшие воспитанники детского дома, куда теперь им приехать и вспомнить своё детство? Не случайно на каждом доме в Лальске висят жестяные таблички. На них написано: при пожаре звонить 01. Иметь топор, багор, ведро. Причём багор, ведро и топор просто наглядно нарисованы.

А вот большое объявление рядом с Воскресенским собором синими и красными буквами: Люди! Будьте добрее душой, не бросайте мусор на землю! С этим трудно не согласиться.

Сегодня оживление на улице — в небе кто-то видел НЛО, и вот школьники вышли посмотреть на небо, не видно ничего, но это неважно. В соседней области космодром Плесецк, на летающих объектах туда часто залетают некие субъекты. И их летательные аппараты видно в небе над Лузой и Лальском. Ах, если бы жители Лузы и Лальска встретились с жителями Плесецка — как много нашлось бы у них тем для разговора!

XII

Мы снова в Лузе, на длинной улице Мира, пожалуй, можно по ней пройти. Вот каменный двухэтажный дом, два подъезда. В квартире на первом этаже живёт молодая семья. Вот Лена ждёт Виталика с работы, сидит на диване, всё у неё хорошо — новая стрижка, ногти накрашены, сама одета в белую блузку с красными розами, тёмную юбку. Она говорит: да, мы живём хорошо, а вот и Виталик, он вам расскажет. Её муж в форме гаишника, он только вошёл в дверь, а тут какие-то вопросы. Он рассказывает, а сам смотрит на жену, соскучился за долгий мартовский день. Вот что он говорит: нам денег хватает, и жильё хорошее. Жена пока сидит дома, я ей так сказал. Теперь пока не родит, пусть не работает, и потом тоже. Когда малой подрастёт, вот тогда и ладно. Нет, в образовании и медицине у нас вроде бы всё нормально, а дороги надо ремонтировать, это верно. Да всё хорошо, мы поженились недавно, так теперь и живём. И смотрит на жену таким взглядом, будто не видел три дня. Или три месяца. Не надо им мешать.

А вот другая семья на улице Кузнецова. Настя и Володя познакомились в новый год, 1 января, но было это семь лет назад. Через месяц Володя попал под поезд, в самом начале улицы Мира как раз железнодорожный переезд. Насте говорить об этом не хотели, но она всё равно допыталась, пришла к нему в больницу. А он говорит: не приходи ко мне. Это он не хотел, чтобы я страдала с ним, — объясняет Настя. Но было поздно — девушка уже полюбила. Ноги врачи, конечно, не вернули. Теперь у Насти и Володи трое детей. Старшая Валерия и двое маленьких, двойняшки Арина и Макар. Сейчас в квартире только Настя и младшие дети. Но вообще-то в доме живут родители Вовы, его сестра с семьёй. Тут как в муравейнике, все-

гда кто-то есть. И всем тесно. Да, нам никто не даёт кредита, — объясняет хозяйка и держит на руках Макара, а Арина уже где-то за диваном, — мы с Вовой оба инвалиды, справку делают только на два года, а в банке требуют, чтобы у тебя был постоянный доход. Какой же он постоянный, если инвалидность надо всё время подтверждать? Мы бы поговорили с Настей ещё, но маленькие захотели спать.

И снова на улице Мира, снова двухэтажный дом, но уже деревянный. В подъезде тёмные стены, двери квартир обиты дерматином, на первом этаже почтовые ящики. Рядом с домом дровяники, во дворе санки, дед Андрей колет дрова. На втором этаже долго никто не открывает дверь этой квартиры, а потом выходит заспанный и небритый Дима. Он ведёт через комнату, в которой нет потолка, нет печки, нет никакой мебели, есть только стены. Для жилья осталась одна комната, дверь занавешена одеялом, чтобы не очень дуло, на верёвке сушатся детские колготки. На полу стоит электрическая плитка с кастрюлей. Три кровати и шкаф, у окна современный цветной телевизор. Вот и всё, что есть в комнате. Да, ещё стулья с одеждой на спинках. Сколько времени? — первым делом спрашивает Дима, садится на свою кровать и звонит куда-то. Это он своей жене. Оказывается, она с дочерью поехала мыться к своей маме, здесь им мыться зимой негде. Хоть они и топят каждый день, всё равно холодно. Вы не раздевайтесь, — говорит Дима. И правда, раздеваться даже не хочется. Да, мы так вот живём, — говорит хозяин, я не работаю, жена в магазине, дочка в садике. Ничего особенного. Что-то холодно, да?

XIII

Когда все стали вдруг свободными и красивыми, некоторые умные головы предложили провести железную дорогу вокруг Лузы. Поезда бы проезжали мимо города несколько раз, как игрушечные паровозики по игрушечной железной дороге — пока не закружится голова. Если поезд два-три раза проедет мимо города, тут уж самый ленивый и флегматичный пассажир заметит его. Что это, что это за бесконечный город? — спросит он, счастливо глядя из окна. Это город Луза, — ответит ему такой же удивлённый сосед по вагону, — обратите внимание также на облака. Но этому простому и элегантному решению не дали осуществиться машинисты. В то время, в девяностые годы, их почему-то послушали, сейчас бы не стали, а тогда — по-

шли им навстречу. Вы знаете, — начал говорить умным голосом Василий Егорович, старейший машинист на этом северном направлении. Во-первых, у нас может закружиться голова. Во-вторых, при частых поворотах направо у вагонов быстрее стираются правые колёса. При частых поворотах налево — стираются левые. Наша страна живёт в режиме жёсткой экономии колёс, а тут — сплошные повороты. Подумайте об этом. И последнее — и он посмотрел на жителей Лузы бесконечным тяжёлым взглядом, — последнее: вам нужна постоянная зубная боль? Чем дальше на север, тем больше поют рельсы. После станции Пинюг, спустя пять километров, рельсы начинают петь на разные голоса, похоже на духовые инструменты. Но это не радостное пение, совсем нет. Это так жалостно и так странно. Они как будто на что-то жалуются. Такая большая земля, такая красивая, на что бы им жаловаться, о чём выть разными голосами? Никто не знает, но это похоже не только на духовые инструменты, но и на бесконечный плач, на непроходящую зубную боль без надежды на выздоровление. Наверное, можно рельсам и не плакать, не стонать и не страдать, но всё повторяется бесконечно — поезда, дорога, лес, вагоны — всё повторяется изо дня в день, каждый раз, и никакой надежды. И никакой надежды. Честно скажу вам, хотя и неловко признаться, у всех машинистов в этом месте ломит зубы, и нет просвета. Вы хотите всегда слышать, как болят, как ноют ваши зубы? Подумайте. И скажу ещё то, что вам не понравится. Мы не любим Лузу. Только подъезжая к самому городу, рельсы обрывают свои сумеречные песни. Но каждый раз мы боимся, что они завоют вновь, стараемся проехать вашу местность побыстрей. Именно поэтому поезда стоят у вас только две минуты. Сколько кругов машинист сделает вокруг города, столько раз скажет что-то грустное и огорчительное, нехорошие слова о ней. Вы этого хотите?

Так и остался город невидимым.

XIV

В реке Лузе водится рыба-луна, в этом уверены почти все. Тканая рыба-луна была на выставке в библиотеке Лузы. Каждый год эти библиотекари придумывают что-нибудь новое для читателей. То проведут конкурс о семи чудесах района, а потом думают, что надо было назвать его «Семью семь чудес» — так много можно рассказать об этом крае. То объявят о подготовке

выставки к юбилею победы, и им всё несут и несут экспонаты: кто пуговицу от военной гимнастёрки деда, кто солдатскую ложку, кто медали в тряпочке. Вещмешки, варежки, кисеты, тельняшки, гильзы от патронов, фотографии и письма — всё было на той выставке. Потом библиотекари хотели напечатать ещё календарь, но денег собрали только на один экземпляр. Зато каждый месяц у них получается выпускать газету для читателей. Правда, никто её не покупает, а берут почитать домой, потом возвращают. В библиотеку приходят выпускники школ, они учатся теперь в разных городах, рассказывают ученикам о том, какие бывают города, какие профессии, как тяжело, но радостно учиться. Закончите школу и уезжайте, — говорят они ребятам.

Но это не всё. Каждое лето в день города библиотека в полном составе выходит на центральную площадь и проводит день здорового образа жизни. Всем курильщикам в этот день библиотекари меняют сигареты на конфеты. Куда потом их девают, непонятно — сами-то они не курят, и другим не советуют.

Однажды в библиотеке решили устроить выставку птиц «Птицеград». Со всех сторон Лузы слетелись экспонаты — и вышивка, и картины маслом, и простые переводки, игрушки, экзотические перья, рассказы о птицах, записи весенних птичьих песен. Второклассник Витя из школы №1 принёс клетку, в которой жил когда-то щегол. Щегол умер уже, а клетка — вот видите — пригодилась для выставки. У Татьяны Васильевны, бывшей учительницы, оказалась большая коллекция ёлочных игрушек. Она выбрала из неё то, что относится к птицам — стеклянных снегирей, попугаев, картонных блестящих петухов и тусклых страусов — и всё отдала на выставку в библиотеку. Прямо в день открытия непризнанный краевед Михаил Ильич принёс свёрнутый самотканый коврик. Директор библиотеки Надежда Васильевна развернула его, а там! Там рыба-луна! Но почему рыба? — спросила она. А вы вглядитесь, — сказал краевед, — она летит. И она же плывёт. И принялся за своё краеведение: рыба-луна водится у нас в Лузе, зимой её видели в Лале, там, где летом бывает понтонный мост. Есть сведения, что она заплывала в Сухону и Северную Двину, но проверить их невозможно, сами подумайте. Как вы понимаете, большие корабли её не пугали, а теперь не причиняют вреда и маленькие лодки. Рыбаки с сетями ей тоже не страшны. Старожилы утверждают, что рыба-луна появилась у нас не сразу, например, до появле-

ния лальской бумажной фабрики её не видели. Зато пока она живёт у нас, есть Луза, есть Лальск, есть и Папулово с Христофоровым, и Заборье, и Озёрская. Также…

Но договорить он не успел, ковёр быстро унесли и повесили над дверью, чтобы все, кто покидает библиотеку, задержались подольше и посмотрели на рыбу, бесконечную рыбу-луну. Так происходит и сейчас. Читатели не спешат уходить, подолгу смотрят на полотно, а некоторые приходят сюда специально полюбоваться, приезжают из Озёрской и даже из Лальска. Так мало настоящего, — объясняют они, — а у вас есть что-то такое, дух какой-то.

XV

Луза, Луза, как тебя не любить.

Всё равно

Из дома, в общем, всё равно пришлось выйти в итоге. Однажды один бывший говорил мне: нельзя говорить «всё равно». Всё никогда не равно всему. Умничал. Расстались в итоге. Вышла из дому. Весна, и на дорогах лужи. Я пошла гаражами, сначала через соседний двор, потом по остаткам вечной мерзлоты между ямами овощными и забором садика, индейцы так не ходили в своих мокасинах, как мы тут каждый день в резиновых сапогах, кроссовках, туфлях на широком каблуке, чего говорить. Потом лавировала между всем этим мусором, разной фигандой, которая каждый год вмерзает, а потом вытаивает из-под снега, потом по сухой прошлогодней траве за школой, перешла дорогу, дальше — мимо дорогой нашей аптеки, и вот пришла. Кроссовки остались чистыми, между прочим, белые шнурки. Сдала курточку, купила бахилы, хотя зачем они, если обувь нормальная, раньше ходили без всяких бахил, и ничего такого, всех пускали, никто ничего против не говорил. Ладно. Две пары купила, на следующий раз. Пришла сразу в кабинет, но королевишна сказала, чтобы я ждала за дверью. Опять. Это заведующая отделением, зав. Она прямо как королева какая — волосы крашены в чёрный, лежат, как у учительниц, очки. Но это врач, самая главная в отделении, поэтому ходит прямо, смотрит строго. С интересом, вот что удивительно в её годы. Пишет неразборчиво, как все врачи. А она ещё и главная, так тем более не понять. Какие она ставит мне диагнозы, я не понимаю. Меня всё спрашивают, спрашивают добрые люди, а я говорю, что не знаю. Всё равно точного диагноза ещё нет. Всё равно. Недавно заподозрила что-то, что-то похуже, чем есть на самом деле, так мне надо было две недели чего-то тут делать, то кровь, то обследование, ходить по больнице. По поликлинике. Ещё пальто в гардероб сдавала, а теперь лёгкую курточку. Подозрения не подтвердились, мне же лучше, всё обошлось. Но в больницу пришлось снова топать, топтать ноги. И вот она говорит: подожди в коридоре. Жду. Как-то быстро все врачи переходят на «ты», я прямо удивляюсь. Стоит им заглянуть тебе в горло или в ухо, а то и ещё куда, так сразу: придёшь завтра, жди в коридоре, Наташа, Люся, Даша. Медсёстры такие же. Какая я им Люся? Один доктор, вообще, сидит всё время с перевязанной рукой — четыре пальца перевязал, только большой выставляется, и так сидит. Хорошо, что это левая рука, а то как бы

он держал свои инструменты? Я много повидала врачей, а этот всегда, вот всегда с перевязанной рукой. Знающие люди говорят, что у него там палец или два на одну фалангу короче, а он стесняется и перевязывает. У самого бородавка на подбородке сиреневая, а он руку перевязывает. И этот доктор, он сразу, как меня увидел, так сказал: «Слушай меня внимательно и всё запоминай. А то не вылечишься». Я достала ручку с блокнотом. А то не вылечусь. Он как-то поморщился, а потом покраснел. Сразу видно, не преподаёт, смущается. Потом он привык, что я записываю, ничего. Все привыкают, рано или поздно.

Но сейчас-то я пришла к другому врачу. К королевишне. Принесла ей заключение, что со мной делать дальше. Посидела в коридоре, она кричит: «Войдите!». Я вошла. Она заключение прочитала, все анализы подклеила, результаты анализов, я имею в виду, правда, перед этим успела меня запугать так по-королевски: где анализы, где, как ты себя чувствуешь? А потом отправила ещё что-то сдавать, правда, надо было ехать в город, в центр, то есть. Ничего запоминать не пришлось, она дала мне схему, как эту лабораторию найти. Вот. Пригодились бахилы, в кабинет зайти, просто здорово. Когда я вышла от неё, кто-то у кабинета снимал обувь. Не все ещё у нас покупают бахилы, некоторые просто разуваются.

Автобус то ехал, то стоял. Размяться он решил, что ли? Стоял дольше, чем ехал. Постоит-постоит, потом для разнообразия поедет. Прекрасно. Автобусы — универсальное городское зло. Просто прекрасно. Чтобы не расслаблялись. А то привыкли уже все: если сели в транспорт, так уже и на месте. Все остановки тебе объявят, сколько денег положено — соберут. Сиди, отдыхай. Я знаю, кто у них про эти остановки рассказывает, один парень, он работает на радио, его голос все хотя бы раз да слышали. Да вот, если окажешься среди дня на главной площади, на Театральной, там всё время это радио на всю площадь говорит. На всю её территорию. И дальше немного слышно, если тихий день. И его голос. Я всё думаю, не понимаю: он там целыми днями, что ли, трудится, этот парень? Бывал бы дома хоть из приличия, там жена молодая, ангельское лицо, кудри. Он женился на дочке хозяина одной фирмы-перевозчика. Вот откуда ноги. Эти перевозчики ноют и ноют без перерыва, что цены на билеты низкие, что им на бензин даже не хватает. Ещё бы сказали, что им приходится родственников своих эксплуатировать — вон, зятьёв. Эти молодожёны, как только поженились, погнали отдыхать куда-то на Ямайку,

что ли. Я не понимаю, на свадьбах так устают, что ли, что приходится в какую даль забираться. Ладно, это я шучу. Я просто к тому, чтобы не жаловались уж на бедность свою, никто не поверит.

Автобус остановился у мясокомбината, и этот радийщик начал рассказывать что-то про мясокомбинат. Это у них такой бонус для пассажиров, они просвещают, где что раньше было, но как-то, на мой вкус, неправильно. Они говорят: «Областной дом народного творчества! Ах! Славен своими народными творцами. Как часто мы приходим на выставку “Чудо лоскутное”! Народные мастера — поистине национальное богатство». Или вдруг между остановками как зарядят стихи о городе, в автобусе у всех на лицах какая-то растерянность, потому что слышно, что стихи плохие, и такого, о чём там в них говорится, в городе нет, вот этой нежной любви к дворам и дворикам, а диджей надрывается так, будто застрял задом в какой-то бочке, и теперь выковыривается оттуда, а попутно читает стихи. На это без слёз смотреть невозможно, а слушать — неловко, но куда денешься, если на все автобусы этой фирмы поставлены такие волынки, а динамики в новых машинах громкие до ужаса. По уму, этому зятю надо было сказать вот что: «Областной дом народного творчества. Раньше это место было кладбищем на задворках города. Вы и теперь можете видеть одну могилу революционеру Горбачёву. А лоскутные чудеса в этом бывшем доме культуры бывшего завода имени 1 мая показывают каждый месяц, приходите и смотрите, если вас от них ещё не тошнит». Вот что надо говорить. Через две остановки мы встали как-то совсем надолго. Водитель даже двигатель выключил. Полусонные пассажиры начали выходить из анабиоза и удивлённо оглядываться. Ещё бы — пейзаж за окнами не менялся третий день. Я не вытерпела и через весь салон прошла к водителю. Он задумчиво смотрел на дорогу и курил. Весна, что ли, так действует? Я постучала ему в стекло: «Дядя! Мы поедем сегодня? Эй!». «Иди нах!» — сказал он и начал поворачивать ключ зажигания. «Сука», — ответила я. Почему в мире столько агрессии?

Вдруг зазвонил телефон, я сначала думала, что это с работы беспокоят, но нет, какой-то мужчина приятным голосом спрашивал, не Татьяна Ивановна ли я? Нет, нет, не Татьяна Ивановна. Он ещё удивился, почему ему дали этот номер, но понял, что я-то уж про это ничего не знаю, раз я не Татьяна Ивановна, быстро свернулся. Я даже пожалела, что не Татьяна

Ивановна, такой приятный голос. Зря он так скоро положил трубку, я бы придумала, почему ему дали этот номер. Надо было наврать, что я Татьяна Ивановна. Он бы спросил меня, например: «Ну, как там наш проект? Объект на связь не выходил?». Я бы ответила: «Он нигде не засветился. Но надежда ещё есть, сегодня в областной научной публичной библиотеке состоится открытие выставки “Книга года”. Не исключено, что объект появится там». «Хорошо, — ответил бы мне мужчина незабываемым голосом, — с вами приятно работать, всё по своим местам, всё разложено по полочкам. Надо будет как-нибудь встретиться, выпить по чашечке кофе». О, тут уж я не упустила бы случая! «В кафе областного художественного музея имени братьев-художников, говорят, варят отличный кофе! Предлагаю встретиться там, в понедельник, когда посещение выставок закрыто, — так бы и сказала ему, — к тому же, там очень бдительные сотрудники. Несколько лет назад наш объект был задержан в музее, билетёр подозревала, что он пытается купить билет за фальшивые деньги». Так бы я сказала. А он бы ещё ответил: «Спасибо за предупреждение, я перезвоню вечером», — и тогда бы уж повесил свою трубку. Жаль, жаль, что я не догадалась немного побыть Татьяной Ивановной. Как медленно едет автобус!

Наконец-то добралась до лаборатории. На рекламной табличке перед входом было написано, что тут можно установить отцовство по ДНК. Отлично. Надо запомнить, интересно же. Хорошо бы позвонить кому-нибудь и посоветовать, что у нас есть такая лаборатория, но никому из моих знакомых это не нужно. Ладно, как-нибудь потом, вдруг пригодится.

Содрали с меня больше тысячи за анализ. Теперь уж точно надо сказать «прощай» Пскову, Пушкиногорью, Старой Руссе. Я думала туда поехать, если вдруг отпустят с работы. Конечно, эта тысяча меня бы не спасла, но всё ж таки. Может, где-то бы ещё нашла, заняла бы, что ли. А теперь думаю, что бесполезно даже занимать. Тысячу — как с куста, вот так вот. А ещё на следующей неделе снова в больницу, там чего-нибудь выпишут дорогого. Я не знаю, у меня на лице, что ли, написано, что мне всегда выписывают только дорогие лекарства? Как-то выписали дешёвые, я обрадовалась, так потом желудок болел. Вот какие есть побочные эффекты на дешёвых лекарствах, так они все у меня бывают. Слезоточивость, носотечение и так далее. От дорогих такого почти нет. Все врачи на меня смотрят и сразу выписывают дорогие. Так что — какое тут Пушкиного-

рье. Раз в жизни собралась куда-то в культурное место, так сразу денег нет, почему так?

Потом я оказалась на окраине города, недалеко от железной дороги. У меня такая работа: то была дома, дома, потом — раз! — уже в другом месте. Мне это, в общем, нравится, такая непоседливость, раньше я думала, что не справлюсь, долго сомневалась, идти ли на такую работу. Нет, справляюсь. Моя работа проста, я смотрю на свет. То есть, просто смотреть, это ещё ерунда. Мне надо фиксировать свет и тень, их отношения, игру, противоборство и что там ещё бывает. Пусть, пусть они там что хотят делают, камера всё отснимет, я отщёлкаю, отнесу, скину в компьютер, отправлю по электронке — потом выйдет в газете людям на радость, а может, не на радость, а мне дадут денег, я их потрачу. Вот такая жизнь, раньше была другая, раньше была спокойная, где начнёшь рабочий день, там он и закончится, без изменений всё, и завтра так же, и послезавтра. Ну, и в жизни было тоже всё однообразно, один и тот же человек встречал после работы, целовал в щёку, иногда дарил цветы. Ну, вот что-то такое, говорить неохота, потому что всё закончилось, я всё послала куда подальше, и его тоже. Уволилась с той работы, перешла на эту. Мне кто-то сказал, будто у меня необычный глаз, точнее если, то взгляд, я могу фотографировать. Почему нет, конечно, камера есть. Так всё и пошло. Утром я встаю, звоню кому-нибудь, договариваюсь о встрече, еду фотографировать. Или договариваюсь накануне, вот так всё и происходит.

В этот раз я оказалась на краю города, всю дорогу читала книжку про голод, про качели дыхания. Без книжки нельзя, я часто езжу далеко, а заводить электронную — нет уж, только живую. И так цифровая фотокамера, цифровой диктофон на всякий случай, цифровой плеер, сотовый телефон. Должно же быть что-то настоящее, вот как эта книга про лютый голод. Если бы автор вдруг сам стал лютым голодом? Это же возможно, я часто думаю, что наверняка смогла бы стать теми, кого фотографирую, всеми этими чиновниками, недовольными горожанами, плохими дорогами, богатыми урожаями, интересными людьми, актёрами на сцене, водителями автобусов, снеговиками на железной дороге, деревьями.

Нужно было фотографировать одного парня без ног. Корреспондент спрашивала, а я щёлкала и слушала, что он говорил. Ничего хорошего не говорил, рассказывал, как потерял ноги, шёл ночной зимой по снегу, по улице, по самому снежно-

му нашему городу, никого не трогал, а к нему подошла компания, то да сё, избили, короче говоря, за пачку сигарет. Попросили закурить, он сказал, не курит, обманул, побили, сигареты отобрали. Теперь говорит, лучше бы дал им сигарет, но мы же взрослые люди, что вы, не помогло бы, конечно. Всё равно бы избили. Его только утром нашли, и то не сразу подошли, думали, что алкаш какой лежит, хотя разницы же нет — алкаш, не алкаш. В общем, ноги пришлось ампутировать. Одну ниже колена, а другую почти у стопы. Сначала не хотел жить, потом не хотел садиться в инвалидную коляску, потом не хотел вставать с неё. Теперь ходит на протезах, борется за права колясочников, ни один новый дом не начинают строить, пока он не подпишет проект — смотрит, чтобы был пандус, съезд, как там что ещё называется. Улыбается позитивно. Я ушла, отщёлкала своё и ушла, сказала, что ещё съёмки, на самом деле решила прогуляться пешком, топала по весенней пыли, в двух метрах ехали машины, автобусы. Дети махали руками — понятно, конец учебного года, солнце лезет в глаза, вот они и прогуливают, катаются на автобусах, признают за свою — рабочий день, а я шляюсь не пойми где. Унылые поля, небо, за какой-то незнакомой остановкой целая гора песка, а из неё торчит указатель — написано название слободы, сфотографировала, пошла дальше. Кто-то строит дом, рядом срубленные деревья, берёзы не щадят наравне с тополями. Вот вкратце описание той дороги, по которой я шла. Да, ещё церковь вдали, и в эту неделю любому можно забраться на колокольню и звонить, сколько влезет, но я решила идти дальше и дальше, и, может быть, добраться сегодня до реки, пока она полноводная и широкая, настоящая красавица, без проплешин мелей, вода блестит. Потом мне вдруг захотелось полежать или хотя бы посидеть на земле, но так, чтобы никто не видел. Не потому что стесняюсь, а просто чтобы не видели, да и всё. Как раз попалась тропинка, и я пошла по сухой траве, и вдруг увидела жёлтую мать-и-мачеху, совсем уже недалеко от железной дороги, села рядом и сказала: «Привет». Потрогала цветок, но пальцы за зиму отвыкли от такого, оперлась на руки и потрогала подбородком, щеками, губами. Это первый цветок, надо же было как-то его понять. С собой у меня были сигареты, и я начала курить. Прошёл какой-то серый поезд, я встала и помахала рукой пассажирам, пусть не расслабляются, не думают, что едут по пустынным местам, что их никто не видит, ещё как видит. Всегда так и надо смотреть на поезда — вблизи, пристально. Потом снова села к цветку,

смотрела на него и ревела. Всё-таки здорово напугали меня эти врачи, измурыжили, умеют же. Люся, Люся, а вот сходи ещё туда, а вот сдай вот этот анализ ещё. Надо же, так ласково говорили, а сколько мороки из-за этого всего. Некоторые люди болеют всё время, и они уже привыкли ко всему. Мне повезло, я почти никогда не болела, а тут вдруг вот они начали меня пугать, говорить страшное. И сразу же подруги и другие добрые люди в один голос — лечись, лечись. Как в фильме про короля-заику, когда жена всё таскала его по врачам, лечила косноязычие. Добрые люди, а я здорова. Зима закончилась, а мне всё не выдохнуть морозный воздух. Из-за этого всего можно забыть про свет, а как про него забывать — это моя работа. Если вдруг перестанешь помнить о нём, будешь работать плохо. Мне пока не делают замечаний, но смотрят не очень приветливо: я забываю улыбаться тем, кого фотографирую, от этого они плохо слушаются, смотрят в объектив, выходят какими—то деревянными, буратинными, глядя на их портреты так и думаешь, что это они так натужно и громко объявляют остановки.

До реки я не дошла, мне позвонили и сказали, что надо срочно снимать учения пожарных, осталось полчаса буквально. Пришлось уйти от мать-и-мачехи, быстро вскочить в автобус и поработать, потом заодно позвонила спортсменам, растаял снег, закончился сезон, и я пофотографировала их — все как один хотели сняться со своими лыжами, прямо беда. Ладно, редактор выберет лыжника с открытым лицом и поставит на обложку, все эти хитрости известны, а остальным отдам их фотографии, будут довольны. Или даже продам, тоже согласятся. В общем, в итоге домой пришлось ехать поздно, читать про голод уже не хотелось, я смотрела в окно и думала, что из всего, что я когда-то фотографировала, мне б хотелось стать вот тем унылым пейзажем за окном — весна, а травы ещё нет, и по полю люди в ветровках идут к реке. Рядом села какая-то старуха, я увидела в окне её отражение и почему-то испугалась — седая, с большими круглыми глазами. Как привидение или что похуже. Это же всего лишь свет и тень, свет и не свет, но всё равно было страшно. Пришлось выпрыгивать из автобуса и ждать следующий. Начался дождь, и я замёрзла, но мне было всё равно.

Где правда

Ни с какого товарного поезда меня, конечно, не снимали, это я наврала, а остальные почему-то поверили, хотя до этого со мной ничего подобного не было. Смешно, можно придумать всякого, а тебе поверят, даже в самую ерунду поверят, наврал же Длинный Зойке про свою смертельную болезнь, что его в армию не заберут. Она ему поверила и через это полюбила всей душой, не боялась скорой разлуки, хотя ясно, что если смертельная болезнь — всё равно расстанутся. Чего она была такая спокойная, непонятно совершенно. Может, просто хотела думать, что не расстанутся никогда, вот и думала, и чего ей дался Длинный? Башган гораздо лучше, то есть, Длинный рядом с ним просто ни в какие ворота. А потом пришла повестка, вызов на медкомиссию, и он вернулся оттуда на рогах, а с утра ещё полдня лежал без движения. И только потом все узнали, из-за чего он надрался — комиссия ему подтвердила его болезнь, освобождение он получил, правда, всё это было не в тот же день, не в день комиссии, ему провели большое обследование, и он каждый раз после анализов или каких процедур возвращался домой никакусенький, а это при его болезни никак нельзя, категорически. В конце концов его положили в госпиталь на обследование, но эта идея потом врачам не очень-то понравилась, потому что больной из Длинного никакой — мало что не умещается в кровать, так ещё ходит по коридору туда-сюда целый день, курит втихаря, ругается с санитарками — всё от нервов. К тому же ещё Зойка стала приходить каждый день стоять под окнами. Время ноябрь, а она в джинсовой курточке, в короткой юбке, без шапки. Врачи её гоняли, чтобы шла домой, а она уйдёт, погреется в кулинарии полчаса, и снова стоит. Пришлось её пускать в больницу в палату к Длинному, а то потом ещё у неё почки лечи, оно надо? У нас весь город в этом госпитале лечится, больше негде, и врачи уже всех знают, вот и про Зойку известно, что ей до пяти лет матрас сушили — пока почки не пролечили, но ведь постой в ноябре на ветру — и снова позорище. Потом за Зойкой стали посылать из школы — шутка ли, девятый класс, выпускной, а она в госпитале пропадает. К Длинному даже его бывшая классная приходила, чтобы он Зойку гонял от себя. А ему что — он болеет, а он Зойку любит, и она его, вот и весь разговор, оба вдруг поняли, что им недолго осталось вместе, вот и ловят каждую минуточку. У нас на

улице никто не верил, что Длинному недолго осталось, люди говорили: тоже мне, натворил делов — и помирать, всем бы так, но он вернулся из госпиталя после обследования и всем показывал справку, что ему жить совсем недолго — пришлось поверить. И пришлось простить, и немало, потому что он много чего натворил. Длинный сам ходил по домам со своей справкой, просил прощения. А к кому прийти не смог сразу — подсылал Зойку, на разведку, она издалека начинала, мол, Длинный-то, смотрите, болеет, жалко его. Хозяева говорили: да, жалко. Зойка: а сколько всем напакостил, теперь вот кается, но дела-то остались, никуда ж дела не деваются. А хозяева ей: да уж забыли почти, чего там. Зойка: может, ему самому это и скажете, а? Они: да чего б не сказать? И на следующий день или уже в этот вечер идёт Длинный, с пивом или портвейном, вот и всё, и дело готово. Длинного все прощали, даже баба Нюра, по которой он стрелял из рогатки проволокой, и она потом ещё две недели не показывалась из дому в синяках — она тоже его простила. По правде говоря, редкий урод был Длинный до своей болезни.

Теперь-то всё переменилось, он даже ко мне приходил за прощением, правда, не сразу, тянул почти до последнего, хотя никто так и не увидел этого его последнего, последних его минут, он живёт и живёт, правда, всё время лечится. Мы с Башганом всё гадали, придёт он или нет, точнее, брат даже больше думал об этом, мне было всё равно, я уже забыла, что передо мной Длинный тоже виноват, и даже сильнее всего передо мной виноват, то есть, я не забыла, а как-то не особенно так вспоминала, если всё время думать о тех, кто тебе подгадил, то времени больше ни на что не останется. Длинный, кстати, мог бы и не приходить к нам, он уже давно понял, что заявление на него тут никто писать не собирается, он ещё сразу же после того случая приходил ко мне с шоколадкой, но Башган не пустил его даже в калитку, он бы его побил, но Длинный с первого удара упал, а потом стал на колени, почти что лёг, текла кровь, Башган отвернулся, ему стало совсем худо, потом он сказал, что чуть кишки не выплюнул. А Длинный так и стоял у всех на виду, с шоколадкой в руке, и ревел белугой — отправляться по этапу очень не хотелось. Брат смотрел-смотрел на него, хотел побить, но я не разрешила из окна, ему надоело, он и ушёл, а Длинный постоял ещё минут пять, и тоже ушёл, только какой-то смешной походкой, ноги-то отсидел до мурашек внутри. Так я и не подала никакого заявления, хоть Башган ещё долго вор-

чал на эту тему, в другое время он бы орал, но не в этом случае, и мне всю зиму было не в чем ходить — пальто тогда так замазалось в креозоте и в чём-то ещё, что я его сразу сожгла. Правда, Башган продал свой компьютер и купил мне новое, розовое, очень красивое, оно так и висит в шкафу, брат ни за что не соглашается его продать обратно, думает, я ещё надену, но уж фигушки, с тех пор я и думать забыла и о пальто, и о юбках, и о красивых белых кофточках, я их больше не ношу. Иногда дома я влезаю в это пальто, всё-таки оно мне очень идёт, но на улицу не выхожу в нём никогда. И вообще стараюсь не выходить в тёмное время суток, по вечерам меня встречает Башган, мы заранее договариваемся, по каким улицам пойдём, к тому же телефоны пока ещё никто не отменял. Но всё равно я боюсь наряжаться во что-нибудь очень уж женское и прокалывать уши, тем более, ходить в юбке вечером, эту охоту у меня отбил тогда Длинный, когда мы повстречались с ним на железке, всё-таки, если бы я крикнула, всё дело было бы не так, гораздо лучше, но в том и дело, что голос в одну секунду пропал, и я смогла только молча обернуться и немного заехать ему в нос. Это и правда был слабый удар, из-за неожиданности, ещё никто у нас не слышал о такой подлости, чтобы кто-то нападал сзади на девчонку, трогал её сзади, такого не было. Но Длинный тогда только недавно переехал к нам на станцию, у него не было никого железнодорожников, честной рабочей косточки, и он поэтому всегда был каким-то уж совсем отморозком — так все говорили, и так и было. Но никто не знал, до какой степени, это я поняла первая, когда развернулась, чтобы вдарить ему, и увидела Длинного. Он тоже понял, на кого напал, и из-за этого повалил меня на землю, то есть, на шпалы, потому что повстречались мы с ним в тупике, я тогда искала там маму. Он наверно хотел забить меня до смерти, чтобы я не сказала никому про него, а я хотела заорать на него, но голос пропал и не работал, в горле было горячо, и получался только какой-то сип, а жаль, потому что совсем недалеко были рабочие. Он стал бить или душить меня, я не очень поняла, но было страшно, и я не могла ни крикнуть, ни хотя бы поднять на него руку, хоть он и не держал ни руки, ничего, теперь я думаю, может быть, он вообще просто стоял рядом? Как-то плохо помнится. Пнуть тоже не выходило, я зашла в этот тупик перед школьным вечером, то есть, нарядная, в своей длинной юбке, кто же знал, что пригодится пнуть. Мне надо было отдать маме ключ от дома, я тогда как раз потеряла свой и ходила с маминым. Он всё давил и

давил и вдруг вскочил и убежал. За ним кто-то погнался, но он успел быстрее, а ко мне подбежали мужики с маминой работы, подняли, спросили, кто это был, но я начала реветь и ничего им не сказала, маму отпустили домой раньше, и мы вместе пошли. По дороге я всё ревела, а дома мне захотелось подстричь все волосы на голове — от них сильно пахло пропиткой для шпал, и я подстригла мамиными портновскими ножницами, очень коротко, но всё равно пахло. Пальто по кускам запихнула в печь, мама не ругалась, она помогала, и Мелкий тоже помогал, ему было грустно тоже, и он тоже хотел сжечь и своё, но мама не разрешила, я ревела, и он иногда обнимал меня и всё заглядывал в печку посмотреть на огонь, как горит тряпичное. Башган пришёл вечером, узнал обо всём и закричал громко, заорал, даже задрожали стены и таз на печке: кто это?! Но я не захотела отвечать, к тому же снова пропал голос, так потом повторялось ещё, когда я вспоминала ту нашу встречу, он пропадал. Теперь ничего, теперь только иногда мне чего-нибудь снится, я не помню, чего, но чувствую, что голоса снова нет, а так ничего, всё прошло, и волосы тоже выросли, но в тот вечер Башган побрил меня своим станком, он вообще-то себе купил, первый раз, но смотреть на мою башку было нельзя, и я попросила его меня побрить. Всё равно пальто я сожгла, выходить на улицу было не в чем, а к марту голова уже была похожа на русый одуванчик, потому что у меня русые волосы. У нас у всех в семье русые волосы, и особых примет нет ни у кого, поэтому искали бы меня долго, если бы я вправду тогда убежала. Но я не убежала, потому что, во-первых, почувствовала, что Башган прав, а я перед ним сильно виновата, вот и не уехала никуда, и на этот раз уже Длинный не стал меня выдавать Башгану, что я ему вру на голубом глазу, и Башган не стал ничего возражать, что Длинный только что врал всем, будто собирается умирать. Уже после того, как я сказала ему, что простила, как я это ему сообщила, он сказал: вот, теперь я могу умереть. И все ждали, что он вот-вот умрёт после этого моего прощения и своих слов от своей болезни, на Зойке не было лица совсем. Но тут произошло что-то совсем другое.

Зойка несколько раз приходила к нам домой, Длинного выписали и он обошёл уже всех, перед кем был виноват, а может, только тех, перед кем виноват по-крупному, всех разве обойдёшь? Его все простили, но не я. По правде говоря, я бы его тоже к тому времени простила, если бы он зашёл, но он всё время подсылал Зойку, потому что мы учились с ней в одном

классе, и потому что сам прийти боялся. Когда я первый раз увидела её у нашей калитки, то быстренько тут же спряталась в шкаф. Башган открыл ей, она спросила, дома я или нет, будто бы ей надо узнать домашнее по математике, она не записала. Он пошёл меня искать, я не слышала, как они разговаривали, это он пересказал потом, когда она ушла. Может, она говорила ему что-то про Длинного, но это вряд ли, а может, он сам догадался, эта тактика — подослать Зойку — была известна, а может быть, ничего такого не было. Я не знаю, он мне не много всегда рассказывал о себе. Просто когда она ушла, я выбралась из шкафа и спросила, чего она хотела. Он ответил, что я зря там сидела, очень грустным голосом, но я же хотела сделать лучше! Он-то думал, что она пройдёт в дом, останется подольше, пока я говорю ей про домашнее. А мне хотелось, чтобы они побыли вдвоём, наедине, честно говоря, я ничего против Зойки не имею, было бы хорошо, если бы она кинула, наконец, свой взгляд на Башгана. Тем более, что это она, между прочим, его так назвала, потому что он лучше всех на турнире играл в шахматы, она и сказала ему, мол, ну ты и башкан! Отсюда и прозвище, Башган. С этого всё и началось, она сказала ему так не попросту, а с каким-то восторгом, ещё бы, он обыгрывал всех, всех! И он тогда посмотрел на неё, и с этого у него всё и началось. Вот я и подумала, что ничего плохого не будет, если я спрячусь в шкаф, а они поговорят спокойно, кто знает, вдруг после Длинного она будет гонять с моим братом? Но они не поговорили, и в другие дни тоже, она оставалась верной Длинному до такой степени, что даже не могла и лишнего словечка сказать кому-то на сторону. Закончилось тем, что она на перемене перед физо подошла ко мне и прямо сказала: Длинный хочет к тебе прийти. Я сказала: пускай. И они пришли в тот же день, буквально после уроков, Башган появился уже перед самым их уходом, они как раз засобирались, у нас был заключён мир, хотя мне было жалко, что Зойка всё-таки с большой преданностью смотрит на Длинного. Она уже вышла на крыльцо, когда Башган близко вплотную подошёл к Длинному, занёс руку и тихонько почесал в затылке. Ты чё, у нас ведь мир, — сказал ему Длинный и сразу шмыгнул носом, — мир? Мир, мир, — сказала я и поняла, что это значит. И вот тогда Длинный и произнёс, что теперь он может умереть, но в это время Зойка уже заждалась его на крыльце и стала через дверь заглядывать обратно в дом.

Они ушли. А мы остались, и мне было плохо и не по себе, Башгану — того хуже, но тут вернулся из садика Мелкий с мамой, и мы пошли как-то жить дальше, надо было готовить ужин, в тот вечер из рейса возвращался наш отчим, а Мелкому отец. Вечером Башган перед сном меня спросил: значит, простила? И ушёл в свою комнату, я даже не успела ему ответить. И я снова, второй раз за день почувствовала себя виноватой перед ним. А когда разговаривала с Длинным, то почему-то думала, что мне тоже надо бы перед ним извиниться, хотя вот уж не за что. Точнее, я почти и не говорила, а только слушала извинения и слова раскаяния, но иногда говорила, ну что ты, ну ладно тебе, и прочее такое же, особенно когда он встал на колени, а я поднимала его. Хорошо ещё, брат этого не видел.

Что мне было делать, не побежишь ведь, не скажешь Длинному: знаешь, я подумала, нет, я тебя не прощаю, зря ты вставал на колени, а твоя Зойка вообще, твоя Зойка дура. Да и это всё неправда. А Башган обиделся. Тем более, он лишний раз увидел Зойку с Длинным.

Так всё и получилось, мне тоже было обидно, что Башган не захотел меня понять. Если бы не это, я бы как-то по-другому ответила отчиму, и никто бы не пострадал. На следующий день я пришла из школы сразу домой, не стала ждать Башгана, у нас по средам в одно время учёба заканчивается, я иду мимо его учаги, жду пять минут, и мы вместе топаем домой. Но утром он мне — ни здрасьте, ничего — а только сказал: я докажу, что он врёт, поставил свою кружку с недопитым чаем на стол и ускакал бегом. Я уже почти ушла, но тут на кухне появился отчим в майке, ему так не нравится, когда кто-то не допивает чай и оставляет в кружке. Он спросил: это кто не допил? Ну, не я же, — сказала я. И ушла в школу. Это было зря, надо было просто взять и вымыть эту кружку, так я уже делала, но не в этот раз, потому что я разозлилась на брата, что он не подождал и не хочет мириться. Тем более — ну и что, даже если наврал, я его уже простила, он мне твёрдо пообещал, что после ни с одной девчонкой такого себе не позволит, даже если произойдёт чудо, и он поправится, и тогда тем более так не сделает. И Зойка тоже не будет с Башганом, а будет только с Длинным — она мне открылась, когда они приходили. Правда, я не спросила, а что будет потом, как такое спрашивать?

Вечером это продолжилось, то есть, после школы я зашла к себе в комнату и поняла, что тут уже побывал отчим. Он иногда делает такую вещь — заходит к нам, смотрит, прибрано ли.

Если ему не нравится, например, на столе бардак, он берёт и смахивает всё со стола на пол, у меня так однажды испортился будильник. И в этот раз на полу лежали мои тетрадки, книжки и недовязанный шарф вместе со спицами, клубок раскатился по всему полу. Ещё ему не понравилось, что одежда висела на спинке стула, он и её кинул на пол, стул тоже перевернулся. Я быстро всё подняла и пошла к Башгану в комнату, там было то же самое, хотела прибрать и у него, но тут вошёл отчим и отправил меня огребать снег у крыльца, чистить дорожку до калитки. Пока я чистила, пришёл Башган, я хотела сказать ему, что делается у него в комнате, и что отчим злой, но не успела, он начал мне говорить про поддельную справку Длинного. Мне было всё равно, я говорила ему: подожди! Помолчи! Помолчи! Но он всё говорил и говорил. Я разозлилась и сказала, что я тогда сейчас вообще уйду, раз он ничего не понимает, и тут он наконец-то замолчал. Я стала говорить про комнату и про отчима, а брат молчал и смотрел на меня большими глазами, он в этот же вечер позже ещё смотрел так же, но это было потом, а сейчас оказалось, что за спиной у меня стоял отчим и всё слышал, вот Башган и пытался как-то остановить меня, чтобы я замолчала. Отчим нам велел быстро идти домой, обоим, а сам отправился в садик за Мелким. Не поймёшь, хорошо это или плохо. Но настроение у нас всё равно было дурацкое, дома мы поругались и даже подрались. Я много раз говорила своему брату, что убегу из дома, больно надо терпеть эту ругань, и правильно, что я не прибралась у него в комнате и не вымыла его кружку. На этом я оделась и ушла.

Куда мне было идти? На нашей улице уже несколько лет не горит фонарь, хорошо, лежал снег. Хотя заблудиться негде: всего два направления — туда или сюда. Ещё никогда не заблудишься, если идти вдоль реки. В реке есть рыба и вода — не помрёшь с голоду. Но к реке добираться не было смысла, потому что это далеко, на улице темно, и у меня всё равно нет ни удочки, ни топора, чтобы рубить проруби и рыбачить. Если пойти на железную дорогу, тоже никогда не заблудишься. Там светло, там можно сесть в какой-нибудь поезд. Вот почему я туда двинула. На дальнем пути стоял товарняк, плюс ещё надо было незаметно пройти мимо локомотива. Но тут, можно сказать, дорога хоженая, у нас многие так таскают уголь для печек, хотя железнодорожникам его всё равно продают дешевле. Это как раз оказался состав с углём, южного направления, так что мне повезло в кавычках — сто процентов буду грязной. Хоро-

шо, в поезде были вагоны с тяжёлой техникой, только непонятно, зачем на юге тяжёлая техника, там земля мягкая, лопатами можно перекидать. А уж уголь им тем более никому не нужен, и без него тепло.

Правда, в ковш ближайшего экскаватора я забраться не успела, в нём уже спал Длинный, как странно. Я хотела сказать ему, чтобы двигался, всё же вдвоём в ковше теплее, но испугалась, что он умер тут от своей болезни, он же сказал, что теперь может спокойно умереть, а сюда пришёл, чтобы никто не видел его последних минут, гордый. Может быть, надо было просто уйти, не знаю, но я решила пощупать у него пульс. Он прямо подпрыгнул в ковше! Полностью, всем телом! Посмотрел диким взглядом. Оказалось, жив. Я его спросила, что он тут лежит, что — умирать пришёл? Но он просто лежал и продолжал смотреть на меня, молча. Не говорил ничего, ни зачем лежит, ни где Зойка, ни куда собрался, какой-то он был странный, всю жизнь. Вдруг начал реветь, натуральными слезами ревёт и лежит в ковше. Я стала тянуть его оттуда, из ковша, но очень слабо, всё боялась сломать, кто его знает, может, у него от костей уже одно название осталось. Я тянула, а он ревел, так я всё и узнала, так он мне всё и рассказал. И про поддельную справку, и про то, что пил с Виолеттой, которая выдаёт справки в госпитале. Он не то чтобы в армию не хотел, ему не хотелось с Зойкой расставаться, вот и всё, вот и ответ. А теперь собрался бежать, чтобы у Зойки навсегда сохранилось о нём хорошее мнение, но теперь уж пусть как-то остаётся нормальным, теперь они не расстанутся, потому что, во-первых, у него всё же коечто нашли, не такое смертельное, но тем не менее, больше бы ещё лежал в ковше зимой. Постепенно он успокоился, и мы пошли навстречу судьбе. На угольной тропинке мы встретили Башгана, он шёл по моим следам. Брат издалека начал кричать Длинному, чтобы отошёл от меня. Но я наврала ему, что Длинный снял меня с товарняка, потому что я собиралась уехать. Прибежала Зойка и сразу же обняла своего дружка. Никуда она теперь от него не денется, нечего и думать.

Башган всю дорогу молчал, а у самой калитки спросил примерно в том духе, что, правда, что ли, Длинный снял меня с товарняка. И я снова наврала, что это правда, а то бы брат никогда больше не простил ему эту справку и случай в тупике. На самом деле, никто и ниоткуда меня не снимал. А правда — то, что я рассказала, вот где правда. Ну и пусть.

О любви, любви

Пришло мне время рассказать о любви, любви, скажем так, вылить это всё на бумагу, чужим глазам, а зачем? Иногда я могу отрываться, смотреть за окно на снег, как он идёт и лежит, зацепился за ветки деревьев, кругом бело, бело и так красиво, он спрашивал меня, помню: загадай, что ты хочешь? Что ты хочешь, чтобы исполнилось, а я скажу, сбудется ли, вот ещё знаток. Я тогда посмотрела на него, в его ясные голубые очи — высокий блондин с разбитым носом, моя мечта — и написала на бумажке красота, завернула, убрала в карман. Он говорит: написала? Я: да. Он ходил, ходил по комнате, двигал глазами, трогал мебель, сказал: существительное? Да. Существительное трудней, надо глагол. Но что уж поделать, я загадала красоту и на этом и сидела. А он опять ходил по комнате как бычок, сказал: дети? Но это было так давно, что я про детей и не загадывала, если бы сейчас, то да, он бы угадал сразу, в единый миг, а тогда я загадала красота, и всегда знала, и уже тогда и знала, что никогда не забуду его ясные голубые очи, во всё время. Однажды жёны декабристов не забыли своих мужей, поехали за ними на края света, вот и я об этом же думала тогда, сидя на качелях во дворе, и о том же говорила подруге. Я сказала: думаю, это на всё время, она сидела на какой-то карусели, даже каруселька, вертелась во все стороны, но остановилась и посмотрела. Ох, — она только сказала, потому что понимала — ничего не будет. А я думала про декабристов, но кто знал, что примерно так оно и сбудется, правда, немного наоборот, всегда вот так загадываешь о подвиге, но думаешь о каком-нибудь облегчённом варианте, как на контрольной в школе, облегчённый вариант, а оценивается так же, мне попалось задание со звёздочкой, так и приходится жить, к тому же я дала слово своему, что никогда не уйду от него, меня не сломать в этом, что поделать. Я тверда.

Ещё повезло, что его зовут так же, как моего, два слога, а столько проблем, мой понимает, догадывается обо всём, но ничего не сказал ни разу. Нет, было, он вот что медленно произнёс: да никуда он не делся, найдётся. Это было, когда он потерялся, сажусь я, плачу в тишине, что нет его со мной. Снег сегодня идёт с самого утра, сейчас утро, и хочется поскорее всё это вылить, даже точки не ставить, но правила есть правила, и так всегда.

Однажды, мы учились ещё, и я тогда не знала много, не знала алкоголь, была совсем юная, можно сказать, почти девочка, и вот мы пошли в загул, то есть, мы этого не хотели, просто вышли из корпуса, потопали к остановке, я и трое наших, девки отстали, я одна осталась с парнями, пока переходили дорогу на зелёный, эти трое красавцев решили завалиться в «Поляну», там хорошая кухня, нам же это важно. Мы зашли. В очереди они думали, сколько взять, сто или пятьдесят, сошлись на пятидесяти, была суббота, после «Поляны» планировали успеть на рынок за джинсами для будущего моего, только он не был тогда моим, просто сокурсник, мы все сокурсники. Но у самой кассы они взяли по сто, мне пиво. Чебуреки с сыром, мы знали, там хорошие, а нам важно, мы же учимся. Разговор был о фильмах, на днях вышла какая-то фантастическая лента, и он, конечно, уже успел сбегать посмотреть, я не видела и не собиралась, а в «Поляну» пошла просто побыть с ним рядом, впереди выходной всё же. Высокий голубоглазый блондин с кривым носом, оказалось, мечта. Идут люди, смотрят, я понимаю, снежный карниз вот-вот оторвётся, свалится, упадёт на дорогу прямо, на людей, страшно и красиво, необычная форма. И я так же точно на него смотрела и смотрю всё время, но тогда старалась не смотреть, чтобы не выдать себя перед другими, но они, как выяснилось, всё понимают.

Мы всё сидели и сидели в этой «Поляне», и не шли на рынок, и он отправился ещё за порцией и закуской, а мне за вином, он ушёл, я посмотрела вслед, и тут будущий мой сказал: ты думаешь, мы ничего не понимаем? Мы чё, олени? И вызвал меня будто бы покурить на улицу, а на самом деле на откровенный разговор. Ничего нового он не сообщил, я сама всё знала уже. Ну, что ему никто никогда не будет нужен, блондину, и что мы так и останемся с ним на уровне дружбы, не больше. Вот что он мне сказал и позвал замуж. Видя моё смущение, бросил окурок в урну, обещал ждать, сколько потребуется, слово своё сдержал. А тогда всё закончилось тем, что мы пропили его штаны и развели всех по домам, я и мой будущий. Он был, ну, и до сих пор тоже, крепкий в этом плане, а меня тогда ничто не брало, это сейчас я могу после стаканов вина вдруг зареветь, положить ему голову на колени, он всё понимает, гладит, не ругается, курит, поддержка мне и опора, мой горец парень удалой, сердцу же не прикажешь.

Я ему сразу хотела сказать, ещё в подвенечном, что сына мы назовём, как его, как моего, их зовут одинаково, но не стала.

Ещё один с таким же именем возле меня, не слишком ли, один, ещё один, ещё, перебор. Снег всё идёт, а лыжники устали, скоро и мой придёт, надо готовить суп, котлеты, баранину, без разницы, он всё съест, скажет спасибо, но мне хочется поскорей рассказать, позвонила, пусть покупает пельмени, вареники, манты, пиццу, мне без разницы.

Нынче здесь, завтра там, ну, а что вы хотите от человека, вот и он пропал, незадолго до свадьбы, хоть собирался прийти, и даже в костюме. Вообще, он приличный человек, только вот такой у него характер, такая манера в жизни, он всегда пропадает, тогда это было в первый раз. Мы ждали до последнего, я хотела отменить свадьбу, раз мой лучший друг не пришёл, но потом не стала, кольца куплены, билеты в родительский край и дом — тоже. Не было ни гостей, ничего, так, только у меня новое платье, шляпа, а у моего — новые синие кеды, джинсы, приехали из загса на синей волге ретро, вот и всё, а на следующий день отправились ко мне на родину, там нас уже ждали, пришла родня, посидели, выпили. Потом к нему, там то же самое. Конечно, и он был рад, и я рада, всё-таки четверть жизни за спинами, надо что-то решать, так всё и пошло, и забылось, ждём, когда будут дети.

Но пришло время рассказать и о любви, любви. После регистрации он нашёлся, через два-три месяца, точнее не помню, приехал, позвонил, мой номер в памяти остался, вот как. Приходил ко мне на работу, делился своими планами открыть кафе, говорил, есть совершенно свежая концепция у него, скопит денег, а как, если нигде не работает или устраивается, быстро потом уходит, не сидится на месте. Так он стал пропадать, я привыкла, но два года назад случилось так, что год, полтора, а его нет и нет. Ни по телефону, ни на сайтах одноклассников и так далее. Нигде. И вот дошло до того, что однажды ночью я летела на самолёте, страшном, без правого борта, ветер свищет. Там свадьба была какая-то, в самолёте. И вот мне дали слово, тост. Чтобы все нашлись, говорю я, самая ценная находка — та, что была когда-то потеряна. Вспомните о блудном сыне. Но лучше уж не теряться. Я всегда это говорю, потому что знаю наверняка. Это всё мне приснилось, конечно, но я тут же оказалась у окошка, где принимают передачи в тюрьму, я принесла ему мяч, перчатки, домино и книги. Но девушка в окошке посмотрела круглыми глазами, не стала брать, говорит: я сейчас вам зачитаю статью, по которой его обвиняют, решайте сами, стоит ли ему передавать. И читает: шулерство. Шулерство,

мама, мама. Что он мог сделать, мирный человек, в напёрстки кого-нибудь обжулить? Как это вдруг? Его же самого и побили, кстати, это уж точно, всё время битый ходил, то нос, то глаз, зубы как-то уберёг.

Снег всё идёт, и мой приходил на кухню ко мне, сказал: пошли гулять, погода славная, полезная. Но посмотрел, понял, что я работаю, пишу, ушёл. Это правда, у меня такая работа. Когда он пропал, и этот сон ещё, я утром, вот в такой же хороший день, только осенью, в дождь, села и написала стихотворение, такое, в простом шотландском стиле, ты меня оставил Джеми, восемь строк. Мой увидел, сказал — неплохо, и сел за компьютер, быстро сделал мне сайт, где-то рассовал рекламу, теперь пишу к юбилеям, свадьбам, деньги платят хорошие, можно перебиваться. Кидают на телефон, я всем говорю номер, потом с него перевожу на счёт, готово. Стихи получаются хорошие, в старинном шотландском стиле, но сердцу не прикажешь, я не могу любить всех этих людей, только в то время, пока пишу, пока сижу за столом. Я их просто не знаю, едут и едут машины, смотрю на них, и хочется реветь, почему всё так, конечно, он потом нашёлся, принёс бананы, любимая его сладость, и он не любит меня, и никого, сердцу же не прикажешь, мой тут прав. Он вообще всегда прав, приходит и обнимает, и всё, я ему целую, целую руки, как он прав, прав, если начнётся война, я буду ждать его. И его тоже.

Огонь и огонь, и нельзя остыть

1.

В средние вёсны — не ранние и не поздние, а вот в средние — да, в средние вёсны, когда деревья дают своим листьям волю распуститься, бывала я в болотистой области. Да не одна, а с братовьями, с братцами. Мы бывали там, верно, вместе, и готовили на огне, и спали в лесу, почти на земле, но лишь только в палатках, и подолгу не мылись. И так далее, далее, далее. Всё это было в болотистой области, и об этом и будет нелёгкий рассказ, почему нелёгкий?

Сразу скажу, можно сказать, что рассказ этот не из лёгких, ну, а чего ждать, и дела мы делали там непростые, довольно тяжёлые, но всё же посильные нам, слабым человекам из вполне тоже болотистой области. Конечно, иной братец и сильный, и красивый, и отважный, но и он нет-нет да и напишет кому сообщение, и отправит мобильной связью: мы маленькие и плачем. Глядишь, и он присядет отдохнуть, а иногда и ляжет спать. Нет всесильных людей, пожалуй. Не осталось.

Вот и надо приготовиться к тому, что сюжета в рассказе не будет, а будет только лес, тяжёлый труд, весна, колючая проволока, снаряды и братовья, которые дышат, и братики, которые дышат неслышно где-то в других пределах. А сюжет, наверно, когда-то и был, и кое-кто его даже мог бы повспоминать, но теперь его всё же не осталось.

Вот как начинается рассказ.

2.

Братовья сказали: поехали в тот лес, мы покажем тебе его, а ты будешь нам помогать. Я поехала. Это было впервые, но и потом мы тоже туда ездили. Добираться в тот лес так далеко, нарочно и не придумаешь, да тут и нет неправды, в рассказе. Пока доехали, сменили два поезда, потому что первый истоптал все колёса до полного уплощения, высадил нас, а тут второй подошёл, но всё равно нам довольно пришлось идти и своими ногами, но сначала ещё проехались на тяжёлой технике машине, почти вездеходе. Но и она не смогла пробраться в болоте. Рельсов нет в том лесу для поезда, вот что, и для машины там нет дороги. Мы не несли с собой подушек, нет, не было у

нас и оружия, тоже нет. Мы несли хлеб. По земляной дороге с лягушками в лужах, по лесной болотистой тропе мы несли хлеб. Хлеб был в сумках, сумки в руках, а за спиной, в рюкзаке, конечно, была тушёнка, одежда, спальники (спальные мешки), то есть полностью укомплектовано.

На ногах — болотные сапоги, а ноги внутри — в портянках.

В этом что-то есть — нести хлеб через весь лес, а ноги в портянках. Один братец так и сказал: в этом что-то есть. Хлеб промок, буханка, но мы съели её быстро, в тот же день, а назавтра ели уже следующий, не подмоченный, а простой.

Так начинается рассказ.

3.

Тот хлеб мы съели быстро, раз — и всё. Утомились и хотели есть. Но у нас оставался ещё. Каждую весну мы ели подмоченный хлеб, очень голодные, очень быстро, но у нас всегда оставался ещё. У нас, у братцев, которые дышат здесь. Каждую весну. Тот, который оставался, мы доедали в другие дни. Впереди было три недели, и хорошо, что он не промокал весь сразу. Есть хочется каждый день.

Каждый день мы работали. Выходные — только Пасха, и то она выпадала в это время не каждый год. Когда-то мы приезжали и после Пасхи. Каждый день надо было раскапывать землю. Это не шутка, так оно всё и было. Мы раскапывали и смотрели, кто там.

Там были брат-солдаты. Их ещё очень много. Они братья ваши и наши, твои и мои. Земля большая. Места в ней без счёту, похоже. Война была длинная. Солдат воевало много. Так много, что кружится голова. Так много, что когда все воскреснут, встанут и пойдут, то остальным станет страшно, страшно. Кто-то подумает, что начинается снова война. Но нет. Это идут всем нам родственники.

4.

Каждую весну мы копали землю. Днём копали, ночью ложились спать. Утром вставали с опухшими руками. Они опухали от работы. У всех от работы так. Ночью руки отдыхают, спокойно лежат вдоль тела, всё тело отдыхает. Руки лежат, их не

поднять, даже если захочешь — так тяжело. Надо дать им отдохнуть. У всех есть руки. Давайте им отдыхать.

По утрам глаза радуются. Смотришь и видишь берёзы. Никаких ёлок, никаких сосен, ничего хвойного, только белые стволы с чёрным. Разве только осина иногда. Одна на тысячу берёз. В средние вёсны в болотистой области мы брали сок из этих берёз. Надрезали немного дерево, подходили вставали рядом, совсем близко, трогали кору губами, на них оставался сок. А может быть, дерево было слегка надломлено, какая-нибудь из веток, ставили кружку, в неё набирался сок, его и пили. Вот и весна, поглядите. Вот и весна, повторяли мы и отхлёбывали понемногу. Каждому доставалось чуть-чуть. Мы набирали по кружке в день. Это же надо следить, менять посуду, куда-то переливать. Искать подходящую берёзу, чтобы надрезать ещё и ещё набрать. А нам некогда.

Можно подумать, что и сны в таком лесу тоже берёзовые, тоже пахнут соком и средней весной. Но это не так. Сны тут тяжёлые. В лесу ночами было темно, на душе тяжело. Руки болели, спина тоже. Вот и сны плохие. Не будем их пока вспоминать. Как-нибудь потом. В рассказе пока полно места. Он только начался.

Если там и было что-то берёзовое, то сам лес. Не смотреть под ноги — и покажется, что живёшь в сплошной благодати. Но смотреть надо — можно наступить на гранату, сапёрку, осколок снаряда, колючку, противогаз и на много чего ещё.

Война была большая. Боеприпасов требовалось много. Вот и остались следы. А эти берёзы тогда тут не росли. Были другие. Это же разное время. Прошло даже больше шестидесяти лет, почти что семьдесят. Тогда ещё были солдаты, теперь их нет. Не осталось.

5.

Сейчас мы с братовьями едим сахар, соль, булочки и другое, но тогда, в лесу, мы этого не ели, потому что всё это быстро кончалось, заканчивалось, тратилось. Мы так и жили там без сахара и почти без соли, так. Соль как-то раз замочили, и она стала камень. Этот твёрдый камень можно разбить, и тогда получится снова соль. Соль снова станет. Если же человек, то его нельзя вернуть.

Кроме того, по дороге мы можем промочить хлеб, чаще всего мы так и делаем. О, эта нескладность — промоченный

хлеб. Вот кто-то оступается в болоте или нога случайно опускается не на тропинку, а мимо — и половина братца уже в воронке, и руки с хлебом в воде — стоят средние вёсны, и любое углубление полно водой, конечно. Вода всюду в земле, земля вся мокрая, чёрная от сырости, она сама родит воду.

Мы спим дома под спальниками (спальными мешками), мы с братовьями, чтобы не отвыкать, не забывать те наши лесные ночи. Может быть, из-за этого продолжаем видеть лесные сны, мы расскажем ещё про них. Я и братцы. Летом нам жарко, мы сбрасываем спальники и живём ночью так.

Можно подумать и решить, что этот берёзовый лес — это резервация, но нужно точно знать, нужно представлять, что значит это слово, и тогда уже говорить и решать. (Словарь Ожегова: резервация — в некоторых странах: территория, сохранившаяся для проживания сохранившихся в стране аборигенов). В лесу у нас нет с собой словаря, и мы не используем резервации (всё равно не подходит). Это другое. Это всё случайно. Это из-за войны. Огонь, огонь и огонь. Поэтому солдаты до сих пор там, никто не знает. И братовья ездят туда средними вёснами, а у кого получается, тот ездит ещё ранней осенью, а может быть, живёт половину лета.

Мы покажем тебе что-то в лесу, сказали мне братовья, поедем с нами, и я поехала с ними. И увидела лес, белый берёзовый лес, весенние нежные цветы подснежники, лягушек, майских жуков, чернику, бруснику, ягоды клюквы, сухую траву, солнце, воронки, остатки артиллерийских снарядов, гранаты, патроны, гильзы, миномётные мины, противопехотные мины, взрыватели, детонаторы, старые противогазы, старые котелки, старые сапёрные лопаты, ржавые каски, шинели, ещё годные винтовки Мосина без приклада, ботинки, остатки звёзд с пилоток красных бойцов, офицерские кубики, пуговицы от шинели, от гимнастёрок, рыжую ржавую землю, совки, щупы, лопаты, металлоискатель, резиновые и текстильные перчатки, каждый день видела братиков. Братьев-братовьёв и братьев-солдат.

6.

Это слово пришло из других языков, зачем нам тут ещё резервация? В лесу нет словарей, мы не будем о ней, стоит лучше поговорить о декабристах. Средняя весна, костёр и уже темно — самое время вспомнить о декабристах. Мы могли бы побеседовать о них, хоть немного. Для лесного костра, для

компании у лесного костра этот разговор очень подходящий. Ещё нет комаров, безоблачное небо в звёздах, тишина, темнота. Кто это? — говорит один братец. И другой говорит: кто это? Мало братьев помнят историю о декабристах, разговор не получится. Они много знают о братиках, лежащих тут, в берёзовом весеннем лесу. Но почему? Разве не такие же нам братики декабристы?

Братовьям много, да, многое известно про эту область, про войну, про то, что тут было больше шестидесяти лет назад, почти семьдесят. Они могут рассказать всё, показать на карте (в одном сантиметре пятьсот метров). Но не знают ничего про декабристов, про ссылку, про их голубушек жён. И про глубину руд. И у них тоже, у декабристов, уставали руки и опухали. Так уставали, просто невозможно опустить, если они подняты вверх и закинуты на подушку, лежат рядом с головой.

Подушек не было у нас, спали на свёрнутой одежде. Можно было принести надувную, например, и надуть, и спать. Но в рюкзаках было так много всего, что уж подушки точно выкладывали. И спали на одежде, если не пригождалась её надеть. В этой болотистой области в средние вёсны выпадают такие морозные дни, что вечером не хочешь ложиться спать в этом холоде, а утром не хочешь вылезать из палатки на улицу, под кроссовками хрустит иней. Правда, холодно. Если бы была зима, то холод сочетался бы с красотой. А тут он с красотой не сочетается. Весенняя красота и зимний холод, только и радости по утрам — свежий воздух.

7.

Мы вспоминаем зимний холод, зимнюю красоту, когда всё белое. Так было непривычно приехать сюда, в болотистую область, где нет снега. Кажется, только вчера он лежал у нас под ногами, только вчера ещё не было листьев на деревьях, мать-и-мачехи на земле. И вот — ни снега, ни льда, только холод, нежные зелёные листья, майские жуки (хоть ещё не май), берёзы задеты зелёной листвой, скоро она пойдёт в рост, цветут белые подснежники, в некоторых местах их столько — как веснушек на носу, целые футбольные поля, на дорогах радуются жизни лягушки, но рядом с нами их мало, странно, болото, а их нет. Птица дергач кричит каждый вечер, хочет помешать нам спать. От этой красоты вокруг какое-то безумие может

охватить нас, в голове вертится слово «прекрасно», однако, надо быть серьёзными. Нельзя забывать и об опасностях.

Если смотреть на весенний берёзовый лес, когда живёшь в нём, то есть через него, сквозь, в него — то в сердце возникает чувство, а в голове слова: нельзя остыть. Что это значит, кто его знает, ни один брат не скажет, никто-никто. Глаза хотят сохранить эту красоту — надолго. Очень надолго. Смотришь на берёзы, сквозь них, так, будто в глаза что-то попало, может быть, дым. Но такой, не едкий, а маскирующий. Может быть, из-за этого даже успокаивающий. Это только одна опасность, потому что красоту можно сохранить в глазах, только глядя вверх, на берёзы. А надо смотреть вниз, в землю.

А вторая опасность — мины и взрывучие вещи.

8.

Снова язык. Мина — синоним опасности и смерти. И граната, и колючая проволока бывает таким синонимом, и газы, и много чего, а война тем более. Это самое главное тут слово, оно дирижирует всеми синонимами смерти. Но смерти нет, это надо сразу же сказать. Запомните, а то больше ничего не вынести. Есть братики, которых уже нет, то есть, другие думают, что их нет, их дети и внуки так думают, их родственники. А на самом деле они есть, просто в других пределах, там они дышат. А тут лежат, в нашей земле. И надо их как-то найти. Один братовей искал кого-то, может быть, свою любимую, в то же самое время, когда искал братиков. И их, и кого-то ещё, каждый день искал, копал, каждый день куда-то звонил, когда выходил в место, где есть связь. Потом возвращался в лес, приходил грустный, забирался глубже в лес и снова искал, повторял: вы соль земли, чем же ещё сделаешь её солёной. Ну, нет, говорите вы, нет, только не надо солить землю, нет, кидать в неё эту самую соль. Но это всё же продолжается и продолжается. Некоторые думают, что ничего особенного, и что соль снова станет — и начинается война. Значит, не всякая соль. Если же человек, то его нельзя вернуть, повторим это снова. Язык это говорит, и мы можем всегда повторять.

9.

Эти братики, брат-солдаты, которых нет, они в других пределах. Но они доподлинно здесь. Правда. Их можно найти.

Если не смотреть попусту по сторонам, не терять время, а взять щуп — железную вицу, втыкать его в землю и слушать звук, мы услышим их.

Услышим солдат. Услышим, как говорят их кости. Их потревожили, и они говорят гулко. Больно ли кости, когда через землю её касается железо? Жалко их. Камни под щупом звучат звонко, железо скрежещет. И кости звонко-глухо. И звонко, и глухо, но чаще глухо. Некоторые корни, некоторые несуразности деревьев вводят нас в заблуждение. Если задеть их, будет тот же звук, что у костей. Начнёшь копать, думаешь: вот сейчас покажется под землёй солдат, сейчас его можно будет достать, заплакать над ним, сказать — вот он, он здесь, а смерти всё-таки нет. Но это оказывается шишковатость, сучок, который когда-то впился в дерево, дерево потом истлело, а он остался, упал в землю и звучит. И сбивает с толку братовьёв. Скоро весна станет поздней, вылезет много зелёной сочной травы, не продраться в землю через неё, скоро нам уезжать, а он отвлекает, путает, вводит нас в заблуждение.

10.

Все слова толкаются в голове, особенно много их, если часто смотришь на берёзы. Правда, не выговариваются, не выходят наружу, не вылетают. Пожалуйста, можно и помолчать, пусть толкаются себе дальше, пусть бродят себе, только бы не отвлекали — нам так некогда, у нас так мало времени. Эта область такая болотистая, приходится вычерпывать воду из некоторых мест, некоторых воронок. Берёшь котелок и черпаешь воду, выливаешь рядом, быстро, быстрее, отдохнём после обеда. Если будет обед, потому что он бывает не всегда — так некогда, надо точить щупы, лопаты, менять порванные перчатки, и так далее, далее, далее. Мы вернулись к началу рассказа, там тоже были слова — и так далее, далее, далее. Что же это получается — всё ходит по кругу, и слова ходят по кругу, всё повторяется без устали слово «война». Оно ходит за нами повсюду. В городе, на собраниях, на улицах города — особенно перед праздником Победы, за праздничными столами — как пожелание, чтобы её не было, в поезде, на школьных уроках, во многих и многих книгах, в обещаниях политиков — прекратить хоть какую-нибудь войну, в обывательских разговорах, в песнях, а нынче и в телефонной трубке. Всё повторяется слово «война». Но это не только слово, надо запомнить.

11.

Самое сложное — каждый день смотреть на берёзы. Некоторые думают, что у нас растут одни только берёзы, кто-то ещё помнит про ёлки, про большие леса. Может быть, они бы и хотели каждый день ходить меж берёз, тонуть в снегах, смазывать лыжи и пересекать на них белое пространство, вёснами пить берёзовый сок, говорить — идёт активное сокодвижение. Может быть, кто знает. Но это сложно — каждый день смотреть на берёзы, надо бы им понимать. В глазах рябит и слезится от этого. Сразу же понимаешь, где ты живёшь — ты находишься теперь в лесу. Конечно, в городе есть разные деревья, и без берёз тут тоже не обошлось, но не в таком же количестве. Ладно, мы — мы бываем в болотистой области, в этих деревьях средними вёснами только по три недели. А как же тут были братики, как были тут солдаты? Этого мы не знаем. Каждый день они смотрели на берёзы, если появлялось время отвлечься от сражений. Бои были большие, и времени не оставалось. Каждый день огонь, огонь и огонь. Берёзам тоже доставалось, но они выросли новые. Если же человек, то его не вернуть.

Теперь каждый день они в земле, всегда. Что увидим, если будем смотреть в землю? Вот, например: саму землю, грунт, корни травы, самой обычной, как в поле сорняк — белые, длинные, спутанные. Потом ещё — корни деревьев: красные тонкие, толстые тёмные — у берёз. Какие-то красные точки, спутанные клубки — это папоротник, корни и само растение. Кроме этого видим, как портится в земле дерево, скоро закончится его срок, не отличим от грунта. И гильзы от патронов, и сами патроны, железные детали от оружия, например, рожок пулемёта, алюминиевые ложки, противогазы, камни, маленькие круглые железки — окалину, кости.

И запах будет, если начнём копать. Пахнет землёй, весной, травой. Если стукнешь сильнее совком по патрону, он зашипит, станет пениться, а в нос шибанёт тебя запах пороха. Только запах — это не страшно. Бывает, что пахнет шоколадом. Это не объяснить, этот шоколад. Копали, искали одного братика, и вдруг — как будто рядом тут шоколад. Проверили у себя — нет ничего ни у кого. Может, он был сластёной? Может, хотел в войну конфет? Ни у кого в кармане не было и сухаря, а ему бы конфету, варенья, нет, хоть кусочек сахара.

12.

Маленькие братовья смотрят фильмы о войне, говорят: мы так делать не будем. Не говорить же войне спасибо за это. За то, что она съёжилась до песен, книг, фильмов и фотографий. А больше её как будто и нет, а может быть, даже не было. Что же, почитайте пока и вы сказку про войну.

Её рассказал один брат-солдат, который слышал сказку от другого, а тот тоже от кого-то, это была длинная цепочка, и кто рассказал первый, установить, пожалуй, не удастся. Говорят, это сказка от одного из тех, кто когда-то лежал под корнями берёз. С ним рядом лежал другой солдат, не наш, он всё бормотал что-то на своём языке. Их нашли в земле совсем недавно, за долгие годы наш братик выучил чужой язык, давно понял, о чём эта сказка. Так она и попала ко всем остальным. А кто ещё не слышал, когда-нибудь всё равно узнает её. Вот она.

Сказка про Гитлера

Войны долго не было. Гитлер всё хотел её устроить, но никак не мог. Вызывает однажды к себе солдата, говорит: «Я начинаю войну, давай, иди на фронт». А солдат отвечает: «А я не буду воевать». А Гитлер: «Я тогда тебя убью». Что ж делать, снял солдат фуражку, и Гитлер его убил. Вызывает другого солдата, тоже велит собираться на войну. И этот солдат отказывается, и его тоже убивают. Третьего вызывает Гитлер, четвёртого, пятого... Целый день разговаривал с солдатами, ни один не послушался его приказа. Устал главнокомандующий. И толку мало. Передохнул маленько, и на следующий день снова начал вызывать солдат. То же самое. Что делать? Крикнул он очередного солдата, говорит: «Видишь, сколько воинов уже погибло?» «Вижу», — отвечает солдат. «Хочешь и ты умереть?» «Да нет,— говорит солдат, — умирать я не хочу, но на войну не хочу ещё больше. Убивай!» — и снимает фуражку. Но Гитлер не стал его убивать, выдал сухой паёк и отправил на крутой берег Рейна к прекрасной девице Лорелее, спросить совета, что ему, главнокомандующему, делать, как заставить солдат воевать, уже июль, а война всё не начинается и не начинается. Делать нечего, пришёл солдат к Лорелее, как увидел её, тут же память всю потерял. «Что ты хочешь?» — спрашивает его девица. «Да вот, — говорит солдат,— принёс тебе тушёночки». Лорелея увидела тушёнку, рассердилась: «Что, — го-

ворит, — я тут сижу, мясо из банок поедать, что ли? Говори, для чего пришёл, солдафон несчастный!» С вояки сон как будто спал, вытянулся он в струнку и как гаркнет: «Гитлер хочет начать войну, а мы не хотим никто, и погибаем от его вероломства. Что делать?» Лорелея взяла свою расчёску, поскребла в волосах и говорит: «Так продлится до конца июля, пока солнце значительно яркое. Потом, в августе, сопротивление ваше будет не таким крепким, и кое-кто согласится пойти на войну, а кто-то погибнет от Гитлера. Но и тот, кто попадёт на фронт, всё равно погибнет. Вам бы в августе отправить его в гости куда или в отпуск, лучше в Арктику, он там поостынет, глядишь, и вернётся другим человеком. Проживёте август-сентябрь — дальше будет лучше. Начнутся другие заботы, слякоть эта, октоберфест. В октябре пусть он ко мне придёт, я вихры его расчешу, ум-то и прибавится. И войны не будет».

Приходит солдат к Гитлеру, рассказывает: «Лорелея велела тебе ехать в Арктику. Говорит, что там есть какая-то параллель мудрости, надо встать на неё, и всё поймёшь в тот же миг». Ладно. Гитлер перестал убивать солдат, начал собирать корабли, готовить снасти. Как раз к августу управился. Сел на белый корабль, отправился в море, и того солдата, Фрица, с собой забрал — пригодится. Он не хотел с Гитлером на одном судне по морю идти, к тому же, боялся воды, но — служба... Много раз представлялся Фрицу случай утопить Гитлера, столкнуть с корабля, да и всё. «Что мне стоит, — рассуждал он временами, — душу свою сгубить, зато народ от войны спасти?» Но никак не мог — надеялся на мудрость рейнской девицы, рука не поднималась.

И вот попали они в Арктику. Кругом холодно, а они в своей военной форме. Другой бы на месте Гитлера развернул свои оглобли да и домой, домой... Но он упорный — ищет свою мудрую параллель. А в Арктике параллелей всего ничего. Ну, одна-две-три — и всё! Ходили они с Фрицем по льду, ходили, перекликались. «Эй! — позовёт Гитлер.— Не видно ли той параллели?» — «Никак нет, — ответит ему солдат (он к тому времени уже научился отвечать по-военному), — не видно». — «Ну-ну», — пробормочет Гитлер тихонько, и дальше ищет идёт. И вот однажды Фрица как будто стукнуло что — по голове, и в глаза ударило. Сначала думал — солнечный льдяной удар, который зрения лишает. Перед глазами всё белое, главнокомандующего не видно, океана за ним не видно. Постоял так с минуту, ничего не видит. «Эй! — закричал не по-уставному, — э-эй! Где я?»

Гитлер к нему подбежал, волнуется, спрашивает: «Что такое? Доложить обстановку!» От этих слов как будто белая пелена с глаз Фрица спала, зато красная настала. «Докладываю! — кричит он, — обстановку! Стою на параллели мудрости и охраняю её по причине прямого подчинения ей же, то есть, мудрости! Она ничего не говорит, но показывает!» Гитлер так и застонал: это он должен был встать на мудрую параллель и подчиниться ей! Стал он дёргать солдата за рукав и спрашивать: «Что она показывает, что? Доложи обстановку!» — «Вижу красное, — начал Фриц, — это твоя война. Нету ей ни продыху ни вдоху. Не знает она ни жалости, одно лишь страдание. Нет в ней места ни радости, ни женщинам, ни капусте квашеной. Ни лету, ни морю, ни рейнским берегам. Ни детям, ни старикам, ни велоспорту. Ни кино, ни танцам, ни опере. И пива там тоже нет! — и повернул грозные глаза к Гитлеру, — и всё это из-за тебя! Из-за твоей войны. Чтобы тебя кошки подрали!»

«А ну, молчать!» — заорал Гитлер. «Нет! — заорал ещё громче и страшнее Фриц, — пусть дерут! Всё равно моя правда!»

Разозлился Гитлер и убил Фрица. Сел на корабль, поехал домой. Пока добирался, сто дум передумал, сто мыслей перебрал. Сначала выходило так, что война нужна, а потом он вспоминал всё, что сказал ему напоследок Фриц, и тогда получалось, что это очень плохо. Что делать?

Домой Гитлер прибыл тёмной октябрьской ночью. Лёг спать в одежде, думал начать утром войну. Вызвать всех солдат и заставить их идти на фронт. Пусть пешком добираются, топчут ноги. Но на следующий день по всей стране начался октоберфест с песнями, танцами и пивом. На время он забыл о своих планах. Потом выпал снег, и надо было разгребать дорожки. Потом снег растаял, и на дорожки пришлось посыпать гравий, а на грядки садить цветы. Как-то забылась эта мысль о войне. Так её и не было.

Так Фриц всех спас.

13.

Самое тяжёлое — вставать. Хотя, нет, это не самое тяжёлое, потому что холодно, и хочется встать и пройтись. Легко слушать ночью птицу дергача, пусть себе кричит, мы с братцами так устали, заснём всё равно. Легко варить обед, пусть будут супы, без второго, так быстрее — и ещё легче. Просто и легко

сидеть у костра, разговаривать обо всём, о мире, а ещё о войне, а потом идти спать. Легко дышать, смотреть в разные стороны, хоть на запад, хоть на восток, хоть куда — война уже кончилась, не жди ниоткуда врага. Легко нам жить.

14.

Всё-таки и на берёзы надо смотреть, не всё же на кости братиков. Каждый день одно и то же: копать и копать, думать, что когда-нибудь тоже умрёшь, попадёшь в другие пределы, класть останки в мешки из-под сахара, в сахарные мешки. Видеть на тропинке человека, всегда одного и того же — утром он идёт за клюквой, а вечером — к себе в деревню, за спиной у него рюкзак, в рюкзаке ягоды. Сейчас он отнесёт их домой, потом продаст в магазин, а может быть, отвезёт на рынок, хотя проще всего было бы сдать заготовителям, они сделают настойку или что-то ещё. Как-то мы пошли по болоту, по настоящему болоту, где мох — как облака, идёшь по нему, лишь бы пройти и не оступиться, а то упадёшь, пропадёшь, всё. Один братовей как-то смотрел и видел, как аист ходит по мокрому, не по такому болоту, но всё же мокрому. Он смотрел, и вдруг говорит: мне бы такие ноги. И мы шли по болоту и думали — нам бы такие ноги. Мы бы смелее шагали.

Попробовали клюкву — а она весной пьяная. Сладкая, не то что осенью, может быть, и не пьяная, но голову уносит. Мы копали-копали, не поднимали голову почти, только посмотреть на берёзы, и ходили всё же по твёрдому, по земле, ели тушёнку. А тут идём — как будто кто-то положил на воду надувной пляжный матрас, и мы ступаем по нему. И вдруг едим клюкву. У каждого бы в голове зашумело.

У этого ягодного человека каждый день клюква, такое уж у него дело, у нас — другое: копать. Однажды он сказал, глядя на нас, что мы как будто в пионерском лагере — совками копаемся в песке, мы поднимали тогда верхового из хорошего грунта, кости в корнях не запутались, но он всё равно был разбросан по большой площади — может быть, когда-то тут похозяйничали чёрные копатели, им нужно только железное оружие, а остальное у них — долой. Или попал снаряд. Теперь ищи долго, можешь и не найти всего. Всего брат-солдата. Посмотри на берёзы, как дымом будто опутаны. Слушай, как по деревянным стволам, по клеткам поднимается кверху сок. Клюква живая,

листья на деревьях живые, живые слова ходят кругами. Весна наступила всё же.

15.

Конечно, надо быть радостными, на три недели нельзя оставаться всё время в грусти. Мы шутим друг над другом, вспоминаем смешные случаи. Почему нет.

Например, было такое, что нам тяжело, еле добрались до того места, где потом жили все эти недели, едва донесли всё, что взяли с собой — и инструменты, и щупы, и свои личные вещи, спальники (спальные мешки), и хлеб, конечно, хлеб. Нас тогда было мало, немногие братовья смогли приехать в болотистую область, нам пришлось тяжело. А тут ещё надо нести останки в деревню. Нам вызвались помочь местные жители, такие же братовья, они узнали мобильной связью, что нам трудно, что нас мало, нести тяжело. Решили найти. Позвонили, сказали — мы выходим. Мы ждали несколько дней, сами копали, сами доставали братиков из земли. Сами унесли в деревню. А тех всё нет и нет. И в последний день они вышли к нам, попросили чаю. Пейте. Оказалось, всё это время, все дни они ходили своей болотистой мокрой землёй, искали нас, и нашли только в конце этого весеннего труда. Как странно.

Иногда пойдёшь в деревню, купишь чаю и хлеба. Хлеб принесёшь, а чая где-то нет, пропал по дороге. Был — и не стало, необъяснимо. Приходится пить бруснику, завариваешь и пьёшь. В другой раз можно бы и посмеяться, но сейчас как-то не хочется.

Хотя смешного бывает много.

16.

Не каждый заметит братика. Не у каждого есть этот дар. Кто-то пойдёт, запнётся за что-нибудь, решит поискать в этом месте, смотришь — и появляется солдат. Никто бы не нашёл, а этот вот запнулся и заметил, надо же. А если бы не запнулся, думаем мы, и ответ напрашивается сам собою. А другой, наоборот, никак не может найти. Пусть и запинается, и не запинается, и со щупом, но не получатся разгадать, где останки. Ходит с металлоискателем. Но это бесполезно — вся земля набита железом и пулями, вся земля ржавая — и прибор пищит на каждом шагу.

Некоторые братики пролежали в земле несколько десятков лет, и никто даже не думал, что они тут есть. Подмоет вода, расширит ручей — и видно солдат. Пройдут животные, потолкают землю — и вот брат-солдат. Каждую среднюю весну можно найти братика на тропе. Сколько лет ходят грибники по ней, а одного не знают — идут по костям. Ну и что? — скажет какой-нибудь грибник, — все мы из праха, и прахом станем. Вот и они лежат в прахе, вот и они прах.

Это так. И трава растёт из праха, и деревья, вот все эти берёзы — они все растут из праха. Пока прах не устанет, всё будет расти. Кому-то жалко, он говорит — я не хочу, чтобы так всё закончилось. Ему отвечают — так не заканчивается, так, может быть, начинается, что ты, не бойся. Вспомни, откуда произошёл человек, из чего его сделали, и что внутрь, в душу вдохнули, и кто сердце в руках держал. А он всё не успокаивается и не успокаивается. Ему бывает плохо, всё мутит, например. С таким тяжело в средние вёсны в болотистой местности, и самому ему тяжело. Может быть, проще на природе в другое время, в другом месте. Кто ж проверял.

Ничто не помогает от сомнений. Так и будет этот братец копать и всё думать и думать о том, как это плохо — лежать в земле, становиться землёй, из тебя будет расти трава, деревья, будут рядом возиться жуки, совсем как в стихах: теперь вам братья — корни, муравьи, травинки, вздохи, столбики из пыли.

Что делать с этим? Оказывается, не всякий согласен быть прахом, вспомнить хоть классику: и что, у Александра был вот такой же вид в земле?

Снятся братцу сны. Ворочается, когда спит в палатке, а надо помнить, что он не один, рядом лежат такие же его братья. Например, снится, как будто лежит он в земле, и надо бы повернуться с одного бока на другой, а не может, то есть, может, но с трудом. Пойди-ка перевернись в земле. Трудно. А рядом с ним брат-солдаты лежат, много, и их тоже можно задеть. И так становится нехорошо, встал бы, вышел бы из палатки, но пойди так просто вылези из земли вон. Из праха. Утром он просыпается и идёт искать солдат. Находит, а ночью снова они снятся. Может быть, когда закончится средняя весна, начнётся поздняя — он и забудет о том, что ему плохо, его мутит. А может быть, забудет раньше, а потом вспомнит.

17.

Одному человеку всё слышались голоса. Он думал, самое тяжёлое — эти голоса. Он шёл по болоту — вдруг кричат: «Эва! Эва, эва!». И так несколько дней — всё из одного места звук. В первый раз, как услышал, он вспомнил молитву одну, а может быть, сам придумал. Так испугался. Крик прекратился, к тому же брат ускорил шаги и быстро выбрался к своим, ему зачем-то нужно было уходить, может быть, из деревни с покупками возвращался, может быть, с хлебом.

Но потом он услышал «Эва!», когда лежал и спал в своей палатке. Вдруг среди ночи ему приснился лес, как будто он стоит на земле рядом с деревом — у дерева корни вывернуты из земли, оно упало, а корни вывернуты, он стоит и слышит, как кто-то говорит ему: «Братец, тут». Он смотрит, а под корнями перевёрнутая каска, он поднял её, а там, а под ней полно патронов. Как будто кто-то нёс их в каске, в него попала пуля, и он упал, каска с патронами перевернулась. Получается, не донёс.

И каждое утро, как встанет, слышит одно и то же, со стороны того болота. Кто-то будто зовёт всё время.

Однажды утром он проснулся, пока завтракал, в голове его что-то будто стучало. Встал, повело, упал. Все забегали, суетятся — человеку плохо! Говорят: что? Что случилось? Ты не ел пьяную клюкву? А он лежит, и лёжа заговорил: все искали меня под горой, а я у ржавой воды. А у самого глаза пустые и странные, будто бы не свои. Встал, взял инструмент и пошёл, смотрит чужими глазами. Все за ним. Пришли к болоту, вода старая, пахнет нехорошо, остановились у берёзы — она упала, лежит, корни вывернуты. Рядом на земле перевёрнутая каска, подняли каску, а под ней патронов полно. Стали копать рядом — подняли бойца, роста обыкновенного, никакой не великан и не богатырь, медальон нашли — пустой. Не хотел, значит, заполнять, боялся накликать смерть. Рядом ещё пять солдат лежали — ни про кого не известно, как зовут.

Когда всех подняли, когда откопали всех, кости сложили в пакет из-под сахара, слышат, как кто-то кричит радостно: «Это мы! Мы!».

18.

Один братец всё хотел тишины, её тут полно, как воды в земле, а ему всё было мало, всё говорил — у меня в голове звенит, и хочется пореветь. Он ходил молча по лесу, искал братиков, всё думал — как бы найти их, как бы? А наткнулся на папоротник выходящий. Клубочки папоротника сидят в земле до весны, а средними вёснами, да, средними вёснами начинают раскручиваться, выходить из-под сухих прошлогодних листьев. Они разворачиваются, как сухое прессованное полотенце в воде, они разворачиваются, становятся листьями. И вот перед нами папоротник. Братец загляделся на весну, сел на лежащее дерево и так сидел. Смотрел, как растение разворачивается, как клубки становятся полотенцами, как лапищи папоротника увеличиваются — сразу зелёные. Потом просыпаются все жуки, подснежники закрываются до следующей средней весны, приходит лето, проходит несколько лет, а он наблюдает жизнь, снег, осенние листья, жуков, солнечный свет через лес, кабанов, лосей, вот кто-то перекликается, шумит на реке моторка, то одна, то другая, спеет брусника, растут деревья, стареют.

И сидел так, все проходили мимо, дорога в ста метрах, никто не мог заметить — оброс зелёным мхом, как пни во всяких лесах, не только в той болотистой области, ноги стояли на месте, через длинные болотные сапоги проросла трава сныть, белые подснежники подобрались к правой стопе. Всё видел сам, всё знал. Однажды дошли до того места братья, ходят, разговаривают между собой, ищут братиков, зовут. И вдруг он стал, братец, большой братовей, встал с дерева, сказал: тут! И сказал ещё, что нельзя остыть. И ушёл себе в лес, сам во мхе, сныть торчит из резинового сапога.

И правда, на том месте нашлось потом много братьев-солдат. И нашей страны, и не нашей. Достали всех из земли, похоронили с залпами, рядом с другими.

19.

Самое тяжёлое — это рюкзак, особенно взять и закинуть его на тяжёлую технику машину. Это делают те, кто посильнее. Все мы помогаем им — тащим рюкзаки, вместе приподнимаем.

Потом тоже испытание — ехать на этой машине, это вам не автобус, не поезд. Садимся на деревянные доски вдоль бортов, машина едет быстро, и на каждой яме сидения под нами

сначала уходят вниз, а потом мы подпрыгиваем. Выходишь — будто кто-то пинал.

После этого надо нести все вещи, рюкзак и прочее, смотреть, как радуются жизни лягушки, сидят друг на друге, листья распускаются, папоротник из земли вылезает, весна, а мы идём жить в палатках — и три недели будем в лесу, тут много дела.

Обратно нести рюкзаки тоже тяжело. Выходить из леса, ехать в машине или автобусе в деревню, мыться в бане, смотреть на реку с моста, заходить в магазин, разговаривать с продавцами, спать не в палатке в лесу, а где-нибудь на полу в сельском клубе, где ещё и натоплена печка — так странно.

Это после трёх недель странно. А брат-солдаты так жили долго, гораздо дольше. Как они выходили из леса? Как шли в обычную баню, потом по деревне, потом по городу? Что думали? Что сделали, чтобы выжить? Только сражались.

20.

После захоронения, когда отгремят солдатские залпы, мы пойдём по посёлку, купим мороженое, потом поедем на вокзал, походим по городу, купим газеты, будем фотографироваться и фотографировать мир вокруг. В лесу тоже сделано много снимков, и берёзы, и окопы, и осколки снарядов, старые противогазы, раскопы, корни деревьев. Братовья за работой и на отдыхе.

21.

Самое тяжёлое — говорить с теми, кто все эти годы не знал, где его брат-солдат, солдат-отец или солдат-дед. Потом братовья находят его, пишут его сыну, дочери или племянникам, тому, кто ещё остался и помнит, пишут им письмо, говорят: приезжайте весной, мы покажем вам, где теперь похоронен братик, где он погиб и найден — там стоит памятный крест, мы проводим, не бойтесь, не заблудитесь.

И они приезжают, надевают энцефалитки, садятся на гусеничную тяжёлую технику машину, она воет, как зверь, везёт их по лесу. К кресту подходят на своих ногах, но трудно сказать, что за ноги их привели. Твёрдые или уже не совсем, потому что у креста они подгибаются, и сыновья, дочери и так далее оказываются на коленях.

Мы прошли и видели теперь этот лес, но не знаем и сотой доли войны, — говорят эти люди на прощание. Слёзы высохли,

пора ехать. Может быть, в следующую весну они снова смогут тут побывать, так сразу не скажешь: как здоровье, как дорога — это же надо учитывать. Они говорят: спасибо. Теперь мы поняли. Одно дело, когда кости лежат просто в земле, в тропе, каждый ходит по ним, ничего не подозревает, а другое — когда всё по правилам. Мы уедем, а вы не бросайте вот этот лес, и этих солдат, потому что нельзя вам остыть. Огонь в глазах и огонь.

22.

Сейчас мы живём дома, и рядом с нами нет тишины, нет леса. Мы бегаем и говорим, ходим, садимся, включаем телевизор и слушаем радио. Даже если выключаем всё, на улице могут быть звуки, какая-нибудь машина вдруг да начнёт работать, заведётся, поедет, зашумит. Ночью, если живёшь на тихой улице, только ночью, когда всё выключишь, рядом с тобой может сесть тишина. Она сядет, обнимет тебя, если не будешь сопротивляться, и тогда вспомнишь.

Ночью, вечером, днём в том лесу, в той самой болотистой области всегда рядом с тобой была тишина, садилась, гладила по голове, смотрела в глаза, трогала сердце, дула на него, как на рану. Даже когда братья разговаривали, когда они смеялись, всё равно тишина была рядом, совсем близко. Стоило всем замолчать — и она показывалась снова.

К тишине мы не привыкли в таком количестве, мы из другого места, из другого времени. Поэтому в лесу включали музыку в наушниках. Звонили кому-нибудь, если была мобильная связь и если батарейки не сели. Но много ли наговоришь? Только самое важное — нет, не мёрзнем уже, ложимся спиной на мягкий туристический коврик — и нельзя так остыть, хлеб не промокает, спим регулярно. И это всё. И снова тишина. Большая тишина — говорят братики из других пределов. Они так долго ждали тишины, когда всё закончится, станет тихо. И вот дождались, она наступила. Никто не знает, что они тут, никто не слышит.

С этим надо что-то делать, и некоторые братья пишут сообщения домой или друзьям мобильной связью: мы маленькие и плачем. А кто-то уходит подальше от лагеря, например, движется на восток в течение получаса. Заберётся куда-нибудь — и кричит. Без слов, просто вот так: а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! И ещё несколько раз так же. Пугает тишину, разгоняет её. Но это беспо-

лезно, она навсегда поселяется в нём. И однажды ночью, когда все кругом будут спать, и сам он будет спать, его тишина придёт к нему, обнимет за плечи. И брат пролежит до утра без сна, что-то смутное будет его тревожить, но что? Кто знает. Можете спросить, но ответит ли он? Он и сам не всегда понимает, что это просто тишина встала вдруг рядом с ним, самая обыкновенная тишина, да и всё.

23.

Мы здесь живём и не знаем, думаем, люди мельчают. Становятся ниже, меньше, слабее. Раз солдаты такую войну победили, они были большими, великаны какие-то наверно. Это не так. То, что осталось, их кости, ничуть не больше, чем наши, мы проверяли в болотистой области, смотрели на свои ноги, руки, на их останки. Мы не меньше их. А иногда и больше.

Чтобы победить, им просто оставалось воевать, и ничего больше, просто каждый день делать одно и то же — воевать. Жить в лесу и воевать. Капля камень точит, говорят, вот они и победили. Так долго сражались. Они и сами говорят об этом. Вот что они делали, чтобы выжить.

24.

Это слово всё повторяют братья. Ночью ты ляжешь спать в палатку и услышишь его, утром пойдёшь умываться к воронке, и как будто шёпот над головой. Всё время оно лежит на плечах. О каждом солдате можно говорить это слово, о каждом, кто лежит тут, о каждом, кто отсюда смог уйти, смог выжить, о каждом, кто был на другой земле, то есть, на этой же, но в другой области, например, не в такой болотистой, например, южнее. Это слово повторяют солдаты всюду, в любой нашей стороне. Оно немного меняется, не везде звучит именно так. Но вообще — верно. Вот оно.

Слово о красных солдатах

Раньше были солдаты, и о них говорили, и писали книги, рукописные повести. Вот перед нами страницы книг, читай и смотри: идут солдаты, идут, а над ними — синее небо, хмурится небо, солнце пытается подсказать дорогу отряду, полку, целой армии. Все верят в солдат, солдаты верят, идут. Завязался

бой — небо чернеет, зато солдаты могут подняться над облаками, посмотреть, как там у врагов что устроено, пробежать зверем, проползти ужом, ящерицей, над болотами пролететь росянками, напугать сарычом, раствориться чечётками, синицами, пеночками, дятлом сыграть наступление, по лесам, пройти, пройти, пройти. Напасть на врага медведем, прыгнуть рысью, потоптать кабаном, смести на полном ходу лосем, и все разбегутся. Все неприятели, гады, враги. А если плен — всем известно — надо грянуться оземь, превратиться в сокола, улететь, скрыться в степи волком, уйти, уйти, потом напасть, выдрать победу, унести в пасти себе свою жизнь.

Но это умение солдаты утратили. Не быть никому теперь ни серым волком, ни холодным ужом, ни звонкой синицей, только солдатом.

И вот стали придумывать — стальные рубахи, шлемы на головы, мечи, щиты, много оружия, коней запрягли воевать. Подбирается кто с ножом — у солдат мечи. Подходит кто с большой палкой — выставляют щиты. Ничем было не взять, ни огнём, ни голодом. Так продолжалось долго, но и железо истлеет, и мечи зазубрятся — прошло и это умение.

Начались новые времена, в горах нашли камень, много железа, сняли с церквей колокола, наплавили пушек, мушкетов, кортиков, всё пустили в дело, теперь у солдат было, чем воевать. Но и это истратилось.

Солдаты всё думали, думали, наделали бронированных пушек, танков, быстрых машин, только езди, только сумей защитить. И солдаты ехали, шли, сражались, но война оказалась долгая, даже железо не выдержало, не успела доехать подмога, не смогла пробиться через огонь, снаряды, взрывалась на минных полях. В болоте остались солдаты. В чистом поле остались солдаты. В лесу остались солдаты. Ни стальных рубах, ни пушек, в руках трёхлинейки, сапёрки, наготове гранаты, а может, совсем ничего, пустые ладони, это их не спасёт, не поможет защитить мирный сон своих родных, своих жён, детей, братьев. И солдат говорил солдату: нету у нас ничего, мы не можем перебежать зверем, перескочить оленем, перенестись соколом. Птица дергач нас проводила бы в бой, но улетела, все птицы боятся выстрелов, все звери боятся нечисти.

Сапёрка твоя говорит — вот за холмами со всех сторон наша лежит земля, справа и слева, спереди, сзади. Наша земля стала красная от кровей. Красные мы солдаты, нету у нас ничего, красные мухи в глазах, красные сами глаза, мы не спали, не

ели несколько дней, красные руки и ноги — они трудились, серая кожа стёрлась до красных кровей. Красные мы солдаты, красная наша душа, смозолилась этой войной, бились мы, бились, красная стала трава, красное солнце, небо, красные стоны раненых, ранены голоса, красная стала вода под землёй, красная стала земля, пресная стала земля, тишина.

25.

Самое счастливое время — утро. Свежий воздух, очень уж свежий воздух, только и радости, кажется, ну и что? Не совсем так. Встаёшь, идёшь умываться. Главное — не забывать взять с собой в лес принадлежности гигиены. Зубную пасту и щётку, мыло, шампунь. Полотенце. В нашем лагере в те вёсны не было реки, и все умывались из воронки. Готовили на воде из другой воронки. Весна, берёзы, свежий воздух и природа. Романтика, подумает кто-нибудь, жить без реки в лесу, нюхать воздух, говорить — вот и весна, пришла и идёт, говорить — какой воздух сегодня вкусный, где-то там зацвела черёмуха, ветер в нашу сторону. Вот и весна, поглядите, вот и весна. И так каждый день. Это, конечно, не романтика, но что-то в этом есть.

Одним таким утром один из братьев нашёл того человека, того, что был потерян. В то утро братовья вышли из болота, чтобы вскоре ехать домой, проделать обратный путь.

Кто-то видел лису весной, как она бежит по лесу, рыжая и яркая среди полуголых деревьев. В это время все лисы ещё голодные, злые, можно спутать с бешеными. Кабаны рылись в земле, искали что-то. Птица дятел стучит по деревьям, ищет себе жуков, вороны свили гнёзда, но они сюда не залетают весной, среди берёз они бывают только осенью, не сейчас. Самый страшный зверь — это медведь. Братовья рассказывают, что он иногда выходил к людям в этой болотистой местности. Где-то лают собаки, до деревни далеко, и значит, это охотники ищут кого-то.

И звёзды ночью, как посмотришь, то видны, то не видны, земля крутится, день сменяет ночь, а ночь — день, всё живёт. И даже небольшие деревья, которые достали мы из раскопа и пересадили в другое место — через день снова живут.

26.

Внимание — всё очень ясно видно, и внимание наше сосредоточено. Мы смотрим через прозрачный воздух и видим деревья, видим вывернутые корни, белые подснежники, бутоны черники, готовые распуститься — видим саму весну, это она. Мы поднимаем руки, закидываем их за голову, ложимся в подснежники — мы сдаёмся весне.

СОДЕРЖАНИЕ

Мария Ботева Фотографирование осени
90000